28 декабря 1912 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи епископъ *Георгій*.

Памяти Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго.

(Къ годовщинѣ кончины его † 3 февраля 1912 г).

I.

Кончина Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго, была въ Россіи для многихъ большою неожиданностью: о болѣзни приснопамятнаго Архіепископа въ печати свѣдѣній почти не появлялось. Но печальная катастрофа казалась быстро надвигающейся для тѣхъ, кто имѣлъ случай болѣе или менѣе часто быть въ общеніи съ покойнымъ Владыкою въ послѣдній годъ... Итакъ,—съ какого времени началась болѣзнь Владыки, постепенно приведшая его къ могилѣ?

Разумѣется, точную дату сего печальнаго событія установить невозможно. Но съ точностью можно сказать, когда самъ Владыка узналъ о своей болѣзни. Такъ, еще 12 (25) декабря 1910 года вотъ что онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «опять усиливающаяся болѣзнь горла заставила позвать доктора Ясосима, который, выслушивая грудь мою, неожиданно заявилъ: «да у васъ сердце разстроено; надо принимать мѣры». *Что сердце у меня въ послѣдній годъ не въ порядкѣ, это я знаю давно.* Но теперь не до того, а хоть бы кашель поскорѣе остановить,—надоѣлъ смерть».

Ровно черезъ три дня тотъ же Ясосима прибылъ къ Владыкѣ съ врачемъ-спеціалистомъ. Это было 15 (28) декабря 1910 гола. Кромѣ докторовъ въ комнату Владыки набилось народу нужнаго и ненужнаго множество. Не желая дополнять собою количество любопытныхъ, я предпочелъ послѣ отъ са-

мого Владыки услышать, что нашли доктора, или вѣрнѣе докторъ, ибо Ясосима, которому довѣрился Владыка, былъ лишь спеціалистомъ ушныхъ болѣзней. «Сердце слабовато. Но ничего особеннаго, для жизни опаснаго, нѣтъ»,—вотъ что мнѣ сказалъ Владыка. А въ своемъ дневникѣ записалъ слѣдующее: «Д-ръ Ясосима привелъ съ собою другого доктора, который внимательно осмотрѣлъ мою грудь, и сказалъ, что сердце далеко не въ порядкѣ; надо не ходить скоро, не брать горячей ванны, не употреблять ничего горячительнаго: перца, горчицы, вина,—что я и безъ того не дѣлаю, и проч. Буду все соблюдать, по возможности. *Ужели отъ сердца придется умереть? Я все думалъ, что у меня въ желудкѣ врагъ.* Впрочемъ, меня на томъ свѣтѣ давно ищутъ, и отъ какой бы ни было причины, а скоро придется отправиться».

Такъ записалъ Владыка подъ 15 (28) декабря... Дѣйствительно, послѣ сего онъ сталъ во-время прогулокъ ходить тише. Слугѣ приказалъ готовить ванны «не столь горячія». Но такъ какъ термометра въ ваннѣ не было, а дотолѣ ванны готовились «по-японски», т. е. почти температуры кипятка, то и болѣе прохладныя ванны, вѣроятно, были такія, отъ которыхъ пришелъ бы въ ужасъ докторъ-европеецъ. Къ сожалѣнію, я не могъ въ началѣ болѣзни Высокопреосвященнаго Архіепископа Николая быть ему чѣмъ нибудь полезнымъ по той простой причинѣ, что съ 29 декабря 1910 года я уѣхалъ въ путешествіе по южнымъ церквамъ Японіи, изъ каковаго возвратился лишь чрезъ 100 дней, 8 апрѣля 1911 г. Владыка вообще не любилъ писать о своемъ нездоровьѣ. Однако, видимо его болѣзнь временами ухудшалась настолько, что онъ измѣнялъ себѣ и кой что о себѣ мнѣ писалъ. Такъ, 26 февраля (11 марта) онъ сообщаетъ мнѣ: «сегодня здѣсь какая халёпа на дворѣ! Дождь со снѣгомъ, и снѣгъ съ дождемъ! Всю ночь тоже шелъ дождь, и не оттого ли мнѣ ночью было очень скверно. Не могъ спать ни на одномъ боку, ни на другомъ,—удушье; всю ночь просидѣлъ и проходилъ. Жду доктора. Д. б. грудная жаба, которая во всякую минуту можетъ задушить... Прескверное состояніе, когда чувствуешь, что дышать почти нечѣмъ; выходилъ наружу и открывалъ ротъ во всю ширину, глотая воздухъ до дна легкихъ, какъ рыба, которая задыхается въ водѣ, лишенной воздуха. Но, конечно, бороться съ болѣзнью буду всѣми средствами, какія даетъ медицина».

Объ этомъ приступѣ болѣзни отмѣтилъ почившій и въ

своемъ дневникѣ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, но съ нѣкоторыми подробностями:... «когда казалось, что въ комнатѣ не чѣмъ дышать, выходилъ наружу, гдѣ дышать было легче. Очень удивила эта, неиспытанная доселѣ болѣзнь, почему утромъ послалъ за докторомъ; онъ, по изслѣдованіи, сказалъ, что—*астма*, и не опасно для жизни; прописалъ лекарство»...

Конечно, затруднительно гадать, какія причины вызвали столь значительное ухудшеніе болѣзни. Но не даетъ ли отчасти отвѣтъ на это и самъ почившій?... Въ приведенномъ выше сообщеніи о своей болѣзни не проговорился ли онъ и о ближайшей причинѣ бывшаго припадка? Вотъ онъ нѣсколько ниже продолжаетъ мнѣ: «во всякомъ случаѣ вамъ полнымъ хозяиномъ придется быть скоро. На дняхъ получилъ телеграмму, что мой братъ померъ, а я на три года старше его. Пора и мнѣ, хотя очень хотѣлось бы докончить переводъ главныхъ богослужебныхъ книгъ; а о Ветх. Завѣтѣ, повидимому, надо перестать думать,—это будетъ вашъ трудъ»... А нѣсколько ниже, уже совсѣмъ въ грустномъ тонѣ продолжаетъ: «если еще вмѣстѣ поживемъ хоть бы и лѣтъ 5, я во всякомъ случаѣ буду блекнуть и опускаться, какъ вянущій листъ; и дѣло мое будетъ исключительно переводческое. А вы, возрастая изъ силы въ силу, будете возращать Японскую церковь, ваше дѣло будетъ прогрессивно жизненное,—таковъ законъ природы. Во всемъ же да будетъ воля Божія, которой покорно будемъ подчиняться».

Итакъ, смерть родного брата, протоіерея въ г. Сызрани, поставила предъ взоромъ Владыки яснѣе, чѣмъ когда либо, вопросъ о возможной скорой смерти. Не боялся никогда почившій смерти. Но жить ему хотѣлось. И жить не для простого прозябанія, а «для того, чтобы побольше перевести богослужебныхъ книгъ»... Впрочемъ, и въ этомъ вопросѣ онъ покорно отдавался волѣ Божіей. Даже больше: поскорбѣвъ мало, онъ видимо скоро опять пріобрѣталъ благодушіе, и о томъ же предметѣ могъ говорить въ тонѣ, не показывающемъ скорби: «итакъ, говорю, хозяйскій глазъ вездѣ. И дѣйствительно чувствуйте себя хозяиномъ. У васъ уже и право на то есть, «тегара» есть. На меня перестаньте взирать. Я отпѣтый. Братъ вотъ тоже былъ живъ до послѣдняго времени; послѣднимъ письмомъ убѣждалъ меня не выходить никуда на покой: «въ Японіи твой покой», писалъ; едва я успѣлъ отвѣ-

тить на это его утѣшеніе, какъ телеграмма: «переселился къ праотцамъ». А отчего? Съ прор. Давидомъ не счелъ дозволительнымъ разногласить: уже за 70 было. У меня же: и сердцебіеніе, и астма и—главное 75 лѣтъ. Правда, Накаи увѣряетъ, что нашелъ подлинную рукопись Давида на Еврейскомъ, гдѣ не 70, а 100; но онъ еще не представилъ мнѣ доказательствъ, что это не апокрифъ. Итакъ, вы все больше и больше должны убѣждаться, что необходимо вамъ войти совсѣмъ во всѣ обязанности и во всѣ чувства и сознаніе полнаго хозяина. Такъ и сдѣлайте».

Предъ праздникомъ Св. Пасхи, въ В. Пятокъ возвратился я въ Миссію. Прожилъ здѣсь 10 дней, до понедѣльника на Ѳоминой. Но особыхъ перемѣнъ въ покойномъ Архіепископѣ не нашелъ. Усердно онъ служилъ на Св. Пасхѣ. Христосовался до 6 час. утра съ христіанами въ первый день. Ѣздилъ съ визитами къ русскимъ резидентамъ Тоокёо, Ёкохама. Въ среду на Пасхѣ даже совершилъ крещеніе у офицера Н. В. Осипова и послѣ сего—у него обѣдалъ. Словомъ, жизнь шла, какъ и въ прежніе годы, безъ перемѣнъ. Поэтому, совершенно успокоеннымъ поѣхалъ и я въ свое дальнѣйшее путешествіе, на этотъ разъ по 18 іюня, т. е. на два мѣсяца.

Мнѣ неизвѣстно съ точностью, въ чемъ проводилъ часы своего досуга покойный Владыка во время моего отсутствія изъ Тоокёо послѣ Пасхи. Кажется, не боясь ошибиться, могу сказать, что онъ составлялъ опись церковныхъ вещей, доселѣ еще не занесенныхъ въ опись. А такъ какъ почившій Архіепископъ всегда все дѣлалъ *самъ*, не довѣряя никому, то ему пришлось самому вынимать изъ шкафовъ, и даже снимать со шкафовъ тяжелые ящики, ихъ раскрывать, содержимое вынимать, переписывать. Потомъ, опять все складывать, и тяжелые ящики поднимать на свои мѣста. Результатъ этой работы виденъ доселѣ каждому: на всѣхъ иконахъ, священныхъ сосудахъ, священныхъ облаченіяхъ,—словомъ на всѣхъ церковныхъ предметахъ или наклеены, или пришиты, или пришпилены написанные собственноручно Архіепископомъ ярлычки, съ № по описи... А въ часы вечерніе Владыка составлялъ текстъ новой описи...

Но насколько блестящи были результаты его трудовъ для благоустройства соборной ризницы, настолько они были печальны для его здоровья... Позволю опять привести по этому поводу его строчки изъ письма ко мнѣ отъ 22 мая (4 іюня)

1911 года: «ходить не могу, встать почти не могу,—только сидѣть и лежать могу. Занялся описью въ ризницѣ, и постоянное снованье по лѣстницамъ, нагибанье, подниманье нелегкихъ вещей растревожили мою поясницу [надломленную малость еще въ отрочествѣ несчастнымъ паденіемъ съ обледенѣвшей лѣстницы, при чемъ поясницей упалъ на ребро камня] до того, что вотъ вчера не могъ быть во Всенощной, сегодня не служу Литургію».

Весьма возможно, что Владыка растревожилъ и старинную болѣзнь, поскольку дѣло идетъ о поясницѣ. Но внѣ всякаго сомнѣнія, что снованье по лѣстницамъ, нагибанье, подниманье нелегкихъ вещей причинили ему зла больше, чѣмъ могли бы причинить запрещенные перецъ, горчица и проч. А запретить почившему работать, или по крайней мѣрѣ убѣдить его работать поменьше,—такой силы ни у кого не было...

Утомивъ себя на работѣ по составленію описи, Высокопреосвященный Николай окончательно переутомился во время іюльскаго очередного Собора и пріуроченнаго къ нему 50-няго юбилея прибытія его въ Японію. Не безъ тревоги всѣ, любившіе Владыку, ждали этого времени. Но вотъ начали съѣзжаться со всѣхъ концовъ Японіи іереи, катихизаторы... Ихъ только одних было свыше 120 человѣкъ... А поусердствовали и многіе провинціальные христіане. И вотъ 75-тній старецъ ежедневно, съ ранняго утра до поздняго вечера, сидѣлъ въ своей комнатѣ и выслушивалъ доклады іереевъ о состояніи ихъ приходовъ, разсказы катихизаторовъ о проповѣди въ предѣлахъ ихъ вѣдѣнія; или любезно бесѣдовалъ съ какою-либо бабушкою, прибывшей изъ далекихъ краевъ... Начался Соборъ... А на немъ развѣ мало дѣла, волненій?... Празднованіе юбилея... Въ теченіе одного дня Литургія, молебенъ, обѣдъ въ Отелѣ съ почетными гостями, музыкальный вечеръ. Этимъ мы, молодые, закончили... Но 75-тній старецъ былъ приглашенъ на собраніе бывшихъ воспитанницъ Суругадайской школы... И пошелъ. И не столько слушалъ, сколько говорилъ и поучалъ... Нужно было удивляться тому, какъ могъ вынести Владыка такой день...

А и «завтра» не обѣщало отдыха... Долгое, часа на 4, чтеніе адресовъ. А вечеромъ обѣдъ на миссійскомъ дворѣ, съ сотнями христіанъ... Но мнѣ кажется, и этотъ день прошелъ бы для почившаго сравнительно благополучно, если бы не заключительный моментъ... Воодушевленный рѣчами, Владыка

всталъ, съ необыкновенной энергіей какъ то вздернулъ головой, и голосомъ, котораго достало на всю широкую площадь, занятую обѣдавшими сотнями христіанъ, предложилъ спѣть «Кими га ё» (японскій гимнъ) въ честь Его Величества, Императора Японіи, благодаря религіозной терпимости котораго христіанство получило возможность не только распространяться, но и пользоваться если не покровительствомъ, то во всякомъ случаѣ полнымъ благополучіемъ... Нужно было видѣть необыкновенное возбужденіе Владыки, его покрытое румянцемъ лице... Нужно было слышать, какъ Владыка не только запѣлъ первый гимнъ, но и пѣлъ его до конца... Нужно было видѣть этотъ молодой огонь въ столь немолодомъ уже организмѣ... И тогда ясно было бы каждому, что сей моментъ не могъ для разстроеннаго сердца Владыки пройти безслѣдно... И результаты не замедлили сказаться.

Кончился Соборъ... Разъѣхались іереи и катихизаторы по своимъ мѣстамъ. Владыка остался одинъ... Послѣ бывшаго возбужденія реакція наступила быстро. И вотъ, уже 14 (27) іюля онъ заноситъ въ свой дневникъ: «прохворалъ весь день, и почти ничего добраго не сдѣлалъ. Докторъ осмотрѣлъ, и далъ два лекарства отъ простуды и астмы». Не улучшилось положеніе Владыки и на слѣдующій день: «былъ болѣнъ и лѣнивъ весь день. Читалъ «Труды и жизнь Погодина»—больше ни къ чему не могъ принудить себя»... Не принесъ улучшенія и третій день: «тоже цѣлый день былъ болѣнъ и лѣнивъ»,— продолжаетъ отмѣчать въ дневникахъ почившій Архіепископъ.

«Лѣнивъ... Лѣнивъ»...,—пишетъ Владыка. Вѣроятно ему такъ казалось, и искренне казалось... На самомъ же дѣлѣ онъ такъ усталъ и ослабѣлъ, что ничего не могъ дѣлать. Въ этомъ онъ и самъ признается на четвертый день болѣзни: «17 (30) іюля 1911. Воскресенье. Едва отслужилъ обѣдню,— ослабѣлъ»... «Тоже болѣнъ и слабъ»,—читаемъ и на слѣдующій день...

Итакъ, вотъ результаты трудовъ въ ризницѣ, хлопотъ во время Собора и безпокойствъ во время юбилейныхъ торжествъ... Владыка нашъ не только заболѣлъ, но и ослабѣлъ...

Эта его слабость, его усталый видъ невольно бросались въ глаза всякому постороннему человѣку... И не любилъ сего, болѣе,—терпѣть не могъ сего покойный Владыка... Даже простая фраза вѣжливости: «какъ Ваше здоровье»,—его выво-

дила изъ себя... Ему казалось сразу же, что его считаютъ больнымъ. И Боже упаси, бывало, спросить его: «не устали ли Вы, Владыко»... Владыка тогда гордо выпрямлялся и говорилъ: «50 лѣтъ работалъ и не уставалъ... Не устаю и теперь... Если дѣло есть,—позвольте: сейчасъ сдѣлаю... Если нѣтъ,—до свиданья»... Говорилъ такъ, самъ едва двигаясь, сильно волнуясь, и этимъ еще болѣе ослабляя себя... А послѣ приходитъ ко мнѣ и жалуется, что его такими вопросами обижаютъ: «еще погодите хоронить», — отвѣтилъ онъ въ одномъ случаѣ... Дѣлать нечего, — пришлось дать распоряженіе, что если кто будетъ спрашивать Владыку,—прежде всего направляли бы таковыхъ ко мнѣ [разумѣю посѣтителей русскихъ]. А я уже всѣхъ наставлялъ, чтобы не спрашивали Владыку не только о болѣзни и усталости, но и о здоровьѣ... И послѣ сего недоразумѣнія почти прекратились, и невольно обиженныхъ не было...

Не терпя рѣчей о болѣзни и усталости, самъ Владыка, впрочемъ, одному мнѣ, постоянно говорилъ не только о болѣзни, но и возможной смерти, и паннихидахъ... И говорилъ такъ часто, и въ такихъ иногда формахъ, что нужно было имѣть съ одной стороны вполнѣ благодушный характеръ, съ другой—вполнѣ вѣрить въ искреннюю любовь ко мнѣ Владыки, чтобы на сіи разговоры не обижаться... Медленно поднимается Владыка по 22 ступенямъ въ мою квартиру... Тяжело дыша, но улыбаясь входитъ... Здоровается... «Погодите, дали отсрочку... Отложилъ умирать»,—заявляетъ съ первыхъ словъ... Но такіе разговоры еще пол-горя... Приходилось молча выслушивать и такіе: «скоро, скоро запоете паннихиду... Не долго ждать»... Впрочемъ, не скрою, что все же я какъ-то разъ убѣдительно попросилъ Владыку не говорить такихъ словъ по крайней мѣрѣ при постороннихъ... Мысль о смерти, о паннихидахъ какъ-то не оставляла Владыку въ теченіе лѣта, до моего отъѣзда въ путешествіе по церквамъ... Но это не значитъ, что онъ непремѣнно при этомъ скорбѣлъ... Нѣтъ,— онъ даже въ этотъ періодъ слабости и болѣзней умѣлъ быть остроумно веселымъ: «Представляю себѣ... Входите въ мою квартиру... А я мертвый... Вы блѣднѣете... «Кавамура, воды»,— кричите... А послѣ, поуспокоившись: «Кавамура, свѣчей. Поемъ «Со святыми!»... А вотъ въ другомъ случаѣ почившій представлялъ, какъ я надъ нимъ буду говорить надгробное слово: «Братія и сестры. Смотрите: долго жилъ, а всетаки умеръ...

И почему умеръ? Потому, что былъ гнѣвливъ, тороплив, удержу въ работѣ не зналъ... Такъ смотрите же,—будете ему подражать,—обязательно и вы умрете»,—все это говорилось съ такимъ благодушіемъ, что удивляться приходилось, какъ Владыка можетъ спокойно говорить о томъ предметѣ, о коемъ люди не привыкли и думать-то спокойно.

Однако, лѣто пролетѣло быстро, и въ десятыхъ числахъ августа я снова уѣхалъ въ путешествіе, на этотъ разъ до декабря мѣсяца. Поѣхалъ сначала на Японскую часть Сахалина, а потомъ въ сѣверо-восточныя церкви... О дальнѣйшемъ ходѣ болѣзни Владыки, поэтому, могу говорить лишь на основаніи его замѣтокъ въ дневникѣ, отчасти — по письмамъ его ко мнѣ.

Мысль о возможной кончинѣ, видимо, не покидала Владыку по моемъ отъѣздѣ въ путешествіе. «Вашъ до «со святыми» Арх. Николай»,—такъ онъ подписался въ письмѣ ко мнѣ отъ 15 (28) августа 1911 года. Да несомнѣнно и болѣзни не покидали его, хотя въ августѣ и сентябрѣ онъ и не сдѣлалъ объ нихъ въ своемъ дневникѣ большихъ замѣтокъ. Но въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ онъ не умолчалъ объ астмѣ и, по обычаю, въ шутливомъ тонѣ писалъ мнѣ 11 (24) сент.: «У меня астма раза два спрашивала: «а что, не отпѣть ли намъ со святыми»?.. Но я ей отвѣтилъ: «нельзя,—и Кавамура нѣтъ, уѣхалъ въ Осака чинить текущую крышу, и Преосвященнаго нѣтъ»,—она почесала въ затылкѣ, и успокоилась». Но ровно черезъ недѣлю, 18 сент. (1 окт.) въ дневникѣ уже читаемъ: «служить трудно. Поясница болитъ, слабость, усталость. Не дай Богъ, чтобъ сдѣлалось хуже». Къ сожалѣнію, Владыкѣ въ скоромъ времени сдѣлалось много хуже, и можно сказать, что весь русскій октябрь онъ промучился: астма то усиливалась, то ослабѣвала, но совсѣмъ его не покидала. Но пусть самъ Владыка намъ скажетъ о тяжеломъ октябрѣ... Числа буду приводить лишь по старому стилю...

1 окт. «Полночи не спалъ,—астма мучила, и потому съ трудомъ служилъ Литургію, ослабѣлъ».

3 окт. «Цѣлый день страдалъ астмою, и ничего серьезнаго не могъ дѣлать».

9 окт. «Съ трудомъ служилъ Литургію. Ослабѣлъ; астма мѣшаетъ спать».

12 окт. «Астма задавила; спать нисколько не могъ,—ослабѣлъ».

13 и 14 окт. «Тоже. Былъ докторъ Ясосима, и далъ лекарство, но плохо помогаетъ».

15 окт. «Прошлую ночь страдалъ, какъ никогда, и сидя ни минуты не могъ заснуть. Съ половины всенощной вызвалъ доктора Ясосима, осмотрѣлъ и запретилъ завтра служить и даже говорить, чтобъ успокоить горло».

16 окт. «Не служилъ, и въ церкви не былъ, а лежалъ и не говорилъ весь день; оттого астма успокоилась».

17 окт. «Ночь проспалъ спокойно, астмы не было; но слабость, едва хожу».

20 окт. «Слабость отъ астмы и малоспанья».

22 окт. «Страдалъ астмой весь день; но работалъ и въ церкви былъ«.

23 окт. «Служилъ, но едва отслужилъ; и голосъ слабъ, и ходить несвободно. Вечеромъ особенно трудно было; но переводъ шелъ своимъ чередомъ».

24 окт. «Астма лучше»... И этотъ періодъ нѣкоего облегченія, кажется, продолжался до 3 (16) ноября.

Итакъ, вмѣсто случайныхъ припадковъ астмы, съ октября началось длительное ея теченіе.... И сказать правду,—не было условій, которыя астму задерживали бы. Наоборотъ, вся жизнь Владыки складывалась какъ бы нарочито къ усиленію болѣзни... Докторъ... Но его Владыка вызывалъ лишь въ крайнихъ случаяхъ. Да и специальность-то его была,—ушныя болѣзни... Но Владыка весьма довѣрился ему, какъ и Ясосима-буддистъ весьма уважалъ своего паціента. Докторскія предписанія... Извѣстный режимъ... Но все это исполнялось Владыкой постольку, поскольку не мѣшало «работѣ»... А разъ что-либо изъ предписаннаго режима не давало работать,—просто забывалось... Докторъ предписываетъ не служить, не говорить... Словомъ: предписываетъ почти абсолютный отдыхъ... А чѣмъ отвѣчаетъ Владыка?.. «Астма на дняхъ чуть не задавила меня, три ночи не спалъ, и ослабѣлъ такъ, что въ прошлое Воскресенье служить не могъ,—едва ноги таскалъ. Теперь двѣ ночи поспалъ, и поправился. *Этой мерзавкѣ астмѣ мѣшать нашимъ занятіямъ съ Накаемъ мы не на волосъ не позволяемъ*; сидя можно дѣло дѣлать, хотя и охая»... Такъ мнѣ писалъ покойный 19 окт. (1 нояб.). Удивительно ли послѣ этого, что болѣзнь его иногда донимала такъ, что онъ находилъ возможнымъ въ письмѣ подписаться: «Я еще живъ, потому что не только васъ, но и Кавамура нѣтъ,—въ Хакодате уѣхалъ» (письмо отъ 11 (24) окт.).

Но недолго продолжалось нѣкое облегченіе болѣзни. Правда, 2 (15) ноября Высокопр. Николай въ шутливомъ тонѣ сообщаетъ мнѣ письмомъ: «Я отложилъ умирать,—потому—Кавамура безъ васъ не можетъ же пропѣть панннихиды»... Но уже съ 3 (16) ноября болѣзнь возобновилась, и безъ сомнѣнія въ большей силѣ, чѣмъ въ октябрѣ: «Въ половинѣ 3-го часа ночи астма разбудила и не дала больше спать; *всталъ и занимался дѣлами*. Освоившись съ этой болѣзнью жить можно; *далъ бы Богъ подольше прожить, чтобы побольше перевести*»...

Съ этого дня начались опять грустныя отмѣтки о болѣзни Владыки въ его дневникѣ...

6 нояб. «Служилъ Литургію съ трудомъ. Послѣ цѣлый день былъ болѣнъ».

7 нояб.: «Удушье мучило весь день».

11 нояб.: «Опять астма».

12 нояб.: «Нисколько не заснулъ ночью, оттого слабость».

13 нояб.: «Ночь не спалъ. Литургію не служилъ, и въ церкви не былъ. Цѣлый день страдалъ удушьемъ. Вечеромъ работалъ».

14 нояб.: «Опять ночь не спалъ, и весь день страдалъ. Впрочемъ переводомъ занимался».

17 нояб.: «Ночью 4 часа спалъ сидя, оттого день былъ сносный».

18 нояб.: «Астма слабѣе. Послѣ ванной ночь проспалъ».

19 нояб.: «Вялость отъ астмы; письма писать не могъ. За всенощной былъ, и къ службѣ готовился».

20 нояб.: «Служить Литургіи не могъ; цѣлый день астма ужасно мучила».

21 нояб.: «Съ трудомъ отслужилъ Литургію».

25 ноября: «Астма хуже и хуже; ослабѣлъ, едва хожу.

26 нояб.: «Усиленіе астмы заставило послать за докторомъ Ясосима.—«А что, докторъ, не посовѣтуете ли написать завѣщаніе»? спрашиваю.—«Отъ астмы рѣдко кто помираетъ; ваша астма не опасна. Но завѣщаніе отчего не написать. Я моложе васъ, но завѣщаніе и у меня написано»...

27 нояб.: «Въ церкви былъ. Цѣлый день мучила астма».

28 нояб.: «Здоровье нѣсколько лучше»...

Таковы записи самого Владыки о состояніи его здоровья въ ноябрѣ. Чувствуется, что болѣзнь не покидала его весь мѣсяцъ. Вѣроятно, не желая меня безпокоить во время путешествія, Владыка мало мнѣ писалъ о своей болѣзни въ но-

ябрѣ. Лишь послѣ начала болѣзни 3 ноября, онъ подписался мнѣ въ письмѣ: »весь вашъ, еще живой, слуга и богомолецъ А. Ник.». Затѣмъ 15 (28) ноября онъ сообщилъ мнѣ: «Здѣсь все благополучно. Только астма по временамъ весьма забижаетъ меня. Прошлое воскресенье служить не могъ, не смотря на то, что съ вечера готовился. Какъ ночь не поспишь (да еще подрядъ три ночи), такъ сильно ослабѣваешь. Переводъ, впрочемъ, идетъ безъ малѣйшаго ущерба»... Пишетъ мнѣ Владыка и утромъ 21 ноября: «Иду обѣдню служить, а вчера не могъ,—астма цѣлый день несносно мучила. Васъ да хранитъ Богъ отъ всѣхъ подобныхъ дряней»!

Записи Владыки предъ глазами читателя... Съ одной стороны,—болѣзнь, усиливающаяся болѣзнь... Съ другой,—упорныя отмѣтки Владыки: «вечеромъ работалъ... переводомъ занимался... переводъ идетъ безъ малѣйшаго ущерба»... Не легко было бы и опытному доктору успокоить все усиливавшуюся астму Владыки. И конечно, такая задача была совершенно не подъ силу специалисту ушному Ясосима.. Да и сего-то звалъ Владыка очень рѣдко...

Что чувствовали лица, окружавшія Владыку, можно судить хотя бы по такой сценкѣ... Уже въ началѣ декабря пріѣзжаю въ Сендай, направляясь къ Токёо. Для служенія со мной прибылъ столь часто упоминаемый Владыкою иподіаконъ Кавамура... «Ну, какъ здоровье Владыки»,—спрашиваю. Иподіаконъ Кавамура заплакалъ и отвѣтилъ мнѣ буквально такъ: «если днемъ даже раньше прибудете въ Токёо, будетъ хорошо»... Опасное положеніе Владыки всѣ чувствовали. Но не могъ объ этомъ знать я... Замѣтки въ письмахъ столь угрожающими не казались. А въ Токёо я могъ возвратиться лишь послѣ Николина дня.

Любопытно, что въ предпослѣднемъ письмѣ, писанномъ 2 (15) декабря Владыка какъ бы въ жизненное наставленіе мнѣ писалъ: «Берегите здоровье. Охъ, какъ надо беречь здоровье. Будете невнимательны къ своей *карада*, очень пожалѣете потомъ»...

7 (20) декабря я возвратился въ Токёо. Радость Владыки была большая. Но и я поуспокоился, ибо Владыка показался мнѣ далеко не столь слабымъ, чтобъ мое возвращеніе желательно было «хотя бы днемъ раньше». Однако, онъ съ удовольствіемъ согласился отдохнуть до Рождества Христова, предоставивъ мнѣ совершать всѣ имѣющія быть службы: обычно

мы чередовались съ нимъ въ своихъ служеніяхъ. Жизнь потекла попрежнему однообразно. Я приходилъ къ нему утромъ и, не рѣшаясь спросить о здоровьѣ, лишь освѣдомлялся, спалъ ли Владыка... Къ сожалѣнію, отвѣтъ былъ почти одинъ и тотъ же: «спалъ, но сидя», или: «спалъ, потому что принялъ усыпляющаго; но спалъ сидя». На койку Владыка почти пересталъ и ложиться, ибо его сразу же начинало душить... Но въ предъобѣденные часы онъ занимался, нисколько не измѣняя своему обычаю. Въ 12 час. дня поднимался ко мнѣ и ежедневно мы вмѣстѣ обѣдали... Что меня поразило, такъ его медленность въ пріемѣ пищи... Бывало, пока я ѣмъ два блюда, онъ успѣвалъ съѣсть три. А теперь все ѣлъ какъ-то медленно; жаловался на отсутствіе аппетита; тѣмъ не менѣе съѣдалъ все, что подавали, постоянно шутливо замѣчая: «вотъ, и діаконъ Кугимія предъ смертью ѣлъ такъ же много, какъ я». Послѣ обѣда иногда Владыка пытался отдохнуть: «дополнить ночь», какъ онъ выражался... Въ пятомъ часу дня, при условіи ясной погоды, выходилъ-было сначала со мной на прогулку по миссійскому двору, но скоро докторъ это запретилъ: простудился какъ-то Владыка, о чемъ такъ занесъ въ свой дневникъ: «гулялъ на воздухѣ вмѣстѣ съ Пр. Сергіемъ, и опять, кажется, астму застудилъ, хотя и отличная погода была» (запись 14-го декабря). Послѣ сего Владыка окончательно закрылся въ своей квартирѣ, поручивъ мнѣ по возможности не пускать къ нему посѣтителей»: «говорите, что умираетъ-де».

II.

Владыка Архіепископъ Николай, дѣйствительно, выдержалъ себя и до праздника Христова Рождества не служилъ. Вечеромъ подъ праздникъ на литію выходилъ я; но на величаніе вышелъ Владыка Архіепископъ со мной. Во время канона помазывать елеемъ богомольцевъ попросилъ меня, но и самъ не разоблачился, а лишь ушелъ въ алтарь. И не сидѣлъ во время канона, а все время простоялъ предъ Престоломъ при открытыхъ царскихъ дверяхъ. Въ самый день праздника Высокопр. Николай совершалъ Литургію въ сослуженіи со мной. Голосъ его былъ полный. Служилъ бодро. Не замѣтно было и признаковъ усталости... «Смотрю: идете предъ началомъ Литургіи къ каѳедрѣ... Черная борода... Полны силъ... А я уже побѣлѣлъ... Я уже ослабъ... Это два періода нашей церковной

исторіи, уходящій и надвигающійся... Ну, дай вамъ Богъ здѣсь прослужить не меньше, чѣмъ я»,—таковымъ пожеланіемъ напутствовалъ меня Владыка въ первый день Рождества...

Однако, не все было въ этотъ годъ такъ же, какъ въ предшествующіе... Вотъ кончается обѣдня... Владыка принимаетъ быстро поздравленія бывшихъ у Литургіи русскихъ и идетъ затѣмъ въ особую комнату, гдѣ собрались воспитанники и воспитанницы миссійскихъ школъ. Поютъ тропарь, кондакъ празднику, произносится священникомъ эктенія... Учащіеся громко поздравляютъ Владыку... Все это было и нынче, какъ прежде... Но раньше Владыка непремѣнно раздавалъ всѣмъ дѣтямъ на гостинцы, каждому отдѣльно, каждаго благословляя... Нынче на это силъ уже не хватило... И онъ съ грустью далъ представителямъ той и другой школъ опредѣленную сумму. И воскресная школа... Сколько она доставляла радости Владыкѣ!.. Опять пѣніе... Опять поздравленіе... Потомъ раздача на гостинцы дѣтямъ «по числу годовъ ихъ»... Нынче Владыка лишь посидѣлъ въ комнатѣ... А раздать на гостинцы и дать всѣмъ по мандарину просилъ меня... Силъ было мало, хотя храбрости показывалъ много. И даже отправился на собраніе, устроенное въ небольшой комнатѣ въ честь воскресной школы... Посѣтителей было, кромѣ дѣтей, сотни двѣ. Дышать было нечѣмъ. Но почившій Святитель не только отсидѣлъ на собраніи до конца, но еще сказалъ дѣтямъ рѣчь, продолжавшуюся минутъ 15. Визиты русскихъ, членовъ посольства и резидентовъ Тоокёо и Ёкохама... А вечеромъ служба... И все это Владыка вынесъ, не показывая и вида, что ему нелегко... Или праздничное настроеніе заставило его забыть немощи?..

На второй день Рождества Христова Владыка, конечно, былъ у Литургіи. Послѣ нея принималъ поздравителей. А послѣ обѣда и самъ поѣхалъ съ визитами... Какъ ѣхать, чтобы не простудиться,—вотъ былъ вопросъ... Я убѣдилъ Владыку нанять карету на полдня, что стоитъ лишь 5 енъ; между тѣмъ дзинрикися за полдня съ насъ брали по 5 енъ, правда, телѣжку тащили по два человѣка... Владыку убѣдили не слова мои, а практическій расчетъ: будетъ вдвое дешевле... Сѣли въ карету... «Первый разъ въ Японіи ѣду въ каретѣ... Ну,—и стыдно же!.. Глядите!.. Глядите! Всѣ показываютъ пальцами и говорятъ: миссіонеръ ѣдетъ въ каретѣ... А премило ѣхать!.. Все равно, что въ комнатѣ сидишь»... Такъ шутилъ Владыка, когда мы ѣхали

въ посольство... Здѣсь посѣтили повѣреннаго въ дѣлахъ А. Н. Броневскаго, оставили карточки прочимъ, отсутствовавшимъ членамъ посольства, и поѣхали къ посольскому протоіерею о. П. І. Булгакову... Здѣсь Владыка любилъ бывать, конечно, въ праздники... Съ удовольствіемъ пріѣхалъ онъ сюда и нынче... Зашелъ въ столовую... Съѣлъ рождественскихъ яствъ нѣсколько... Выпилъ рюмку какого-то винограднаго вина... И на этомъ онъ пожелалъ кончить визиты... «Усталъ... Да извинятъ всѣ... Свезите вы мои визитныя карточки»,—просилъ Владыка... И я, отвезя Владыку домой, визиты продолжалъ одинъ...

На третій день Рождества Христова мы ежегодно съ Владыкой ѣздили къ русскимъ въ Ёкохама... Нынче онъ ѣхать отказался, и оставшись дома, съ секретаремъ перечитывалъ поздравительныя къ празднику письма изъ церквей.

Въ ночь на 28 декабря астма у Владыки возобновилась: «ночь не спалъ, мучила астма. День вялый и безполезный»,—записалъ онъ на отрывномъ календарѣ. Однако, вечеромъ въ Женской Школѣ была елка, которую вотъ уже въ 4 разъ устраиваетъ для обѣихъ нашихъ школъ посолъ Н. А. Малевскій-Малевичъ... Нынче на елку, не смотря на отсутствіе устроителя ея, прибыло очень много русскихъ гостей,—16 человѣкъ... Владыка былъ необыкновенно этому радъ и, забывъ всѣ предостереженія доктора, много говорилъ съ гостями... Съ 6 час. до 8 ч. пробыли гости, и поспѣшили домой... Начальница школы отозвала меня въ сторону и просила какъ ниб. устроить, чтобы и Владыка, видимо очень утомленный, возвратился домой... Но какъ это устроить, когда Владыка ежегодно сидѣлъ на елкахъ до конца?.. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній рѣшаюсь: «Владыка, не вернемся ли и мы домой»,—говорю... «Если наскучило, возвращайтесь. А я посижу до конца»... Итакъ, сорвалось... Начальница поняла результатъ безъ словъ... Елка продолжается... Воспитанницы какъ-то необычно спѣшатъ въ исполненіи номеровъ... Наконецъ, объявляютъ, что, въ виду сложныхъ приготовленій обстановки, придется подождать минутъ 10... Я пользуясь случаемъ еще разъ позвалъ Владыку домой: безполезно. «И зачѣмъ я возвращусь?.. Чтобы скучать да охать... Все равно спать не смогу... А здѣсь хоть смотрю, да слушаю». Ровно въ 9 час. веч. Начальница объявила конецъ елки и попросила пѣть молитву... «Какъ, уже конецъ?.. Почему нынче такъ рано?»,—замѣтилъ

Владыка... Съ оханьемъ онъ возращался домой и въ календарѣ занесъ: «Вечеръ. Елка въ Ж. Ш. Много русскихъ, гостей. Все очень красиво. А вернулся домой съ усиленной астмой»...

По моему глубокому убѣжденію этотъ вечеръ и былъ роковымъ, послѣ котораго болѣзнь все развивалась и развивалась, безъ малыхъ признаковъ улучшенія... Да вотъ что самъ Владыка заносилъ на календарные листочки...

29 дек.: «Ночь ни лежа, ни сидя не спалъ, — ослабѣлъ. Ясосима позвалъ. На елкѣ въ Семинаріи не былъ. Ванна дрянная, чуть не простудился».

30 дек.: «Не спалъ и ночью нѣсколько писалъ дневникъ... Я немножко занялся росписками, потомъ весь день лежалъ, или читалъ Барсукова»...

31 дек.: «Заснулъ до 2-хъ часовъ. Въ 3 ч. всталъ и писалъ дневникъ. Къ обѣднѣ не пошелъ и никуда не выходилъ. Но астма плоха. Цѣлый день работалъ по роспискамъ. Ко всеношной не пошелъ, — докторъ велѣлъ не выходить на холодъ».

1 января 1912 года.: «Ни одинъ годъ не начинался такъ скверно, какъ нынѣшній. Въ церкви былъ, но не служилъ... По возвращеніи изъ церкви я никуда не выходилъ изъ теплой комнаты, и поздравителей не принималъ... Цѣлый день мучала астма»...

Если 28 числа декабря было для Владыки роковымъ, то выходъ его въ холодный соборъ въ день русскаго Новаго года, кажется, окончательно свалилъ его въ постель... И какъ я просилъ его не ходить! Вечеромъ удалось уговорить, и ко всеношной онъ не пришелъ... Но когда я пришелъ къ нему въ Новый Годъ утромъ, нашелъ Владыку крайне растроеннымъ: «всѣ въ церкви... Одинъ я сижу дома... Скука смертная... Не могу выносить... Сегодня пойду въ церковь»,—говоритъ Владыка... Я начинаю уговаривать его... Ссылаюсь на запрещеніе доктора... Но послѣдняя ссылка, кажется, лишь испортила дѣло: «я свободный человѣкъ... Сдѣлаю какъ захочу... До свиданья»... Но мнѣ все еще хотѣлось вѣрить, что Владыка послушается голоса благоразумія... Однако, во время Малаго Входа дѣйствительно пришелъ и прошелъ въ алтарь... Стоялъ всю Литургію... Тяжело дышалъ и охалъ... А Литургія какъ нарочно была продолжительна, ибо было посвященіе корейца въ діаконы... Когда послѣ Литургіи я зашелъ поздравить Владыку съ Новымъ Годомъ,—онъ сидѣлъ на креслѣ,

протянувъ ноги на кровать и что-то просматривалъ: «гдѣ справедливость?.. Сходилъ помолиться, и страдаю, какъ никогда»,—говоритъ мнѣ Владыка... Чѣмъ мнѣ было утѣшать его?... Но я еще и еще просилъ Владыку быть къ докторскимъ совѣтамъ повнимательнѣе... Но продолжу замѣтки Владыки на календарѣ...

2 янв.: «Вотъ страдалъ-то прошлую ночь и весь этотъ день! Никогда такъ! За то рѣшилъ изъ тепла не выходить. На Крещеніе служить не буду, и въ церковь не пойду. Цѣлый день слабость, хотя и работалъ по роспискамъ... Докторъ прислалъ 4 пункта,—слѣдовать буду».

3 янв.: «Отъ лекарства (д. б. опіумъ) сидя проспалъ часа три; оттого лучше. Но утро спалъ. Потомъ работалъ,—приводилъ росписки въ порядокъ»...

4. янв.: «Цѣлую ночь спалъ, отъ усыпляющаго лѣкарства, конечно, на креслѣ; а полдня затѣмъ дремалъ, и спалъ на постелѣ. Вечеръ работалъ хорошо—считалъ по роспискамъ; но и «проповѣдь» еще не окончилъ. Болталъ много съ Пр. Сергіемъ о католикахъ и пр.».

5 янв.: «Скука смертная. Всѣ за Всенощной, я дома. Съ утра работалъ по сведенію счетовъ росписокъ... Ясосима разрѣшилъ мнѣ ванну»...

6 янв.: «Въ церкви не былъ. Цѣлый день страшно страдалъ астмой. Пр. Сергій служилъ и воду освящалъ»...

7 янв.: «Позвалъ америк. Д-ръ Блиссъ. Пользы тоже нѣтъ. Одна канитель. Цѣлый день пропалъ даромъ»...

8 янв.: «Докторъ Блиссъ обѣщалъ быть, но не былъ. Лѣкарство его пилъ. А отъ молока, которое онъ велѣлъ, желудокъ разстроился... Тепло. Дождь; выпилъ стаканъ порта, и готовлюсь писать; а буду ли писать,—не знаю; можетъ тоже дрема возметъ».

9 янв.: «Лѣкарство амер. врача мерзкое, а пить надо. Цѣлый день болѣнъ, ничего не дѣлалъ. Аппетиту никакого, сна нѣту».

10 янв.: «Страдалъ весь день и ничего не могъ дѣлать. Отъ лѣкарства два раза рвало».

11 янв.: «Уѣхалъ въ госпиталь»...

Такъ печально кончились для Владыки Архіепископа Николая «святки», повидимому, при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ служеніемъ въ первый день Рождества Хри-

стова начатые. Изъ представленнаго хода событій нетрудно усмотрѣть, что, не безъ воли, конечно, Божіей въ усиленіи болѣзни много значила неосторожность Владыки въ день елки Женской Школы и въ день русскаго Новаго Года... Но было много причинъ, которыя не только въ эти дни, но и много раньше сильно разстраивали Владыку и препятствовали правильному его леченію... Какъ уже сообщалось, Владыка не любилъ говорить о своей болѣзни, не любилъ и распросовъ о его здоровьѣ... Но онъ въ послѣдній годъ жизни положительно не могъ равнодушно слушать о смерти, особенно близкихъ и знакомыхъ лицъ... Между тѣмъ умираетъ его братъ, младшій его по возрасту... Умираетъ Иркутскій Святитель, приснопамятный Архіепископъ Тихонъ, товарищъ Владыки по Академіи... Умираютъ другіе архіереи, протоіереи... Изучивъ настроеніе Владыки, я никогда не рѣшался сообщить ему изъ газетныхъ телеграммъ: «умеръ-де такой-то»... И лишь послѣ, когда Владыка съ фактомъ т. ск. мирился, онъ самъ мнѣ говорилъ: «а читали какъ-то на дняхъ о смерти такого-то?..» Послѣдніе же дни были для него особенно тяжелы въ этомъ отношеніи. Пріѣзжаетъ въ Тоокёо полечиться жена катихизатора Георгія Оно... Неожиданно умираетъ въ больницѣ... «Отъ какой болѣзни умерла»,—спрашиваетъ Владыко... «Отъ зенсоку», — отвѣчаютъ... А «зенсоку» въ переводѣ значитъ «астма»... Владыка былъ этою смертію страшно разстроенъ и много охалъ, что вотъ-де и у него «зенсоку», и, вѣроятно, онъ умретъ столь же скоро и неожиданно... Другой случай... Приходитъ телеграмма: умеръ священникъ Титъ Комацу... «Отъ какой болѣзни умеръ», — первый вопросъ... «Отъ болѣзни сердца... Неожиданно постигъ во время путешествія по приходу параличъ сердца»... Не забыть мнѣ, какъ Владыка, сидя на стулѣ, низко склонилъ голову, и долго, и грустно о чемъ-то размышлялъ... Всѣ подобныя событія, довольно безразличныя для здороваго человѣка, весьма поражали больного Владыку... И конечно ужъ не помогали леченію!.. До какой степени Владыка былъ чувствителенъ при упоминаніяхъ о болѣзни и смертяхъ, показываетъ такой случай... Вмѣстѣ обѣдаемъ.. Приготовлена манная каша, ибо изъ Владивостока получена манная крупа... Владыка въ Японіи кашу манную ѣстъ впервые... «Прекрасно... Вкусно... И какъ вы надумали выписать такую крупу?.. Вѣроятно, и для здоровья полезна»..,—

разсуждаетъ Владыка... Я съ простоты и скажи: «очень полезна... Когда я при окончаніи курса Семинаріи былъ тяжко болѣнъ, мнѣ все было запрещено, но манную кашу разрѣшили... Даже больше: заставляли ѣсть»... Сказалъ въ простотѣ, а результатъ неожиданный: «а-а!.. Такъ вотъ почему вы меня кашей угощаете!.. И я-де тяжко болѣнъ!.. Нѣтъ, еще погодите хоронить» и т. д... Какъ же нужно было быть осторожнымъ, чтобы чѣмъ ниб. не разстроить Владыку! И какъ несознательно и невольно многіе его, значитъ, разстроивали, а еще больше—многое его разстроивало.

Но едва ли не больше всего разстроивали неудачи по сбору на простроеніе церкви въ Хакодате... Нужда въ церкви настоятельная... Денегъ не было. Владыка началъ просить, собирать... Кой что было получено, но не было еще и половины желательной суммы... Снова письма... Письма знакомымъ и незнакомымъ. Письма незнатнымъ и знатнымъ... Письма состоятельнымъ... Но девять изъ десяти писемъ оставлены были даже безъ отвѣта, хотя бы и отрицательнаго... «Вотъ, прислалъ бы кто н. на построеніе церкви въ Хакодате,—это было бы для меня лучшимъ лекарствомъ» — часто повторялъ Владыка во время болѣзни... И дѣйствительно, нужно было видѣть, какъ онъ ожилъ, когда его извѣстили о пожертвованіи въ 3.000 енъ нашими щедрыми благотворителями изъ Москвы И. А. и К. Ѳ. Колесниковыми... Много радости доставила почившему Владыкѣ и телеграмма изъ С.-Петербурга отъ граф. Е. В. Шуваловой о «новомъ» пожертвованіи, полученная Владыкою наканунѣ смерти... Но въ общемъ такихъ радостей было мало... Рѣдкіе же отказы и частое молчаніе въ отвѣтъ на усиленныя просьбы весьма опечаливали больного Владыку...

Итакъ, съ 11 (24) января 1912 года Высокопр. Архіепископъ Николай былъ перевезенъ въ госпиталь... «Послѣдній разъ былъ въ госпиталѣ, когда учился въ духовномъ училищѣ»,—сказалъ Владыка... Вѣроятно, плохо онъ чувствовалъ себя, если рѣшился ѣхать въ госпиталь.

III.

Прежде, чѣмъ писать о пребываніи Владыки Николая въ госпиталѣ, скажу нѣсколько сковъ о томъ, какихъ трудовъ стоило уговорить его лечиться у хорошаго доктора, и ѣхать въ госпиталь....

Всѣ видятъ, что Владыка страдаетъ, но лечится плохо... И почти никто не вѣритъ въ его доктора... А уходъ за больнымъ? Никакого!.. Самъ даже подкидываетъ ночью уголь въ чугунку... Послѣ долгихъ колебаній я рѣшился поговорить съ Владыкой о необходимости полечиться у хорошаго доктора...

«Владыка. Вотъ вы все охаете да охаете... Вы бы полечились серьезно. И тогда, вѣроятно, быстро поправились бы»...

«Я и лечусь... У меня былъ нѣсколько разъ Ясосима... Вотъ и его лекарства.. Чего же еще хотите»?..

«Да. Но докторъ вашъ слишкомъ рѣдко бываетъ... И болѣзни вашей хорошо не знаетъ... Придетъ слуга за лекарствомъ... «Ну, что Владыкѣ лучше? — спрашиваетъ... «Икубун-ка іи десъ»,—отвѣчаетъ... «Ну, — въ такомъ случаѣ, это лекарство можно и отмѣнить»... Но если такъ, — то кто же вашъ докторъ? На половину слуга Иванъ»...

Владыка улыбнулся»... «Не безпокойтесь, когда очень нужно, докторъ и самъ меня смотритъ»...

«Но вѣдь докторъ вашъ ни разу не свидѣтельствовалъ вашъ желудокъ, ваши почки?... Какой же это докторъ»?..

«Ну, ужъ вы моего доктора не злословьте... Это мой старый пріятель, мой организмъ знаетъ хорошо... Зачѣмъ же я буду его мѣнять? Да и на кого мѣнять? Всѣ доктора одинаковы»...

«Да вы бы взяли доктора-иностранца... Вѣдь всѣ они получили заграничное образованіе и, вѣроятно, знаютъ побольше вашего Ясосима»...

«Знаете, что я вамъ скажу, отвѣчаетъ Владыка. Если вы хотите мнѣ доставить удовольствіе, не говорите вы мнѣ никогда о болѣзни, о докторахъ, о леченіи... Я ненавижу свою болѣзнь... А вы мнѣ о ней твердите... Можете вы исцѣлить меня?.. Можете?.. Не можете?...—тогда оставьте меня въ покоѣ!.. Вотъ, только бы когда-нибудь хорошо выспаться,—и тогда я буду здоровъ»...

Разумѣется, послѣ такого разговора я на день-два успокоился: говорить дальше было бы не только неполезно, но и вредно... Однако, когда положеніе Владыки 7 января приняло угрожающій видъ, я пошелъ къ нему снова и настойчиво попросилъ Владыку позвать доктора иностранца, заявивъ ему, что если не позоветъ онъ, то позову я... Разговоръ былъ рѣзкій... Не хочется его вспоминать... Я долженъ былъ

уйти безъ положительнаго отвѣта... Однако, оказалось, что Владыка послѣ разговора сразу же послалъ въ Посольство за хорошимъ докторомъ и черезъ 2 часа поднялся въ мою квартиру и, подавая письмо изъ Посольства, сказалъ: «успокойтесь; въ 3 часа докторъ будетъ, какъ желали... Только пользы то не жду отъ него. Одна канитель».

7 января, въ 3 часа дня пріѣхалъ на автомобилѣ докторъ Блиссъ... Въ квартиру Владыки опять сбѣжались нужные и ненужные люди... Долго свидѣтельствовалъ Владыку докторъ... Сердце нашелъ весьма нехорошимъ... На второй этажъ подниматься воспретилъ... Приказалъ по возможности не двигаться... На улицу выходить воспретилъ... Сидѣть совѣтовалъ непремѣнно съ поднятыми на сосѣднее кресло ногами, чтобы облегчить работу слабаго сердца... Взялъ все нужное для опредѣленія состоянія почекъ и желудка... Прописалъ лекарство...

Владыка докторомъ, его тщательнымъ осмотромъ былъ очень доволенъ... Только не могъ понять, какъ можно совѣтовать «недвигаться», когда ему придется работать и нагибаться въ день по 1.000 разъ... Докторскую діэту обѣщалъ Владыка исполнять... Но отъ услугъ сестры милосердія категорически отказался.

---

8 числа Владыка страдалъ... «Лекарство не человѣческое, а лошадиное»,—жаловался онъ мнѣ... Но лекарство все же пилъ.

9 числа докторъ настойчиво звалъ Владыку въ госпиталь... Но Владыка отказался: «не могу же я оставить миссію безъ хозяина. Да и спѣшнаго дѣла много»...

10 января появились скверные признаки... Владыку среди дня неожиданно начинало тошнить... Силы все слабѣли... Работать Владыка не могъ... Большую часть дня проводилъ въ полудремотѣ: «съ удовольствіемъ бы поѣхалъ въ госпиталь, если бы только знать, что будетъ польза... А что же кататься съ мѣста на мѣсто»?—все же сказалъ онъ подъ вечеръ...

11 (24) января.

Утромъ, въ началѣ 10-го часа, прибылъ въ миссію докторъ Блиссъ, и осмотрѣвъ Владыку, категорически заявилъ, что онъ только тогда можетъ ручаться за нѣкоторый успѣхъ

леченія, когда Владыка переѣдетъ въ госпиталь подъ непосредственный надзоръ докторовъ и уходъ сестеръ милосердія... Владыка согласился. Когда вслѣдъ за докторомъ я пришелъ къ нему, онъ встрѣтилъ меня словами: «уѣзжаю въ госпиталь; но скоро мисока (расчетный день), поэтому я вамъ оставлю чекъ на 4.000 енъ, написавъ его 27-мъ числомъ. Въ свое время получите и расчитывайтесь»... Въ комнатѣ былъ поваръ Никаноръ... Хлопоталъ около маленькаго чемоданчика... Собиралъ бѣлье... «Что ты укладываешь рвань?.. Выбирай, что получше... Вѣдь къ чужимъ людямъ ѣду»,—говоритъ Владыка... Уложили бѣлья три смѣны... Я принесъ съ такъ наз. «третьяго этажа», а попросту съ чердака новенькую драповую рясу... Положена въ чемоданъ иконка «Отрада и утѣшеніе»... Нѣсколько №№ «Московъ. Вѣдомостей»... И даже серьезное чтеніе: «Правила Православной Церкви съ толкованіями Никодима, епископа Далматинско-Истрійскаго», въ новомъ изданіи С.-Петербургской Духовной Академіи... «Съѣзжу... Только, если и тамъ толку не будетъ, то дня черезъ три-четыре вернусь домой... Одна канитель... Работать нужно... А тутъ эта дрянь привязалась»..., недовольно разсуждаетъ Владыка...

Заказана карета, но еще не ѣдетъ... Написанъ Владыкою и мнѣ переданъ чекъ... Кой-какія распоряженія мною выслушаны... Разговоръ не клеится... Владыка сидитъ грустный-грустный, облокотившись на правую руку... «Идите домой. Занимайтесь съ учителемъ своимъ дѣломъ... Иначе и на васъ я скуку нагоню»,—безпокоится старецъ. Но вотъ въ 11 часовъ прибылъ докторъ Хоріуци изъ госпиталя Св. Луки... Съ нимъ цѣлая аптека... Подали и карету... Прежде чѣмъ выѣзжать, докторъ еще разъ ослушалъ Владыку, и непремѣнно хотѣлъ сѣсть въ каретѣ рядомъ... Владыка воспротивился... Сѣлъ направо, я налѣво, докторъ противъ Владыки... Перекрестились... На соборъ помолились и, провожаемые суругадайскими насельниками, выѣхали... Докторъ каждыя 5 минутъ справлялся, не «мучительно ли» Владыкѣ... Но тотъ отрицатетельно махалъ головой... Какъ оказалось впослѣдствіи, состояніе Владыки въ этотъ день было найдено столь сквернымъ, что главный докторъ госпиталя Св. Луки не рѣшался перевезти Владыку иначе, какъ съ необыкновенными предосторожностями... Разумѣется, внутрь кареты была уложена цѣльная аптека... Тихо ѣхали, но черезъ полчаса прибыли. «Снести Владыку на второй этажъ»... Но здѣсь уже онъ не

вытерпѣлъ: «я не такой еще слабый... Поднимусь и самъ»... И поднялся... Но сразу сѣлъ на кресло, и едва отдышался: «вотъ усталъ-то!.. И времена же пришли»...

Больница принадлежитъ американской миссіи... Двухъэтажное деревянное зданіе... Учрежденіе благотворительное... Но лишь въ одной своей части... Но въ другой—страшно дорогое, ибо одно изъ немногихъ, имѣющихся въ распоряженіи европейцевъ и американцевъ... Владыкѣ отвели перворазрядную комнату «Св. Тройцы», какъ гласила англійская надпись... Электрическое освѣщеніе... Газовое отопленіе... Большая кровать на пружинахъ... Умывальникъ и пр. Камодъ. Коврики, картины... Словомъ, — довольно уютно... Но непріятно было слышать, что въ этой комнатѣ не задолго предъ тѣмъ скончался католическій архіепископъ... Сего я просилъ не сообщать больному... Изъ оконъ прямо виднѣется корпусъ католической миссіи... Черезъ улицу и рядомъ—миссія американская. Вѣдь «Цукидзи»,—мѣстность, гдѣ расположенъ госпиталь, главнымъ образомъ населена европейцами и американцами: «иностранный сетльменъ» недалекаго прошлаго...

Въ больницу еще до нашего пріѣзда прибыли свящ. о. Романъ Циба, редакторъ Петръ Исикава и секретарь Давидъ Фудзисава... Разобрали вещи Владыки... Все разложили по ящикамъ; но въ виду утомленія Владыки и прозрачнаго намека доктора Блисса, оставили больного въ покоѣ...

Въ больницѣ мы сняли еще одну комнату по сосѣдству съ Владыкой, не говоря о семъ ему и установили въ сей комнатѣ дежурство изъ іерея [непремѣнно] и изъ одного учителя или катихизатора... Обязанность дежурныхъ была слѣдить за малѣйшимъ ухудшеніемъ въ болѣзни Владыки... Они же должны были о всемъ телефонировать въ миссію и принимать возможныхъ посѣтителей... На двери комнаты Владыки повѣсили надпись: «входить къ больному и разговаривать съ нимъ абсолютно воспрещается»... Къ счастью, эта надпись не простиралась на меня...

Возвратившись домой, я составилъ телеграмму изъ 87 словъ и послалъ ее почтой до Владивостока на имя В. К. Саблера... Затѣмъ вызвалъ іереевъ и преподавателей семинаріи и съ ними рѣшили начать ежедневныя моленія за Владыку: въ 6 час. утра литургія съ прошеніями о болящемъ и съ молитвой за него, въ 6 час. веч. всенощная и послѣ нея молебенъ

о болящемъ; пѣть должны воспитанники и воспитанницы, по классамъ, но посѣщеніе службъ предоставлялось доброму произволенію учащихся и христіанъ...

Уѣхалъ въ Цукидзи Владыка... Какъ будто солнышко красное удалилось исъ Суругадая... Всѣ ходятъ пасмурные... На душѣ скверно... Точь въ точь, какъ въ мозглый осенній Петербургскій день... Напала какая-то апатія... И одна дума неотвязчиво въ душѣ: а скоро ли опять прояснится погода, и опять засвѣтитъ въ миссіи наше солнышко... Тревожно проведенъ былъ этотъ вечеръ и слѣдовавшая за нимъ ночь въ Суругадаѣ!

12 (25) января.

Я прибылъ въ госпиталь въ 9 час. утра. Владыка сидѣлъ около кровати на креслѣ, съ опущенною головою... Голова и руки нѣсколько тряслись... Блѣдный... Увидя меня, прямо началъ жаловаться: «всю ночь не спалъ; только промучился... Уложили меня вотъ на эту постель (на пружинахъ) и приказали не сходить съ нея. Я не могу лежать, хочу встать,—она (т. е. сестра милосердія) не позволяетъ. Я силой хочу встать,—такъ и она сильная: беретъ меня за плечи и обратно укладываетъ... Говорю: дай хоть книгу... Не даетъ... Прошу: позволь хоть газету почитать, — не позволяетъ... Одни мученія... Въ Суругадаѣ лучше: самъ себѣ господинъ»... Я пробую заступиться за сестру милосердія: вѣроятно-де дѣлаетъ не больше того, что приказано докторами... «Совсѣмъ нѣтъ,—возражаетъ Владыка... Просто: дура попала... Вотъ, придетъ докторъ, пожалуюсь ему... А если и онъ не позволитъ спать сидя, уѣду въ Суругадай... А на этотъ эшафотъ?.. Покорно благодарю: больше не полѣзу! Хочешь повернуться, — и все на койкѣ за тобой тащится... То ли дѣло у насъ въ миссіи»!..

И дѣйствительно, Владыка ни разу больше не спалъ на койкѣ, проводя дни и ночи въ креслѣ, обложенномъ подушками, причемъ второе, плетенное изъ камыша, кресло служило ему для ногъ...

«А вѣдь знаете, до чего вчера я усталъ!.. Три раза, вставая съ кресла, упалъ на полъ!.. Еще ладно, что ничего при паденіи не разбилъ изъ вещей... Да и теперь слабость страшная... Съ каждымъ днемъ силъ все меньше и меньше становится»,—говоритъ Владыка... Чай, приготовленный по-англійски [крѣпкій, съ молокомъ] Владыкѣ не понравился... Про-

силъ прислать изъ миссіи китайскаго... Туфли забыли,—просилъ прислать туфли... И такъ какъ въ 10 час. я долженъ былъ быть въ семинаріи на проповѣдническомъ собраніи, то до вечера простился съ Владыкой и возратился домой, уговорившись пріхать въ 5 час. вечера.

Пробылъ я на собраніи въ семинаріи 2 часа... Воспитанники Усуй Лука и Кагета Тимофей говорили хорошо проповѣди... Прочіе слушали... Преподаватели разбирали... Дѣлалъ въ заключеніе замѣчанія и я. Собраніе прошло прекрасно, и у меня было чѣмъ порадовать Владыку въ вечерній пріѣздъ къ нему... Жду я 5 час. Занимаюсь съ секретаремъ текущими дѣлами.,. Вдругъ, вбѣгаетъ старикъ служитель и торопливо говоритъ: «по телефону изъ госпиталя васъ просятъ прибыть какъ можно скорѣе... Владыкѣ худо»... Карандашъ выпалъ изъ рукъ... Успѣвъ сказать: «пошлите о. Романа въ госпиталь со Св. Дарами»,—я накинулъ рясу, схватилъ шляпу и почти бѣгомъ направился къ воротамъ, гдѣ можно взять дзинрикися... Тороплю подать скорѣе, и съ двумя человѣками... Торопятся люди... Но мнѣ кажется, что они слишкомъ медленны, и что вотъ именно изъ-за этой-то минуты не застану я въ живыхъ своего возлюбленнаго Владыку... На душѣ мрачнѣе мрачной ночи...

Но вотъ,—поѣхали... Бѣгутъ столько, сколько могутъ возницы... Но мнѣ кажется, что тихо... «Скорѣе... Скорѣе», — прошу ихъ... Вотъ домъ графа Тода,—сегодня у него съѣздъ... Въ каретахъ, въ автомобиляхъ, въ дзинрикися спѣшатъ важные мужчины, разодѣтыя дамы... Какой суетой все это казалось при мысли, что тамъ, въ Цукидзи, въ смертной опасности мой старецъ!.. Встрѣчается секретарь посольства А. И. Щербацкій съ супругой... Ѣдутъ туда же. Раскланиваются... Едва даже установилъ, кто это поклонился... Такъ было скверно на душѣ!.. Я въ больницѣ... «Что Дай-Сюкео»?—спрашиваю дежурную внизу сестру... Какъ я боялся получить роковой отвѣтъ!.. «Особыхъ перемѣнъ нѣтъ», — отвѣчаетъ... Что-то съ души свалилось... Легче стало... Поднимаюсь наверхъ...

Владыка сидитъ на креслѣ, свѣсивъ голову на правую сторону. . Глаза совершенно открыты... Ротъ открытъ... Дышетъ тяжело-тяжело... Какъ будто лицо нѣсколько скошено... Ноги протянуты на другое кресло... По бокамъ Владыки стоятъ двѣ сестры милосердія... Одна неизмѣнно держитъ пульсъ...

Другая раскрыла грудь Владыки и дѣлаетъ какія-то вспрыскиванія...

«Что съ Дай-Сюкео»?..—спрашиваю... «Съ 4 час. дня очень худо», — отвѣчаютъ... Приходитъ въ который уже разъ докторъ... Опять трубки въ уши... Ослушиваетъ сердце и удаляется... «Владыко! Владыко»!.. — зову я, взявъ руку Владыки. Отвѣта нѣтъ... Прежнее положеніе... Еще разъ распрашиваю, когда и что случилось съ Владыкой... «Уснулъ, сидя на креслѣ, въ 1 часъ дня... Пульсъ сдѣлался опаснымъ съ 4-хъ»... Опять приходитъ докторъ... Опять ослушиваніе... Сестры безотлучно. Не замѣтилъ я, какъ зажгли электричество... Неужели уже къ 7 час. близко?—не хотѣлось вѣрить!.. Но было такъ... Наконецъ, докторъ, еще разъ ослушавъ Владыку, заявляетъ мнѣ, что они извиняются за причиненное мнѣ безпокойство... Но теперь просятъ больного оставить одного: опасность миновала, и они ручаются, что можно, не боясь за печальный исходъ, быть въ Суругадаѣ до утра... Небольшое утѣшеніе... А все же утѣшеніе... Той порой прибыли въ больницу и о. Романъ со Св. Дарами, и посольскій о. протоіерей П. И. Булгаковъ..., за коимъ я нарочито послалъ своихъ дзиприкися...

Съ какимъ-то тупымъ сознаніемъ, что опасность отсрочена, но не уничтожена, возвращался я въ Суругадай, который тоже нельзя было оставить хотя бы и безъ временнаго хозяина: дѣло шло своимъ чередомъ и требовало моего присутствія постоянно.

Обрадовались въ Суругадаѣ, что все же Владыкѣ непосредственной опасности нѣтъ... Я у телефона на ночь положилъ сторожа... Конечно, самъ всю ночь провелъ безъ сна, съ постоянною мыслью: а вдругъ, да опять позовутъ туда... Но вызова не было...

13 (26) января.

Съ замираніемъ сердца подходилъ я къ больницѣ утромъ на слѣдующій день... Въ какомъ-то положеніи Владыка,—думалось... Но вотъ встрѣчаетъ меня дежурный о. Романъ... Владыка проснулся послѣ вчерашняго сна съ 1 часу дня въ 6 час. утра... Когда о. Романъ сразу же къ нему зашелъ, онъ узналъ его, спросилъ изъ-за двери: «даре ка?..»—«Я, Романъ...»—«А, входи... Зачѣмъ пришелъ».—«Васъ навѣстить...» «Спасибо.

Значительно лучше», — отвѣтилъ Владыка и сразу же задремалъ...

Захожу въ комнату я... Владыка очень обрадовался... «А я васъ заждался... Ходите пожалуйста почаще... Все одинъ и одинъ... Скучно...» — «Владыко. Вчера я больше 2 часовъ ждалъ васъ, но вы крѣпко спали», — отвѣчаю я... Владыка заволновался... «Я? Спалъ?.. Да что вы говорите? Да я уже забылъ, какъ спятъ!... Самое большее на 15 минутъ забудешься... Это они вамъ нарочно сказали, чтобы вы меня не безпокоили... Только не слушайте вы ихъ, а прямо приходите ко мнѣ».

Чувствую я, что Владыка вчерашняго дня не сознаетъ. Но въ этомъ я скоро совершенно убѣждаюсь: «знаете, вѣдь вчера я такъ усталъ, что три раза упалъ, вставая съ кресла», — вторично заявляетъ мнѣ Владыка... Но то, что было уже «третьяго дня», для него все еще «вчера»... 12-е число внѣ его сознанія...

«Что новенькаго въ Суругадаѣ?.. Садитесь вотъ тутъ, да разсказывайте по порядку»... Я начинаю передавать о вчерашнемъ проповѣдническомъ собраніи... Владыка слушалъ съ большимъ интересомъ... «Это вамъ принадлежитъ счастливая мысль устраивать эти собранія... Вы ихъ и ведите... И не ослабѣвайте... Постепенно только улучшайте. И тогда много пользы будетъ отъ этихъ собраній. Но и по моему мнѣнію нужно ихъ устраивать не въ субботы по вечерамъ, когда все таки ученики устаютъ, да и преподавателямъ нужно приходить нарочито... А лучше, какъ и начали, по четвергамъ... Вѣдь и эти собранія—тѣ же уроки... Кстати: у васъ тамъ привратникъ и привратница есть; прекрасно говорятъ проповѣди... Такихъ нужно отмѣчать и поощрять... Ну... дайте имъ обоимъ... 5 енъ что ли»... Я удивленно смотрю на Владыку, ибо конца его рѣчи [о привратникѣ] положительно не разумѣю... Внимательно всматривается въ меня и Владыка. Вдругъ онъ весело разсмѣялся: «ну, и наговорилъ же я вамъ сейчасъ путаницы! Что значитъ, что плохо спалъ!.. Вѣдь я сейчасъ сонъ видѣлъ: привратникъ де и привратница хорошо говорятъ проповѣди... И всегда такъ... Останешься одинъ... Дремлешь, что сусликъ... И чего-чего не снится!..»

Казалось бы, что дальше ужъ не будетъ сновъ... Но неожиданно Владыка озабоченно говоритъ мнѣ: «Вчера вечеромъ о. Моисея связаннаго привезли и положили въ больницу...

Узнайте пожалуйста, почему его связали, и чѣмъ онъ заболѣлъ»...—Какого о. Моисея привезли?—спрашиваю... о. Сираива изъ Акита?.. «Да нѣтъ. Вы его не знаете... Миссіонера о. Моисея»... Только тутъ я понялъ, что Владыка опять бредитъ... Но на этотъ разъ Владыка своего бреда не замѣтилъ и продолжалъ: «Чѣмъ-то онъ, бѣдняга, заболѣлъ»...

Продолжаемъ разговоръ совершенно обычный... Владыка всѣмъ интересуется. Все-то онъ разспрашиваетъ. Совершенно здраво дѣлаетъ замѣчанія... Но среди разговоровъ то и дѣло прикладываетъ палецъ къ губамъ... «Не подать ли вамъ воды»,—спрашиваю... «А зачѣмъ?»...—«Да вы палецъ къ губамъ прикладываете»... «Да вѣдь я же «хонъ емимасъ», книгу читаю... Развѣ не видите?»... Опять несомнѣнный бредъ... И далѣе совершенно ясныя мысли, интересные разговоры... Но среди разговоровъ Владыка нѣтъ-нѣтъ,—и наклоняясь, гладитъ лѣвой рукой одѣяло койки... «Владыка. Не подать ли вамъ чего-нибудь?... Вы что-то рукой достаете?»... «Да не мѣшайте мнѣ ради Бога! Самъ спутаюсь!.. Видите, что я отчетъ составляю»... [А составляя отчетъ, Владыка всю свою кровать-кушетку, стоявшую отъ него налѣво, обычно занималъ сотнями разложенныхъ росписокъ]...

Вижу, что у Владыки лишь половина разговоровъ сознательныхъ, половина же въ бреду... Поспѣшилъ я оставить его одного, и немедленно попросилъ свиданія съ главнымъ докторомъ госпиталя...

Высокій... Черный... Не американскаго типа... Энергичное лицо. Это докторъ Тейслеръ... Съ нимъ вмѣстѣ вышелъ ко мнѣ и низенькій Блиссъ... Я передаю докторамъ свои наблюденія... Спрашиваю: бредовое состояніе есть ли результатъ лекарствъ, вспрыскиваній... «охъ, нѣтъ... Это естественный ходъ болѣзни... Силы оставляютъ больного... И вспыхнувъ, какъ свѣчка, онъ снова же ослабѣваетъ и бредитъ... Мы и сами видимъ, что онъ бредитъ... Только въ такихъ случаяхъ просимъ не продолжать разговора на тему бреда... И тогда онъ скоро ее забудетъ и опять заговоритъ сознательно».

«Каково въ общемъ состояніе больного?... Скоро ли можно надѣяться на его поправку?».

— Ахъ, нѣтъ!.. Архіепископъ ни въ какомъ случаѣ поправиться не можетъ. Для этого нужно вложить въ него и сердце новое, и почки новыя»...

«Какъ?.. Развѣ и почки не въ порядкѣ? Первый разъ при-

ходится слышать. И докторъ Ясосима этой болѣзни никогда не называлъ»...

«Да. Мы произвели изслѣдованіе, и оказалось, что у Архіепископа старая и сильно развившаяся болѣзнь почекъ»...

«Но все же у васъ, докторовъ, есть же хоть маленькая надежда на излеченіе? — допытываюсь я, желая такъ или иначе отдѣлаться отъ висящаго надъ головой тяжелаго сознанія безнадежности Владыки...

«Если бы онъ былъ помоложе... Но вѣдь вы его годы знаете... Нѣтъ! Надежды никакой не имѣемъ... Разумѣется, недѣли двѣ или три еще прожить можетъ... Правда, силы у него замѣчательныя... Организмъ поразительно сохранившійся... Если бы не надолго послѣдовало улучшеніе, то можетъ быть Архіепископъ даже 6 недѣль прожилъ... Только, сами знаете, что при такъ разстроенномъ сердцѣ можетъ онъ скончаться и внезапно... Наприм., мы думали уже, что онъ умретъ вчера, между 4 и 6 часами, когда вызвали васъ... Такъ онъ былъ плохъ»...

«Итакъ, даже при благопріятныхъ условіяхъ только 6 недѣль»,—съ отчаяніемъ еще разъ спрашиваю я... И въ отвѣтъ американски-холодное, добивающее:

«Но въ этомъ случаѣ силы его будутъ постепенно падать... Одновременно болѣзнь будетъ забирать силу... Можетъ случиться, что нѣсколько предсмертныхъ дней и въ безсознательное состояніе впадетъ... Но мы постараемся, чтобы катастрофа не случилась внезапно»...

Вотъ все, чѣмъ подѣлился со мной докторъ... Не предвидя такого откровенно-жестокаго приговора, я взялъ съ собою къ доктору и о. Романа... И вотъ, теперь вдвоемъ мы вышли въ пріемную гостиную... Усѣлись на диванъ... И выплакались... Здѣсь же дали слово никому не говорить того, что услышали отъ докторовъ...

Но то, что мы хотѣли сдѣлать секретомъ отъ христіанъ, не было секретнымъ дѣломъ для докторовъ и для репортеровъ... «Никорай-китоку», — вечеромъ выкрикивали уже на улицахъ газетчики, продавая газеты... Итакъ,—всему Токёо оповѣстили: «Николай при смерти»...

Возвратившись въ Миссію, я послалъ сразу же товарищу и другу Владыки, Сотруднику нашей Миссіи Протоіерею

Инженернаго Замка въ С.-Петербургѣ телеграмму такого содержанія: «Съ Новаго года астма усилилась. Владыка въ госпиталѣ. Положеніе критическое. Увѣдомьте Владыкъ»,—разумѣлъ членовъ Свят. Синода... Дороги отсюда телеграммы: 1 енъ 40 сенъ за слово. Но не могъ же я не послать извѣстія, когда узналъ, что катастрофа виситъ надъ нами и вотъ-вотъ разразится...

Днемъ у Владыки посѣтители-русскіе. Былъ совѣтникъ Посольства... Говорятъ, Владыка поразилъ ихъ своей бодростью. Когда же я пришелъ къ нему вечеромъ, онъ, ничего не вспоминая про утро, поздоровался, всталъ съ кресла, прошелся по комнатѣ и говоритъ: «а посмотрите-ка, еще не такъ плохо: ходить могу»... Было время чая... Владыка надумалъ и самъ напиться чаю и меня напоить... И все ему хотѣлось дѣлать самому... Попросилъ кипятку... Подали... Недоволенъ, что въ кувшинѣ, а не въ чайникѣ... Попросилъ два стакана. Подали двѣ чашки: недоволенъ... Но все-таки чай заварили... «А теперь не торопясь попьемъ»... Тишина въ комнатѣ... Мягко свѣтитъ электричество сквозь красный густой абажуръ... Съ удовльствіемъ пьетъ чай Владыка... Попросилъ клюквеннаго сиропа... Я прибавилъ ему капельку... «Какъ это мило, что мнѣ его прислали»,—говоритъ... «Владыка, да вамъ хотѣли послать паюсной икры... Только я отказался... Соленая де, и вамъ неполезно»... «Эхъ, чудакъ же вы, «клади въ карету»... Забыли?.. Соленая сейчасъ,—а поправлюсь съ удовольствіемъ съѣмъ»... Настроеніе Владыки было благодушное... Ничего похожаго на утро... Я хочу налить вторую чашку... «Обождите... Будемъ пить съ прохладцемъ... Куда торопиться?..» Обождалъ... Выпили еще по чашкѣ... Началъ прощаться... Но Владыка попросилъ дать ему еще стаканъ кипятку съ клюквеннымъ сиропомъ... Выпилъ съ удовольствіемъ, и даже просилъ приготовить второй и поставить на комодъ: «выпью ночью, когда пить захочется»...

Владыка былъ такъ хорошъ, что утренній разговоръ съ докторомъ какъ-то поблекъ въ моемъ сознаніи и, возвратясь въ Суругадай, я горячо молилъ Господа о дарованіи выздоровленія болящему Архіепископу нашему Николаю...

14 (27) января.

Суббота... Я пріѣхалъ къ Владыкѣ утромъ... «Спали ли»,—спрашиваю... «Разумѣется спалъ; только развѣ это настоящій

сонъ!.. Усыпляютъ лекарствами... Да вотъ дня 2—3 посмотрю... Если лучше не будетъ, домой возвращусь...

Владыка скучный, задумчивый... Разговоръ не вяжется... О чемъ думалъ въ эти часы больничнаго уединенія старецъ?.. Можно было иногда догадываться только по отдѣльнымъ фразамъ... «Нѣкоторые желаютъ знать минуту смерти... Желаютъ, напр., чтобы отецъ явился и сказалъ: помни такое-то число... Нѣтъ,—я этого положительно не желалъ бы... Если умирать, такъ не зная, когда умрешь»... Какъ однако судьба устроила вскорѣ совершенно обратное этимъ словамъ...

На башнѣ англиканской миссіи часы заиграли какой-то религіозный гимнъ «Не могу выносить. Надоѣли... Начнутъ,—и не знаешь, когда конецъ будетъ... А главное,—все одно и то же»... Даже такая безобидная вещь,—и она способна была волновать больного...

День субботній... Вечеромъ мнѣ не было времени пріѣхать. Поэтому я простился съ нимъ до утра...

15 (28) января.

Воскресенье... Соборъ переполненъ христіанами... Я совершалъ Литургію... Какъ сиротливо въ соборѣ!.. Вотъ въ лѣвомъ придѣлѣ, бывало, стоитъ онъ колѣнопреклоненный и усердно молится во время херувимской напр. Вотъ бывало, на чтеніе Евангелія онъ непремѣнно выйдетъ на клиросъ, чтобъ не пропустить и одного слова... Нѣтъ съ нами нашего молитвенника и сомолитвенника!.. Вмѣсто этого на эктеніяхъ поминаемъ «болящаго Архіепископа Николая», читаю молитву о дарованіи ему исцѣленія послѣ сугубой эктеніи... Молебенъ... Вздохи христіанъ, при упоминаніи имени Владыки широко крестящихся... Платки у многихъ воспитанницъ Женской Школы приложены къ глазамъ... Слышны всхлипыванія... Охъ,—крѣпкіе нужны нервы для того, чтобъ въ такой обстановкѣ и самому не заплакать...

Но и послѣ обѣдни не сразу я могъ отправиться въ больницу... Пришлось ждать принесенія въ соборъ къ 2 час. умершей христіанки и отпѣть ее... А принести опоздали... Лишь въ 4-мъ часу увидѣлся я съ Владыкой...

«Однако, вы сегодня поздно. Да ходите вы почаще»,—говоритъ Владыка. Я ему объяснилъ, что меня задержало... Успокоился... «А вы молебенъ за меня служили?.. Спасибо

вамъ за любовь... И христіане были?.. Очень меня трогаетъ. Молитесь! Молитесь!.. Не услышитъ ли Господь вашей и христіанской молитвы!»...

Спрашиваю Владыку о здоровьѣ... И какъ онъ сразу перемѣнился!.. «Ради Бога не раздражайте меня... Вы же знаете, что я первый ненавижу свою болѣзнь! Вѣдь развѣ это жизнь!.. Одна канитель!.. Ничего не могу дѣлать... Только ѣшь да спишь... Развѣ это жизнь?.. Дайте мнѣ исцѣленіе!.. А если не можете,—къ чему эти сочувствія!..» Я только и могъ сказать Владыкѣ, что сейчасъ исцѣлилъ бы его, если бы это въ моей силѣ было... Но это въ Божіей власти... А въ нашей силѣ лишь молиться Богу объ исцѣленіи вашемъ... «Вотъ, пожалуйста, и молитесь», какъ-то необыкновенно мягко и просительно закончилъ Владыка...

Простились мы съ нимъ до завтра... Съ сегодня, оказывается, Владыка отказался ѣсть больничный супъ и потребовалъ себѣ супа суругадайскаго... Поваръ Никаноръ принесъ его въ бутылкѣ... И послѣ сего носилъ ему каждый день...

Съ невеселыми думами возвращался я сегодня домой... Видимо, Владыку начинаетъ томить невольное ничегонедѣланіе... И этимъ онъ еще болѣе разстраиваетъ свое здоровье...

16 (29) января.

Еще съ первыхъ дней переѣзда Владыки въ Госпиталь христіане просили моего позволенія пригласить для освидѣтельствованія Владыки первую знаменитость въ Японіи по внутреннимъ болѣзнямъ, профессора университета въ Тоокёо, доктора Аояма... Я, конечно, не только позволилъ, но и просилъ, при условіи, что будетъ прежде приглашенія профессора испрошено согласіе главнаго доктора госпиталя... Согласіе было получено. Но Аояма оказался въ отъѣздѣ. И лишь 17 числа онъ могъ впервые посѣтить Владыку... Объ этомъ предупредили и Владыку: «и такъ уже всего искололи!.. Но ничего: пусть смотритъ. Только бы польза то была»...

16 числа прибыли христіане г. Тоёхаси. Давно уже они дали обѣщали построить у себя въ городѣ церковь. Но доселѣ сіе обѣщаніе не было приведено въ исполненіе. Было собрано лишь 3.000 енъ денегъ. Услыша о болѣзни Владыки, и боясь остаться въ его мнѣніи не исполнившими своего обѣщанія христіанами, собрались христіане и рѣшили: церковь

построить; для этого собрать еще 3.000 енъ; объ этомъ своемъ рѣшеніи теперь же, пока еще живъ Владыка, доложить ему... Но какъ доложить? Къ больному никого изъ посѣтителей, за рѣдкими исключеніями для русскихъ, не пускаютъ... Христіане явились ко мнѣ, и просили во что бы-то ни стало свидѣться съ Владыкой... Я взялся устроить это такъ, что бы для Владыки было какъ можно меньше волненій... Разсказалъ ему все, что самъ узналъ отъ христіанъ... Показалъ ему планъ мѣстности, гдѣ будутъ воздвигать храмъ... Владыка всѣмъ живо заинтересовался... И непремѣнно просилъ показать ему Тоёхасскихъ христіанъ... А они уже ждали въ пріемной комнатѣ... Вошли... Молча приняли благословеніе, со слезами на глазахъ... Но Владыка забылъ и мое наставленіе «не говорить, а слушать», и свое обѣщаніе «только благословить»... Стоя, низко, по-японски, поклонился всѣмъ христіанамъ... Смѣялся смѣхомъ радости... Горячо благодарилъ христіанъ... «Вотъ это для меня настоящее лекарство»,—говорилъ Владыка... Необычайная подвижность, веселое оживленное лицо, смѣхъ, разговоры: когда начать, гдѣ строить,—какъ все это не гармонировало съ приговоромъ докторовъ!.. Не вѣрилъ я своимъ глазамъ, видя такого Владыку... Да и христіане ушли утѣшенными: «на этотъ разъ еще, кажется, не конецъ, а лишь повѣстка: помни о концѣ!.. Но если еще болѣзнь повторится,—тогда уже не выздоровѣть будетъ... Тогда конецъ будетъ»,—заявилъ Владыка христіанамъ Тоёхаси, прощаясь съ ними. Съ надеждою, что на сей разъ «еще не конецъ», вышли христіане изъ комнаты Владыки, сердечно благодаря меня за доставленную радость видѣть Владыку.

Въ этотъ же день побывалъ у Владыки одинъ изъ старинныхъ христіанъ, котораго всѣ считали потеряннымъ для церкви... Принесъ Владыкѣ 100 енъ «на школы», ибо самъ учился давно въ катихизаторской школѣ (а сейчасъ офицеръ въ отставкѣ)... Но Владыка такъ уже утомился что на чекѣ вмѣсто 100 енъ прочиталъ 400, и съ этимъ пріятнымъ самообманомъ такъ и скончался....

Всю-то свою жизнь Владыка собиралъ на церкви, строилъ церкви... За этимъ дѣломъ жила душа его... И теперь, во время болѣзни, когда угасали его силы, какъ вспыхивали онѣ, когда кто нибудь жертвовалъ на построеніе церкви! Наоборотъ, какъ его угнетала мысль: изъ 10 никто не только ничего не прислалъ, но ничего даже и не отвѣтилъ... И малымъ

для него утѣшеніемъ были мои ему слова: «Богъ дастъ, добрые люди пришлютъ»....

17 (30) января.

Въ госпиталь я отправился нарочито позднѣе, около 11 час. у. съ цѣлію застать консиліумъ. Въ 12 час. прибылъ знаменитый профессоръ Аояма. Въ консиліумѣ приняли участіе главный докторъ Тейслеръ, докторъ Блиссъ, докторъ Хоріуци... «Уже седьмой докторъ будетъ свидѣтельствовать меня... Да пусть... Лишь бы къ облегченію»,—жалуется Владыка... Доктора осмотрѣли Владыку и въ своемъ кабинетѣ долго совѣщались... Уѣхалъ профессоръ Аояма... Тейслеръ и Блиссъ позвали меня и заявили, что все найдено такъ же, какъ и ими. Сердце — совершенно испорченное, почки никуда негодныя, склерозъ артерій... Не отрицаютъ они возможности улучшенія дней на 10, при условіи абсолютнѣйшаго покоя... Но затѣмъ болѣзнь должна усилиться и роковой конецъ послѣдуетъ самое позднее чрезъ 2 мѣсяца... Итакъ, вмѣсто 6 недѣль 2 мѣсяца... Разница небольшая... Впрочемъ, прежній жестокій приговорѣ.

Владыкѣ доктора пока ничего не сказали. И это обезпокоило его: «Что то нашелъ профессоръ?.. Вѣроятно худо нашелъ!.. Разъ не говорятъ ничего,—значитъ худо»,—жаловался Владыка въ тотъ день... Душевное безпокойство не преминуло отразиться на немъ. И когда я прибылъ къ нему вечеромъ, онъ показался мнѣ необыкновенно скучнымъ и утомленнымъ.

18 (31) января.

Разсчетный за январь день... Лишь въ 11-мъ часу утра впервые я могъ увидѣть Владыку... Когда я вошелъ въ комнату, онъ сидѣлъ не въ обычномъ креслѣ среди подушекъ, а на простомъ стулѣ, около комода, вблизи двери. Глубоко наклонившись, безъ малѣйшаго оживленія на лицѣ, Владыка о чемъ-то думалъ. «Наконецъ-то пришли!.. А я давно васъ жду... Сегодня вѣдь разсчетный день... Найдите у меня на столѣ, налѣво, подъ толстой книжкой особый листокъ, и по нему сдѣлайте дополнительныя выдачи»... Я говорю, что секретарь мнѣ уже назвалъ всѣхъ, значащихся на семъ листкѣ, и я выдачи уже произвелъ... «Ну, и прекрасно... А теперь... садитесь... Да вотъ здѣсь садитесь... Только разговоръ этотъ оставьте между

нами»... Я въ недоумѣніи сажусь... Владыка неизмѣнно безжизненно скучный...

«Слушайте: *мнѣ жить осталось двѣ недѣли»*...

«Да что вы, Владыко»?..—пытаюсь возражать я. Но напрасно!..

«Пожалуйста, не возражайте мнѣ, а слушайте... Могу взволноваться, разсердиться, а это мнѣ вредно... Считайте, какъ фактъ: мнѣ жить осталось двѣ недѣли... Ну... три недѣли... Если ужъ особая милость Божія будетъ, протянусь до Пасхи... И теперь весь разговоръ можетъ быть лишь о томъ, какъ бы съ большей пользой для дѣла использовать это время... Судите сами: Тріодь Цвѣтная не докончена... А и остались-то пустяки, всего три листа... Экономическій отчетъ еще не конченъ... А уже время его и отсылать... Вамъ по хозяйству рѣшительно ничего не показано... Есть письма, и важныя, на которыя еще отвѣтъ не посланъ... Напр. Н. П. Комарову... Опись церковная начата, но не докончена... Конечно, и завѣщаніе не написано... Всего-то сдѣлать не успѣю!.. Это ясно... Тѣмъ усиленнѣе долженъ работать, чтобы хотя главное то сдѣлать... Итакъ, поразсудимте»...

«Владыка... Да кто вамъ сказалъ о двухъ-трехъ недѣляхъ?.. Разумѣется, болѣзнь серьезная... Но вѣдь для Бога невозможнаго нѣтъ... Вѣдь вы же такъ глубоко вѣрите въ милость и помощь Божію»...

«Кто сказалъ?.. Да самъ докторъ мнѣ сказалъ!.. Вотъ онъ сидѣлъ здѣсь... Смотрѣлъ мой пульсъ... Я его и спрашиваю: «докторъ, я смерти не боюсь, но на мнѣ лежитъ вся церковь, и у меня масса церковнаго дѣла неоконченнаго... Перечислилъ я ему, какъ и вамъ сейчасъ, неоконченное дѣло... Итакъ, говорю, скажите, нисколько не стѣсняясь, сколько я еще проживу»... А онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза, а потомъ такъ-то спокойно и ласково говоритъ: «да какъ вамъ сказать?.. Двѣ недѣли... Три недѣли... Ну, можетъ быть болѣзнь протянется до двухъ мѣсяцевъ»... А поправиться невозможно?—спрашиваю я... «Нѣтъ,—для этого вамъ нужно вложить новое сердце»... И началъ онъ подробно мнѣ описывать, гдѣ и что у меня разрушено... Оказывается, чуть не все разрушено»...

«Владыка дорогой... Будемъ молиться, и Господь дастъ,—ошибется докторъ»... Владыка сразу оживился и говоритъ: «Да сказать правду,—я на половину только доктору повѣрилъ... А въ глубинѣ-то души молюсь Святителю Николаю, Святителю

Іоасафу и Преподобному Серафиму вымолить мнѣ у Господа еще лѣтъ пять... Только пять лѣтъ... Вѣдь сколько я тогда успѣлъ бы перевести!.. Только одна у меня теперь и есть молитва, именно объ этомъ... Помолитесь и вы за меня... А теперь о дѣлѣ: завтра же возвращаюсь въ Суругадай»...

«Какъ? Уже завтра? А докторъ разрѣшитъ вамъ сдѣлать переѣздъ?. Вы его уже спрашивали?»—удивляюсь я.

«Я свободный человѣкъ... Что хочу, то и дѣлаю... Сказалъ: завтра... И уѣду завтра... Не могу же я теперь здѣсь сидѣть безъ дѣла... Только и знаю, что сплю»...

«Но разумѣется, докторъ будетъ ѣздить къ вамъ ежедневно»,—спрашиваю я Владыку...

«Да ладно... Пусть по вашему будетъ... Пусть и докторъ ежедневно ѣздитъ... Только сестру милосердія положительно не нужно... На что она тамъ мнѣ? Да и гдѣ мы ее тамъ устроимъ»...

«Какъ, на что вамъ сестра милосердія?.. Да кто же тогда будетъ за вами ухаживать?.. Слуга Иванъ?.. Такъ онъ только до 9 час. А потомъ говоритъ: я долженъ спать... Ужъ не ночной ли дѣдушка Василій?.. Ходитъ по двору съ колотушкой... Нѣтъ—нѣтъ,—и зайдетъ посмотрѣть, есть ли уголь въ чугункѣ, да живъ ли Архіепископъ»... Такъ какъ это мною было срисовано съ натуры, то даже Владыка засмѣялся...

«Ну, ладно... Васъ сегодня, вижу, не переспоришь... Берите и сестру милосердія, если она по вашему для меня нужна... Только тогда сами ее и устраивайте, гдѣ хотите»...

Немалыхъ усилій стоило мнѣ получить разрѣшеніе на устройство звонковъ изъ квартиры Владыки ко мнѣ, потомъ къ секретарю, слугѣ и сестрѣ милосердія... Доселѣ ихъ не было въ Миссіи... «Прямо стыдно будетъ звонить... Самъ не хочетъ де позвать... А зоветъ звонкомъ»... И только мое указаніе на то, что и Владыкѣ ходить теперь будетъ уже трудно, да и слугамъ куда пріятнѣе быть позваннымъ по звонку, ибо они не любятъ, когда хозяинъ врывается въ ихъ интимную жизнь и обстановку, склонили Владыку дать разрѣшеніе...

Простился съ Владыкой.. Захожу къ докторамъ... Оба страшно смущены рѣшеніемъ Владыки уѣхать въ Суругадай... Преждевременно переѣзжать... Не ручаются, что не умретъ по дорогѣ... Но удержать насильно не имѣютъ права... Я просилъ все же убѣдить Владыку, что даже два-три дня пребыванія въ госпиталѣ ему будутъ полезны... Доктора сіе обѣ-

щали... А я поспѣшилъ домой для распоряженій по проведенію звонковъ и приготовленію квартиры Владыки, на случай возможнаго его переѣзда завтра...

19 января (1 февр.).

Вчера вечеромъ, послѣ молебна о здравіи Владыки, сообщилъ собравшимся христіанамъ, ученикамъ и ученицамъ о предстоящемъ возвращеніи Владыки. Рады сторожа—придверники... Но всѣ смущены, ибо чувствуютъ, что Владыка возвращается не потому, что поправился, и опасаются за переѣздъ отъ госпиталя до Суругадая... Долго мы рѣшали, какъ совершить переѣздъ... Общее мнѣніе христіанъ, что даже въ каретѣ весьма опасно... Лучше де перенести на носилкахъ, въ лежачемъ положеніи, какъ переносятъ въ Японіи вообще больныхъ... Но разумѣется, Владыка не согласится на такой способъ передвиженія... Поэтому рѣшено взять карету, непремѣнно на резиновыхъ шинахъ... И ѣхать шагомъ...

Весь вечеръ, до 1 часу ночи проводили звонки изъ квартиры Владыки ко мнѣ, къ секретарю, къ слугѣ и къ сестрѣ милосердія...

Наконецъ, въ 11 час. дня я поѣхалъ въ больницу, рѣшивъ карету, если понадобится, заказать изъ госпиталя... Владыка по обычаю сидѣлъ въ креслѣ, обложенный подушками... Блѣдный, съ желтизной на лицѣ... Полудремалъ...

«Итакъ,—сегодня переѣзжаемъ... Рѣшенное дѣло?.»,—спрашиваю я его...

«Погодите... Вотъ придетъ докторъ... Посовѣтуемся съ нимъ... Слабость сегодня страшная»,—отвѣчаетъ онъ мнѣ...

Со мной пришелъ навѣстить Владыку старикъ іерей о. Борисъ Ямамура, котораго Владыка очень любилъ. . Я сообщаю о семъ Владыкѣ...

«И къ чему эти безпокойства!.. Только расходуются, да церковное время тратятъ... Позовите его сюда»...

Входитъ о. Борисъ... Высокій... Сѣдой.. Настоящій патріархъ... Беретъ благословеніе... Владыка усаживаетъ его противъ себя...

«Зачѣмъ ты изъ такой дали пріѣхалъ?... Право, меня затрудняетъ даже такое проявленіе любви... Мнѣ стыдно даже»...

«Какъ же не пріѣхать?... Услышали, что вы опасно больны... И всѣ христіане просили меня нарочито съѣздить и справиться о вашемъ здоровьѣ»...

«Да что, о. Борисъ!... Плохо дѣло!... Вотъ, св. Давидъ-то что сказалъ: 70 лѣтъ... И лишь только особо сильные 80 лѣтъ... А мнѣ какъ разъ половина... Пожилъ,—и будетъ.. Пора умирать»...

«Зачѣмъ умирать?... Да вы еще поживите»...

Трогательно было видѣть эту мирную бесѣду двухъ старцевъ, изъ коихъ и о. Борисъ скоро поспѣшилъ за Владыкой: скончался весной сего года...

Простился Владыка съ о. Борисомъ... Вскорѣ пришелъ докторъ Блиссъ... «Какъ мы спали»,—спрашиваетъ Владыку... «Плохо, отвѣчаетъ Владыка.. Да если бы могъ спать, то вѣроятно и не болѣлъ бы»... А могу ли я сегодня возвратиться въ Суругадай?—спрашиваетъ Владыка доктора... «Разумѣется, удерживать мы не въ силахъ... Только я не ручаюсь, что вамъ сразу не сдѣлается хуже... Пробыли бы у насъ еще дня три-четыре. Окрѣпли бы... Каждый здѣсь проведенный день принесетъ вамъ укрѣпленіе..., дастъ лишнюю недѣлю здоровья»...

Докторъ говорилъ съ Владыкой, конечно, на англійскомъ языкѣ... И говорилъ какъ-то тихо, вкрадчиво, просительно... Наступило долгое молчаніе... Владыка о чемъ-то задумался... «Но позволите ли вы мнѣ здѣсь заниматься», спрашиваетъ Владыка... «Можно», отвѣчаетъ докторъ, «только поменьше»... «Да я позову Накай, и онъ собственно будетъ читать... Я же буду только слушать... Не буду утомляться...»,—уже Владыка полупросяще говоритъ... «И столикъ могу здѣсь поставить»?... Оказывается, Владыкѣ все разрѣшили, только бы не уѣзжалъ...

«Въ такомъ случаѣ, обращается ко мнѣ Владыка, возвращайтесь домой; въ моемъ кабинетѣ, въ шкафу, на второй полкѣ найдете японскую рукопись Цвѣтной Тріоди... У насъ вѣдь все уже переведено... Нужно только провѣрить. Тамъ же увидите и славянскую Тріодь... Все это передайте Павлу Накай и пусть онъ немедленно ѣдетъ сюда... А я, такъ и быть, пробуду здѣсь до понедѣльника (т. е. до 23 янв. ст. ст.)

Я сразу же возвратился домой... Позвалъ Накай... Онъ обрадовался, какъ конь бранный, услышавшій военную трубу... Накай все взялъ съ собою и пришелъ въ Госпиталь въ 3 часа дня... Дѣйствительно, они занимались съ Владыкой полтора часа... Впрочемъ, на долю Владыки приходилось только слушать... Читалъ же рукопись Накай...

И утомили же эти полтора часа занятій Владыку!... Когда я пришелъ къ нему вечеромъ, онъ былъ въ полусонномъ со-

стояніи... А со мной пришелъ кромѣ того свящ. о. Петръ Сасагава, про котораго за его бездѣятельность, любилъ Владыка повторять: «вотъ человѣкъ, котораго забыли похоронить».. Такъ онъ вялъ!... Посѣщеніе это поэтому не могло Владыкѣ доставить удовольствія... Онъ о. Петра принялъ, благословилъ... Но ничего съ нимъ не говорилъ.. Да и мнѣ, когда я остался одинъ, сказалъ: «утомляете только себя. Зачѣмъ ходить ко мнѣ по два раза въ день? Не нравится мнѣ, что изъ за меня вы пропускаете время дорогое»... Поэтому мы уговорились, что дальше до понедѣльника я буду посѣщать Владыку только разъ въ день, именно около полудня, когда онъ бодрѣе себя чувствуетъ...

Нужно ли говорить, съ какимъ облегченіемъ вздохнули всѣ, когда узнали, что Владыка согласился отложить нѣсколько свой отъѣздъ!... Очень ужъ всѣ боялись паралича сердца при переѣздѣ...

20 янв. (2 февр.).

Съ 9 час. утра Владыка занимался съ Павломъ Накай переводомъ, или точнѣе, провѣркой перевода Цвѣтной Тріоди. Я къ нему прибылъ около 12 час. дня. Владыка выглядѣлъ очень бодро и безпокоился лишь о томъ, что вчера онъ обошелся съ о. Петромъ Сасагава нѣсколько холодно: «это вы такъ скоро утащили его отъ меня; да и сами-то скоро ушли, почти ни о чемъ не поговоривъ»... Узнавъ, что о. Сасагава еще въ Тоокёо, Владыка просилъ меня привести его въ больницу еще разъ...

21 янв. (3 февр.).

Пришелъ къ Владыкѣ въ 12-мъ часу дня... Онъ еще занимался съ Накаемъ. Предъ окномъ комнаты небольшой столикъ... На немъ японскія рукописи, тушечница, кисти, предъ Владыкою—славянская Тріодь... Накай читаетъ японскій переводъ... По другой тетради слѣдитъ за читаемымъ Владыка... Временами останавливаются, вставляютъ запятую... Владыка въ золотыхъ очкахъ, бодрый... Кто бы могъ сказать, что это приговоренный къ смерти старецъ?.. При мнѣ дочитывали молитвы, чтомыя въ день Св. Тройцы на вечернѣ, именно молитву за усопшихъ... Кончили... Владыка перекрестился нѣсколько разъ... «Слава Богу... Вотъ, одно дѣло и кончилъ... Теперь хотя бы къ печатанію приступать можно»... Накая

Павла Владыка отпустилъ.. Рукописи и славянскую Тріодь самъ связалъ: «сносите въ Миссію вы; вѣдь Накай слабосильный... И уложите на старое мѣсто»...

Согласно обѣщанія, я привелъ къ Владыкѣ о. Петра Сасагава... На этотъ разъ Владыка принялъ его очень ласково, разспрашивалъ о состояніи церкви въ Сендаѣ... А когда о. Петръ ушелъ, Владыка и говоритъ мнѣ: «вотъ, подите же! Я постоянно говорилъ, что его забыли похоронить... А еще онъ меня похоронитъ»!...

Сообщилъ я Владыкѣ просьбу христіанъ: разрѣшить въ его комнатѣ устроить электрическое освѣщеніе. Долго не соглашался Владыка: «испортите мнѣ все зданіе; подождите, лѣтомъ, если Богъ будетъ милостивъ, во всюда проведемъ.. А теперь зачѣмъ лишніе расходы»!... И лишь только тогда, когда я разъяснилъ ему, что и зданія не испортимъ, ибо главный проводъ пропустимъ черезъ раму, и расходовъ не будетъ, ибо проводка—безплатна, а лампу покупаютъ и дарятъ ему христіане за свой счетъ, Владыка сталъ колебаться... Когда же передалъ ему, что и электрическая компанія, вообще заставляющая ждать очереди, въ данномъ случаѣ «для Николая» согласна немедленно приступить къ работамъ,—Владыка сдался: «дѣлайте, какъ хотите... Ну,—пусть будетъ у меня электричество»... И много послѣ сего онъ говорилъ о той любви, которую онъ видитъ во время болѣзни и отъ христіанъ прежде всего, и отъ инославныхъ, особенно англиканъ: епископы Макъ-Кимъ и Сесиль, и нѣкоторые ихъ пасторы не только посѣтили Владыку въ больницѣ, но и молились за него у его постели...

Въ этотъ же день начали, а на слѣдующій и окончили проводку электричества въ кабинетъ Владыки.

22 янв. (4 февр.).

Воскресенье. Въ соборѣ, при большомъ стеченіи богомольцевъ, мы совершили молебенъ о здравіи Владыки... Владыка въ этотъ день опять былъ очень слабъ,—вѣроятно поутомился надъ слушаніемъ перевода Цвѣтной Тріоди... «Напрасно прожилъ здѣсь три дня»,—говоритъ... Но рѣшимость завтра переѣхать въ Суругадай полная... Весьма ворчалъ, узнавъ, что и звонки уже проведены, и электричество уже дѣйствуетъ... «Не нравится мнѣ такая поспѣшность... Зданіе

только портите»,—опять повторилъ онъ... Но дѣло было, къ удовольствію всѣхъ христіанъ, уже сдѣлано... Я весь день провелъ въ подготовительныхъ распоряженіяхъ къ переѣзду Владыки.

23 янв. (5 февр.).

Съ утра затопили въ квартирѣ Высокопр. Архіепископа чугунку... Еще разъ провѣрили всѣ звонки... Попробовали электричество... Приготовили комнату для сестры милосердія... Къ 1 часу дня къ подъѣзду госпиталя заказали подать карету... Сдѣлавъ всѣ приготовленія, я въ 11 час. утра отправился къ Владыкѣ.

Онъ былъ уже совершенно готовъ къ отъѣзду, и лишь ждалъ обѣда... По обычаю госпиталя, обѣдъ подали въ полчаса перваго... Владыка покушалъ бульона, жаренаго, но отказался отъ сладкаго. Послѣ сего наступило томительное ожиданіе: кареты нѣтъ, а и дѣлать нечего...

«Да... Все кончено.. Конечно, дышать-то стало много легче... Но съ каждымъ днемъ слабѣю и слабѣю... Однако, видите, еще ходить могу... Что жъ?... Будемъ молить Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ еще годовъ пять жизни... А впрочемъ,—все въ Его волѣ... Вотъ,—ближайшіе 3—4 дня ясно покажутъ: или въ гору, или вскачь подгору».

Низко наклонился Владыка... Глубоко задумался... «Нѣтъ!... Уходили сивку крутыя горки!... Не зналъ удержу въ ходьбѣ... На горы быстро поднимался... Всегда и всюду спѣшилъ... Вотъ и расплачивайся... Зналъ бы ранѣе, гдѣ упаду, соломки подостлалъ бы»..., вслухъ размышляетъ Владыка...

Собравшіеся въ ожидательной комнатѣ христіане и христіанки пожелали принять благословеніе Владыки... Онъ взялъ съ комода принесенные ему цвѣты. Самъ вышелъ, первый разъ въ больницѣ, на корридоръ, и благословляя каждаго по очереди, всѣмъ далъ по цвѣтку... Всѣ со слезами цѣловали благословляющую руку и брали цвѣтокъ на память... Въ числѣ одаренныхъ цвѣткомъ случайно оказался и газетный репортеръ... Не могъ же онъ пропустить такого событія, какъ переѣздъ «Никорая» изъ госпиталя въ Суругадай!... И разумѣется, на утро все это было подробно описано въ газетахъ...

Лишь въ половинѣ 2-го подали карету... Сапогъ Владыка одѣть уже не могъ: такъ отекли его ноги... Пришлось выходить и ѣхать въ туфляхъ... Надѣлъ драповую рясу... Доктора

хотѣли непремѣнно перенести его до кареты, но Владыка рѣшительно отказался, и поддерживаемый мной и о. Романомъ Циба тихонечко спускался съ лѣстницы... Сѣли въ карету... Я закуталъ потеплѣе ноги Владыки одѣяломъ... Перекрестились и тронулись... Сзади въ особой дзинрикися ѣхала сестра милосердія... При отъѣздѣ, конечно снимали фотографы.. «И здѣсь-то снимаютъ»!—сказалъ Владыка, какъ то недовольно махнувъ рукой...

Много безпокоило Владыку то, что больница не подала ему счета при отъѣздѣ... Но когда я ему сказалъ, что христіане просили подать счетъ имъ, и что у нихъ на этотъ предметъ сейчасъ уже имѣется больше 200 р., Владыка съ большою любовью говорилъ о своихъ христіанахъ: «все же жалко ихъ; хоть бы половину-то съ меня»,—не переставалъ онъ говорить...

Поѣхали было шагомъ... Но Владыка приказалъ поскорѣе.. Погода необыкновенно благопріятствовала... Ровно въ 2 часа 15 мин. мы остановились у подъѣзда Миссіи... Предъ соборомъ іереи, катихизаторы, христіане, служащіе въ Миссіи, ихъ жены... Нѣкоторые плачутъ... Всѣмъ хочется хоть немного-то посмотрѣть Владыку... Владыка поднялся на три ступеньки подъѣзда, снялъ свою шляпу, и кланяясь всѣмъ. довольно громко сказалъ: «вижу вашу любовь... Спасибо».

Послѣ сего онъ вошелъ въ свою квартиру, а встрѣчавшіе со слезами возвращались по своимъ домамъ... Въ квартирѣ, помолившись и раздѣвшись, Владыка немедленно же опустился въ кресло... Скучный... Невольно показались и у меня слезы... Испросивъ разрѣшеніе продолжать ежедневныя службы, я пошелъ домой, желая дать Владыкѣ отдохнуть... Просилъ и другихъ сдѣлать то же...

3 часа дня... Время чая... Подаютъ мнѣ самоваръ... «Владыка отдыхаетъ»?—спрашиваю... «Нѣтъ, сразу же досталъ бумаги и сталъ писать»,—отвѣчаетъ слуга... Я обомлѣлъ отъ неожиданности...

Въ четыре часа приходитъ секретарь и зоветъ меня къ Владыкѣ «съ росписками»... Я захватилъ всѣ росписки къ произведеннымъ въ отсутствіе Владыки уплатамъ, общій подсчетъ израсходованныхъ суммъ, остатокъ... И все это принесъ Владыкѣ... Онъ молча все это взялъ, и молча самъ сталъ пересматривать и подсчитывать мои расходы... Немного уже и оставалось до блаженнаго конца... Вдругъ онъ остановился...

Поднялъ голову... Какъ-то взволнованно посмотрѣлъ на меня, и гнѣвно говоритъ: «да что вы надѣлали?.. Напутали вы меня!..» При этихъ словахъ счета онъ бросилъ на койку... Взялся за грудь и тяжело дышалъ... Я ничего не понималъ... Секретарь, вѣроятно по обычаю, какъ-то изогнулся и незамѣтно выскочилъ въ дверь... Молчаніе... Поднимаюсь и я... Владыка беретъ меня за рукавъ и усаживаетъ на прежнемъ мѣстѣ... «Владыка, да въ чемъ дѣло?.. Гдѣ я васъ напуталъ»?.., спрашиваю... «Да вы что принесли»?.. «Росписки на произведенные безъ васъ расходы»,—отвѣчаю... «Да на что они мнѣ?.. Мнѣ все вамъ скоро придется сдавать!.. А вы мнѣ сдаете... Мнѣ отъ васъ нужно было только двѣ росписки за отпечатанныя въ прошломъ году книги, для присоединенія ихъ къ прошлогоднему отчету... 30 минутъ времени съ вами потерялъ.. А вы знаете какъ оно мнѣ дорого»!..

Секретарь заглядываетъ въ дверь, и видимо моментъ находитъ благопріятнымъ... Усаживается на своемъ мѣстѣ... Я же отыскалъ Владыкѣ интересныя ему двѣ росписки и ушелъ домой... Да, быстро и неожиданно Владыка послѣднее время раздражался... А это ему было такъ вредно...

Вечеромъ Владыка позвонилъ меня... «Ну-ка... Провели электричество... Такъ,—учите-ка меня пользоваться имъ»!.. Я зажегъ лампу... Вмѣсто прежняго красноватаго свѣта и полумрака, ярко загорѣлась не очень сильная лампа... «Мило... Прекрасно... Спасибо вамъ... И стѣнъ не испортили... Только знаете, что я вамъ скажу?.. Съ той-то керосинкой я 40 лѣтъ прожилъ, а эта лампа меня въ гробъ проводитъ».. Въ этотъ вечеръ Владыка пожелалъ лечь спать пораньше, ибо и переѣздъ, и занятія поутомили его...

IV.

24 янв. (9 февр.).

Утромъ пришелъ я къ Владыкѣ часовъ въ 7. Въ кабинетѣ занимались приборкой слуги. Владыка пилъ чай въ гостинной. Видъ утомленный, скучный... Такъ какъ къ 12 час. дня мнѣ нужно было ѣхать къ Морскому агенту и дать ему окончательный отвѣтъ относительно Нагасакской земли, то я п выбралъ этотъ свободный у Владыки моментъ для того, чтобы получить отъ него окончательное рѣшеніе по этому вопросу...

Владыку весьма безпокоило, откуда мы будемъ оплачивать

аренду участка и жалованье сторожу, въ общемъ 238 енъ въ годъ. Но онъ полагалъ: до постройки церкви платить изъ %% съ капитала на построеніе церкви, а построивъ церковь за *весь* капиталъ, впослѣдствіи аренду и сторожа оплачивать изъ церковныхъ доходовъ... Я позволилъ усумниться въ возможныхъ доходахъ церкви, и высказалъ мнѣніе, не лучше ли построить церковь лишь за 10 тысячъ, отложивъ 5—6 тысячъ въ банкъ на уплату изъ %% аренды и жалованья сторожу... Разговоръ происходилъ мирно... Но почему-то Владыка весьма обидѣлся на мое мнѣніе: «въ такомъ случаѣ вы и передайте Морскому агенту свое *особое* мнѣніе»... Заволновался, и еще разъ подтвердилъ, что собственно изъ миссійскихъ на содержаніе Нагасакской земли онъ не дастъ ни копѣйки... Съ такимъ-то неопредѣленнымъ отвѣтомъ, а еще болѣе съ разстроеннымъ сердцемъ я и поѣхалъ въ свое время давать отвѣтъ по срочному дѣлу...

Зашелъ къ Владыкѣ въ 4 часа... Онъ весь день составлялъ экономическій отчетъ... «Погодите еще. Занятъ... Приходите, когда стемнѣетъ,—тогда и я заниматься не могу, и комнату у меня какъ разъ прибираютъ... Вотъ тогда и поболтаемъ»... Въ началѣ 6-го я пришелъ... Охая, перешелъ Владыка въ залъ...

«Почему сегодня не было спѣвки въ большой комнатѣ?.. Вѣдь сегодня вторникъ»?—спрашиваетъ Владыка...

«Что бы не безпокоить васъ, по совѣту доктора, мы спѣвку устроили для одного хора въ крещальнѣ, для другого въ помѣщеніи воскресной школы»,—отвѣчаю...

«Вотъ ужъ совершенно напрасно... Наоборотъ: пѣніе мнѣ доставило бы удовольствіе... Спѣли бы напр. «На рѣкахъ вавилонскихъ»... Я такъ люблю этотъ напѣвъ»...

Я обѣщалъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе... Пользуясь случаемъ, прибавилъ я, что христіане полагаютъ неприличнымъ въ дни печали по поводу болѣзни Владыки совершать браки... И напр. предположенный и назначенный на этой недѣлѣ бракъ Петра Каминага и Елены Кимура, кажется, отлагается до послѣ Пасхи...

«Это безобразіе!... Право же я затрудняюсь... Моимъ именемъ будутъ нѣкоторые получать стѣсненіе... Пусть всѣ забудутъ о моей болѣзни... Все должно идти, какъ будто меня здѣсь нѣтъ»...

Опять я обѣщалъ передать мнѣніе Владыки и склонить, кого нужно, не откладывать брака...

«Да... Дѣлать нечего... Приходится умирать... Останешься одинъ... И какъ подумаешь объ этомъ,—такъ обидно, такъ досадно становится, что слезы невольно появляются.. И поплачешь... Вѣдь ужъ не такая же я развалина!.. Жилъ же М. Исидоръ до 90 лѣтъ!.. Единственное успокоеніе въ томъ, что умру не я первый... Всѣ умираютъ... Это общій удѣлъ... И вы потомъ умрете... Вѣдь только подумать то, сколько бы я могъ перевести еще богослужебныхъ книгъ... И вдругъ, извольте видѣть, приходится со всѣмъ разставаться»...

Но въ это время открыли въ залъ дверь: «комната прибрана»... Владыка немедленно усѣлся за составленіе отчета... Зажгли электричество... «Премилая вещь... Заведите и вы у себя... Впрочемъ, зачѣмъ, вамъ?.. Вѣдь скоро-скоро мнѣ конецъ... А кстати,—кто у васъ будетъ жить въ моей комнатѣ»?...

Съ поникшею головою, съ сердцемъ скорбнымъ шелъ я къ себѣ наверхъ... Изъ головы не выходятъ слова: «слезы невольно появляются... И поплачешь»... Да и вся-то бесѣда сегодня «около смерти и по поводу смерти»... Пошелъ я прямо въ церковь, гдѣ уже началась служба, и горячо молилъ Господа излить утѣшеніе въ сердце страждущаго отца нашего...

Вечеромъ Владыка пожелалъ идти въ ванну... Было у насъ по этому поводу волненій много, однако, ванну приготовили теплую, а не горячую, какую любилъ Владыка... И слуга былъ съ нимъ въ ваннѣ... И сестра милосердія стояла за дверью ванны... Да и мылся-то Владыка, съ раздѣваніемъ и одѣваніемъ, минутъ 15.. Все прошло благополучно...

25 янв. (7 февр.).

«Хорошо ли спали послѣ ванны»,—спрашиваю Владыку... «Съ вечера заснулъ. Но съ 1 часу ночи напала на меня астма... Дѣлать нечего... Всталъ и составлялъ отчетъ... Впрочемъ, съ 7 часовъ утра еще часокъ поспалъ... Сонъ дополнилъ»...

Не смотря на такую мучительную, неспанную ночь, Владыка сидѣлъ за отчетомъ до самаго обѣда... Зайдешь къ нему, а онъ наклонившись надъ бумажкой шепчетъ про себя цифры: сложеніе и вычитаніе дѣлалъ всегда на бумажкахъ, не употребляя счетовъ...

Послѣ обѣда къ нему пришли христіанки, представительницы разныхъ общинъ, пять человѣкъ; отъ имени Женскаго

Общества онѣ поднесли Владыкѣ плюшевое одѣяло и вышитую подушку на диванъ... «Подушку попрошу Преосв. Сергія положить со мною во гробъ»,—сказалъ Владыка... А одѣяломъ былъ очень порадованъ и сразу же началъ употреблять его, покрывая имъ свои ноги, что онъ дѣлалъ въ комнатѣ почти всегда, во избѣжаніе повторенія стариннаго ревматизма... Христіанокъ онъ напоилъ чаемъ... А онѣ сидѣли, да плакали. Утѣшать ихъ пришлось Владыкѣ... Но отъ утѣшеній онѣ еще болѣе расплакались... «Чего плачете, говорилъ Владыка... Я всю свою жизнь отдалъ Японской Церкви... А теперь пришла пора отдать ей же и тѣло... Мое тѣло, видите, обратится въ японскую землю... И пусть будетъ оно залогомъ, что моя душа всегда будетъ съ Японскою Церковью... И тамъ я за нее буду молиться... Чего же расплакались»?..

Всѣ эти депутатки послѣ пришли ко мнѣ... Подробно передали разговоръ съ Владыкой, и опять много плакали...

Уже закатилось солнце... Вѣроятно, Владыка сейчасъ прекратилъ уже занятія, думаю... Иду къ нему... «Какъ разъ во время... Пойдемъ, поговоримъ»... Накинувъ одѣяло поверхъ плечъ, Владыка со мной перешелъ въ гостинную, гдѣ печь никогда не топилась, и гдѣ и на этотъ разъ была температура погреба...

«Чувствую, что слабѣю... Ежедневно слабѣю... Силы мои оставляютъ меня... Хоть бы скорѣе кончалась эта трагедія... Вѣдь разъ я не могу работать,—какая же это жизнь!.. И на что мнѣ «*это*» (показывая на тѣло)»?..

«Говорятъ нѣкоторые, что человѣкъ только тѣло, что души у него нѣтъ... Нѣтъ, батенька, если бы человѣкъ состоялъ только изъ тѣла, то—не безпокойтесь—тѣло о себѣ позаботилось бы... Поберегло бы себя!.. Не допустило бы утомить себя до болѣзни... А такъ какъ кромѣ тѣла есть душа, да и сильнѣе она тѣла,—вотъ душа и работаетъ, и волнуется, и мѣры—удержу не знаетъ... на тѣло смотря, какъ на помѣху... Глядь,—а тѣло то и ослабѣло!.. Непорядокъ... Во всемъ должна быть гармонія... Зналъ бы это въ свое время,—во всемъ бы мѣру соблюдалъ... А теперь и расплачивайся за свою неосторожность»...

«Не утѣшайте меня!.. Смотрите на все, какъ и подобаетъ намъ... Учитесь у доктора Блисса... Какъ онъ меня утѣшаетъ!.. Сегодня я его спрашиваю: «а что докторъ, на двѣ недѣли меня еще хватитъ?».. А онъ мнѣ отвѣчаетъ: «I hope»... «Я надѣюсь»...

Не больше... Да еще прибавилъ: «удивительный у васъ организмъ! Другой бы на вашемъ мѣстѣ уже давно умеръ»... Нѣтъ,—безусловно насталъ «кагири» (предѣлъ, конецъ!)»...

«И все же, какъ бы хотѣлось сбросить съ себя лѣтъ 30—35, и стать опять вотъ такимъ, какъ вы!.. Сидишь и считаешь... Да неужели же въ самомъ дѣлѣ тебѣ 75?!. Но какъ ни считай, а все выходитъ 75... Да когда же пролетѣло время-то?.. Вѣдь все прошлое кажется такимъ недавнимъ, какъ будто я его только что пережилъ!»...

«Эхъ, начать бы теперь лѣтъ 40... Болѣе молодыхъ годовъ не желаю... Церковь уже начата... И приличная церковь... Чтобы ни говорили, а тысячъ 20 во всякомъ случаѣ будетъ... Теперь настало время ее украшать, развивать, упорядочивать... Презанимательная работа!.. Весь бы ушелъ въ нее... Вотъ бы поработалъ-то»...

«А слышали, что не такъ давно католическій архіепископъ умеръ?.. Да... Почти въ одно время съ нимъ мы заболѣли... Совершенно поправился было... Но неожиданное осложненіе, и умеръ... Еще всѣ газеты тогда писали, что оба-де умираютъ... Онъ уже умеръ... А я пока отвертѣлся»...

«Кстати, вамъ два слова о католикахъ... Въ Хакодате это было... Католическіе миссіонеры приходили въ гости въ Русское консульство... Ихъ кто-то и спрашиваетъ, какъ они смотрятъ на успѣхъ православія въ Японіи... Что же они отвѣтили?.. «Да,—сдѣлано много; но все это есть личное дѣло Николая: все это есть, пока живъ Николай... Не станетъ Николая,—и дѣло рушится. . ...Да развѣ у насъ здѣсь «Николаево дѣло?» Тьфу! Тьфу!.. Не Николаево дѣло!.. Божье дѣло!.. Богъ дѣло началъ... Богъ церковь созидалъ... А мы лишь Его недостойные слуги... Что въ насъ есть такого, чтобы не отъ Бога?.. «Что ты имѣешь, чего бы не получилъ»... Помните, у апостола Павла (I Кор. 4. 7). А что Богъ именно мнѣ или вамъ далъ, такъ въ этомъ нашей заслуги ни на волосокъ!.. Развѣ есть какая-нибудь заслуга у сохи, которою крестьянинъ вспахалъ поле?.. Развѣ можетъ она хвалиться: «глядите-ка, православные, что я надѣлала!»... Хорошо вспахано... Развѣ кто-нибудь скажетъ: «хорошо соха вспахала?. Всѣ скажутъ: «молодецъ мужичекъ . Ловко вспахалъ»... Такъ и здѣсь... Николай... Сергій... Роль наша не выше роли сохи. . Вотъ крестьянинъ попахалъ-попахалъ, соха износилась... Онъ ее и бросилъ... Износился и я... И меня бросятъ... Новая соха пахать начнетъ... Такъ смотрите же,

пашите!.. Честно пашите!.. Неустанно пашите! Пусть Божье дѣло ростетъ!.. Пусть посрамятся католики... Дайте слово!.. Такъ смотрите же,—не измѣните!..

«А все таки, пріятно, что именно тобой Богъ пахалъ... Значитъ,—и ты не заржавѣлъ.. Значитъ, за работой на Божьей нивѣ и твоя душа нѣсколько очистилась... И за сіе будемъ всегда Бога благодарить»...

«Николай... Николай... Николаево дѣло... Увы,—и въ Россіи это говорятъ... Неправда!.. Тысячу разъ неправда!.. Божье дѣло!.. Божье дѣло!.. Въ Россіи много про меня пишутъ... Только все, что пишутъ—идеализація!.. Издали не видно,—вотъ и пишутъ... А вблизи посмотрѣли бы,—плюнуть, да отойти!.. Вотъ, что такое Николай!.. Ко мнѣ-то всѣ сіи похвалы не пристанутъ... Но если черезъ меня что-нибудь перепадетъ на сторону Православной Церкви, истинно былъ бы радъ»...

Однако, комнату уже давно приготовили, и Владыка, прервавъ свою бесѣду, поспѣшилъ къ своему столу и сѣлъ за составленіе отчета...

26 янв. (8 февр.).

Съ ранняго утра Владыка сидѣлъ за отчетомъ... «Самый серьезный моментъ... Итоги подвожу... Пожалуйста, не спутайте меня!.. Самъ спутаюсь»...—говорилъ онъ, когда я временами заглядывалъ къ нему... Сестра милосердія, по обычаю, сидѣла на стулѣ за его кресломъ и временами смотрѣла его пульсъ и мѣрила температуру... Видъ у Владыки бодрый, дѣловой... Никто не повѣрилъ бы, что это присужденный къ скорой смерти старецъ... Но сестра неизмѣнно провожала меня на корридоръ, и качая головой говорила: «силы Дай-Сюкео слабѣютъ съ каждымъ днемъ»...

Днемъ была спѣвка... На этотъ разъ по старому, въ комнатѣ, почти сосѣдней съ Владыкой... Спѣли нарочито для Владыки. «На рѣкахъ Вавилонскихъ». Но исполненіе Владыкѣ весьма не понравилось... Слишкомъ де тянули...

Но вотъ и опять вечеръ... Со стонами Владыка перешелъ въ гостинную... И опять полились разговоры, изъ коихъ, конечно, лишь нѣкая часть записывается сюда...

Отслужилъ я свои 50 лѣтъ... Теперь вы свою долю отслуживайте... Почти 4 отслужили... Немного и осталось... По-

больше 40 лѣтъ... Не смѣйтесь,—быстро пролетитъ время!.. Такъ не сбѣжите отсюда?.. То-то, смотрите!..

«Забудьте, что *тамъ* и были... Умрите для службы *тамъ*... Знайте только Японскую церковь... И главное: *уважайте* свое служеніе... Наше дѣло большое здѣсь!»...

«Да, истинно Богъ васъ сюда послалъ... И какъ разъ во время... Церкви вами почти всѣ посѣщены... Служащихъ церкви почти всѣхъ вы узнали... Всюду и всѣ-то васъ полюбили... Вотъ, смотрите-ка, опять спрашиваютъ, да когда же вы пріѣдете... Правда, хозяйства миссійскаго вы не изучили... Но кой что я вамъ покажу... А впрочемъ,—все сами найдете!.. Не велика мудрость!.. И меня похороните... Да, вѣрю, что Богъ послалъ мнѣ васъ на утѣшеніе». Даже стыдно было слышать эти рѣчи Владыки, съ коимъ мы такъ мирно, такъ дружно, ничего не дѣля, но во всемъ взаимно помогая, трудились нѣкоторое время... Все же, мнѣ Богъ такую радость далъ въ теченіе почти 4 лѣтъ...

Заговорили о душѣ... Глубоко вѣрующій, съ великимъ смиреніемъ о себѣ говорившій Владыка, и здѣсь такъ низко оцѣнивалъ себя!.. Отдавая каждую минуту дѣлу Божьему, душѣ полезному, онъ говорилъ...: «все хозяйство и хозяйство!.. Нѣкогда о душѣ-то и подумать... А право преинтересно, *что* и *какъ тамъ*, на небѣ... Скоро все узнаю... И въ этомъ отношеніи я много счастливѣе васъ»...

Снова заговорили о церкви...: «Чтобы ни говорили, а ученіе Христово на добрую почву здѣсь падало... Я свои 50 лѣтъ отслужилъ... Первый періодъ кончилъ... Теперь вы новый періодъ жизни церкви начинайте... Что уже есть,— объединяйте... расползлись, что раки по разнымъ концамъ страны и міра!.. Объединенное воодушевляйте... Вѣдь развѣ не помогалъ нашей немощи, нашей нищетѣ и тѣлесной и духовной Богъ?.. И въ семъ наше утѣшеніе... Да добрыми обычаями церковь украшайте... Съ меня достаточно было и того, что я хоть ученіе-то вливалъ...

«Кстати,—строить церкви будете, примите за правило: не разрѣшать строить безъ алтаря и престола... И вѣрьте, скоро ваши усилія увѣнчаются успѣхомъ... Вотъ уже строятъ настоящую церковь въ Сюузендзи.. Пусть такую же церковь, а не молитвенный домъ, строятъ потомъ и въ Тоёхаси...

«Ради Бога, располагайте вездѣ, чтобы христіане жертвовали на іереевъ, на катихизаторовъ, на молитвенные дома;

истинно говорю: останемся когда-нибудь мы безъ гроша!.. Вѣдь кто сейчасъ засѣдаетъ въ Думѣ-то! На что угодно дадутъ! Только на Бога, на Церковь не дадутъ!.. Да и не все же нашей церкви ходить на костыляхъ!... Уже не ребенокъ, чтобы въ помочахъ нуждалась»...

Однако, опять открылась дверь... Значитъ, комната прибрана... Владыка, всегда точный, моментально оборвалъ разговоръ: «ну, покойной ночи!.. Поужинаю, да и за дѣло»... А Владыку всетаки доктора заставили ужинать... И онъ имъ подчинился...

27 янв. (9 февр.).

Къ полудню еще ранѣе законченный отчетъ былъ уже Владыкою переписанъ въ одномъ экземплярѣ... Переписанъ ясно, твердо... Вызываетъ звонкомъ меня... «Всегда я самъ переписывалъ отчетъ въ трехъ экземплярахъ: одинъ, оригиналъ, для Миссійскаго архива, и по экземпляру въ Св. Синодъ и въ Миссіонерское Общество... Но нынче, сами видите, силъ нѣтъ... Никогда никому не довѣрялъ этой работы... Правда, разъ какъ-то переписывала граф. Путятина... Ну, а теперь ужъ будьте добры, помогите... Перепишите... Когда сможете?.. Примите во вниманіе, что доктора торопятъ меня умирать»...

Когда же я сказалъ, что беру на экземпляръ по одному дню и постараюсь переписать строка въ строку, чтобы не передѣлывать постраничныхъ итоговъ, старецъ страшно обрадовался: «Ой-ли?! Такъ скоро?.. Но тогда мы сразу и отошлемъ... И душа моя успокоится»...

Я сразу же сѣлъ за переписку... И переписка весьма сократила на день два часа моего общенія съ Владыкой. Владыка же сѣлъ за слѣдующее срочное дѣло,—нужно было отвѣтить на нѣкоторыя срочныя письма... Первымъ письмомъ было письмо къ Н. П. Комарову, секретарю Миссіонерскаго Общества... Посовѣтовавшись со мной, Владыка рѣшилъ написать, что намъ особаго позолотчика для исправленія иконостаса изъ Россіи не нужно... Въ связи же съ предстоящими работами по украшенію собора написанными въ Москвѣ на линолеумѣ картинами, Владыка рѣшилъ вызвать архитектора Кондеръ и ему поручить ремонтъ собора.

28 янв. (10 февр.).

Когда я пришелъ къ Владыкѣ съ обычнымъ утреннимъ визитомъ, онъ подалъ мнѣ большой пакетъ, со словами: «почи-

тайте-ка»... Это былъ пакетъ отъ нашей благотворительницы Кс. Θ. Колесниковой... Пишетъ Владыкѣ, что она съ мужемъ жертвуетъ на построеніе церкви въ Хакодате 3,000 енъ, и спрашиваетъ лишь, чѣмъ лучше—деньгами или вещами... Посовѣтовались мы съ Владыкой... Безъ денегъ церкви не построить... Вещи же, въ крайнемъ случаѣ, плохенькія, можно всегда найти... Рѣшили просить прислать 3,000 енъ деньгами...

Владыку эта жертва необыкновенно обрадовала... Такъ онъ скорбѣлъ, ничего почти не получая въ послѣднее время на постройку церкви въ Хакодате... И вдругъ сія жертва!.. «Богъ добраго дѣла безъ помощи не оставляетъ никогда... Всегда какую-нибудь добрую душу къ жертвѣ расположитъ»...—говорилъ Владыка. Немедленно же онъ рѣшилъ послать отвѣтъ по содержанію сего пакета.

Я весь день переписывалъ отчетъ... Когда я пришелъ къ Владыкѣ послѣ всенощной, у него было уже готово пока одно только письмо Н. П. Комарову... Прочиталъ онъ мнѣ это письмо... Поразила меня какая-то отрывочность, и слишкомъ большая дѣловитость сего письма. Почеркъ письма совершенно твердый... «Одобряете?.. Итакъ посылаю!.. Приписать развѣ, что дальнѣйшую переписку придется ему вести съ вами?.. Впрочемъ, онъ ничего не знаетъ о моей болѣзни... Не знаетъ, что я умираю... Еще пожалуй подумаетъ, что я на что-нибудь разсердился... Ничего не буду приписывать»... Письмо здѣсь же было запечатано и сразу послано на почту.

29 янв. (11 февр.).

Воскресенье... Праздникъ «Кигенсецу», основанія Японской имперіи... Я служилъ обѣдню и послѣ нея благодарственный молебенъ. Служба затянулась. Къ 2 час. дня я уже доставилъ Владыкѣ въ переписанномъ видѣ 2 экземпляра отчета... На смѣну онъ далъ мнѣ переписать два донесенія, посылаемыя при отчетахъ, одно въ Св. Синодъ, другое въ Миссіонерское Общество... Они заняли у меня и воскресенье до полуночи, и понедѣльникъ съ ранняго утра... Много бесѣдовать съ Владыкой поэтому не удалось...

Вечеромъ Владыка написалъ письмо К. О. Колесниковой... Въ минуты отдыха читалъ газеты... Какъ разъ попалъ № «Моск. Вѣд.» отъ 14 янв. съ телеграммой изъ Тоокёо о его болѣзни... «Кто бы могъ это послать?.. Не знаете?.. Не можетъ же быть,

что бы Г. Т. Назаровъ!.. Онъ ко мнѣ хорошо относится... Да и помѣтка «отъ собст. корр.»... Впрочемъ, вѣдь все напечатанное правда... Положеніе мое тяжелое... Дай Богъ до Пасхи дотянуть!.. А есть и польза отъ телеграммы: узнаютъ въ Россіи о болѣзни,—быть можетъ кто нибудь за меня и помолится».

30 янв. (12 февр.).

Отчеты сегодня къ 11 час. утра мною переписаны. Владыкой они просмотрѣны и подписаны... Подписаны не только твердо, но и красиво... Подписаны имъ и донесенія въ Св. Синодъ и Мисс. Общество... Готовы, наконецъ, и конверты... «На 17 лѣтъ вѣдь я бумаги и конвертовъ заготовилъ!.. Но не пришлось мнѣ ими попользоваться!.. Но вамъ надолго безпокойства не будетъ: всѣмъ этимъ вы обезпечены»...

«А теперь учитесь приготовлять росписки къ отсылкѣ»... И началось настоящее обученіе. Едва ли оно не было роковымъ для Владыки!.. Владыка вынулъ ящикъ изъ стола, освободилъ его отъ вещей и поставилъ на столъ... Затѣмъ, постоянно нагибаясь, Владыка бралъ съ койки росписки къ какой нибудь статьѣ расхода, и укладывалъ ихъ въ уголъ стола такъ, что двѣ ихъ стороны всегда получались, конечно, ровными. А вѣдь росписокъ сотни. Въ одной, напр., пачкѣ что-то свыше 800... Столько значитъ разъ наклонился и опять разогнулся Владыка.,.

«Позвольте теперь мнѣ, говорю... Я технику дѣла усвоилъ»... «Погодите... Смотрите и учитесь... Вотъ, всегда такъ же упаковывайте»...,—отвѣчаетъ.

Росписки по статьѣ уложены... «А теперь учитесь сшивать ихъ»... И вотъ, самъ Владыка, не смотря ни на какіе протесты, нажимаетъ ихъ рукой вмѣсто пресса, и за неимѣніемъ машинки, протыкаетъ для длинной кнопки отверстіе перочиннымъ ножемъ... Сколько нужно и здоровому-то человѣку усилій, чтобы сдѣлать такую работу!.. И конечно, Владыка ничего не смогъ, а лишь порѣзалъ палецъ... Пришлось залѣпить его пластыремъ... Додѣлалъ эту работу, равно и подобралъ всѣ прочія пачки документовъ я... Владыка же сидѣлъ, задыхаясь, и послѣ каждой пачки выдавалъ мнѣ шутливо аттестатъ: «коо», т. е. высшая отмѣтка...

Это «обученіе» меня искусству подбирать и сшивать росписки сдѣлало то, что среди дня пришлось дѣлать вспрыскиваніе

для успокоенія его сердца... Но остановить Владыку отъ такой работы ни у кого силъ не было.

Настало время обѣда... Подаетъ мнѣ слуга на первое блюдо «нѣчто» и говоритъ: «бурини»... Лишь по внѣшнему подобію я понялъ, что онъ такъ назвалъ мнѣ «блины»: вѣдь уже масляница... Но неужели и у Владыки блины?... Оказывается, по его-то заказу они и сдѣланы... И каждый годъ онъ заказывалъ себѣ непремѣнно «бурини»... И ѣлъ то, что ему подавали вмѣсто блиновъ... Я попробовалъ; но ѣсть отказался... Однако раздается звонокъ, меня зоветъ Владыка. «Сегодня блины... И вотъ принесенная вами икра... Видите, пригодилась!.. Но не могу же я одинъ ее ѣсть!.. Садитесь, и вмѣстѣ кушайте»... Угощаетъ Владыка. Я отказался, сославшись, что уже весьма напитался... Но Владыка ѣлъ безъ аппетита, но достаточно.

А результатъ неизбѣженъ... И всегда-то Владыка чувствовалъ, что его желудокъ плохъ... Во время болѣзни всегда принималъ желудочное лекарство.. Разстроился желудокъ и теперь...

Когда я пришелъ къ Владыкѣ въ обычный часъ, т. е. около 6 ч. вечера, его видъ поразилъ меня... Сильная одышка, страшная усталость, необыкновенная слабость... «Ну,—опять начинается!.. Вотъ, такъ же скверно было, когда я уѣзжалъ въ госпиталь!.. Но теперь, вѣроятно, ужъ конецъ... Не безъ причины же Блиссъ попросилъ у меня мою карточку... И такъ трогательно просилъ!.. Ясно, что отъ умирающаго паціента на память... Да и въ самомъ дѣлѣ,. хоть бы конецъ скорѣе! Невыносимыя страданія... Серьезно говорю: страдаю... Смотрите, будете писать некрологъ, упомяните, что я предъ смертію страдалъ»... Все это говорилось среди страданій, но съ такимъ юморомъ, что я не удержался, чтобы не сказать: «Владыка, да не охайте вы такъ часто!.. Будьте духомъ пободрѣе... И не такъ велики будутъ страданія»... Но Владыка, схватившись за грудь и смѣясь отвѣтилъ: «ну, и дожилъ!.. Умираешь, и то не вѣрятъ... Вотъ, что значитъ: не болѣлъ и долго жилъ»...

Веселое подъ конецъ бесѣды настроеніе Владыки такъ не вязалось съ его дѣйствительно сильными въ этотъ день страданіями!..

Возвратился онъ въ кабинетъ Первое, попавшееся ему на глаза, сестра милосердія... «Уже 8 лѣтъ служитъ сестрой милосердія.. Ухаживала за русскими плѣнными... Тридцать

человѣкъ черезъ ея руки отправились уже на тотъ свѣтъ. А я буду 31-мъ»... Тѣ же слова повторилъ онъ и сестрѣ, съ такой любовью ухаживавшей за Владыкой...

Передъ сномъ, желая ослабить свои страданія, Владыка просилъ ванны... Но такъ какъ ему ея не разрѣшили, то онъ настоялъ все таки хотя на томъ, чтобы вымыться горячей водой. Выходить на корридоръ было не безопасно. Идти же до ванны было весьма опасно.. Поэтому пришлось въ комнатѣ разослать непромокаемую бумагу... Владыка самъ вымылъ себѣ голову горячей водой, а слуга обтеръ его теплой водой... Какъ будто съ вечера нѣкое облегченіе наступило...

31 январ. (13 февр.).

Послѣ ранней Литургіи пришелъ къ Владыкѣ около 8 час. утра... Онъ сидѣлъ въ гостинной и пилъ чай... На мой вопросъ, какъ онъ себя чувствуетъ, сначала онъ ничего не отвѣчалъ, а потомъ, по обычаю, заявилъ: «не спрашивайте, пожалуйста, меня о болѣзни... Вы знаете, что я первый ее ненавижу.. Видите, придерживаясь за стулья хожу... Значитъ, плохо».

Видя, что Владыка очень слабъ, я поспѣшилъ оставить его, сказавъ: «пойду заниматься съ учителемъ; пока до свиданья»... Но неожиданно Владыка говоритъ мнѣ: «вы должны подавать во всемъ примѣръ христіанамъ, и сегодня заниматься не слѣдуетъ»...—«Да почему же не слѣдуетъ заниматься»?—недоумѣваю я... «Да вѣдь сегодня же воскресенье!.. А вы хотите заниматься»!.. Ясно, что Владыка былъ въ бреду... Я немедленно сообщилъ это наблюденіе сестрѣ милосердія, но и она лишь подтвердила, что сегодня у Владыки сознаніе не вполнѣ ясное, и что съ третьяго дня ему гораздо хуже...

Въ 9 час. утра былъ у Владыки докторъ Блиссъ... Непосредственно за нимъ зашелъ къ Владыкѣ и я... Встрѣтилъ меня словами: «былъ докторъ. Худого не нашелъ... Но ослабъ я!.. Совсѣмъ ослабъ!.. А много ли народу было въ церкви?.. И почему по окончаніи Литургіи не трезвонили, какъ обычно?.. А я-то поджидалъ»... Видя, что бредовое состояніе еще продолжается, и помня совѣтъ доктора Тейслеръ не продолжать разговора при бредѣ больного на тему бреда, я пошелъ домой, а Владыку убѣдили прилечь и отдохнуть... Спалъ, или лежалъ онъ до 11 часовъ... Началась спѣвка... Запѣли любимое Вла-

дыкою «На рѣкахъ вавилонскихъ»... Въ это время я пришелъ къ Владыкѣ за ключами отъ библіотеки... Онъ сидѣлъ на креслѣ, поднявъ ноги по совѣту доктора на койку, и охалъ...

Послѣ 4 час. дня, наконецъ, полное сознаніе возвратилось къ Владыкѣ... Оказывается, онъ послѣ обѣда поспалъ, и уже успѣлъ надписать нѣсколько адресовъ на пакетахъ, отправляемыхъ въ Миссіонерское Общество... Когда я пришелъ къ Владыкѣ, нашелъ его сильно взволнованнымъ... Онъ писалъ чекъ... «По утрамъ я слабѣю, поэтому пишу сегодня... А двѣ хакодатскія суммы, коимъ сегодня истекъ срокъ переписываю на ваше имя... И пожалуста не отказывайтесь! Видите,—умираю!.. Все равно чрезъ мѣсяцъ вамъ все придется брать въ руки... Смотрите на дѣло мужественно»...

Дѣлать нечего, пришлось дать согласіе переписывать суммы, коимъ выходитъ въ банкахъ срокъ, на мое имя, о чемъ особымъ письмомъ Владыка и увѣдомилъ банки... Переписалъ на мое имя Владыка въ этотъ же день и суммы, находившіяся на текущемъ счету... Тяжело было давать согласіе на эту переписку. Отъ живого еще, что послѣ мертваго, принимаешь наслѣдство...

Въ 6-мъ часу, пока прибирали кабинетъ, Владыка опять бесѣдовалъ со мной въ гостинной, сидя на диванѣ...

«Вѣдь вотъ... Едва уже хожу... А хотѣлось бы прожить еще лѣтъ съ 10... Только во вкусъ переводовъ вошелъ... Года черезъ два принимайтесь и вы... И прежде всего за каноникъ... Молитвы ко причащенію, молитвы по причащеніи уже есть... Утреннія и вечернія тоже есть... Акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ найдете тамъ... Переведенъ... Нѣтъ другихъ каноновъ и акаѳистовъ... Но послѣдніе—одни слова, и для перевода нетрудные... А ирмосы есть уже въ Ирмологіи... Словомъ, для начала работа по силамъ...

«А страшно умирать!.. Охъ, какъ страшно умирать!.. Этого-то, тѣла, не жалко... умеръ, и ладно... Но вѣдь попадешь-то куда?!. Обязательно въ «дзигоку», да еще на самое дно!.. «Если праведникъ едва спасется, то нечестивый и грѣшный гдѣ явится» (I Петра, 4, 18).

Я имѣлъ великое счастіе принимать исповѣдь сего праведника... Исповѣдался онъ мнѣ передъ праздникомъ Рождества Христова... И услышанныя мною слова великаго смиренія сильно поразили меня... «Ужъ если вы, Владыка, такъ говорите о себѣ, то намъ-то, грѣшнѣйшимъ паче всѣхъ чело-

вѣкъ, гдѣ придется быть?.. Однако, и мы питаемъ надежду на милосердіе Божіе»... Рѣшили еще разъ исповѣдаться взаимно, по обычаю, съ наступленіемъ дней Великаго Поста-..

«Смотрю назадъ... Все въ какомъ-то туманѣ... Что хорошаго я сдѣлалъ?.. Ничего!.. Искренне говорю: ничего!.. Молиться, какъ слѣдуетъ, не умѣю... Не трудился столько, сколько нужно было для пользы церкви... Весь уходилъ въ хозяйство».

«А похороните-то меня всетаки поближе къ собору. Напр. за паркомъ Уено, въ Янака. И отъ собора недалеко.. И христіанъ тамъ немало... Въ Россіи, конечно, архіереевъ хоронятъ въ соборахъ... А здѣсь!.. Гдѣ ужъ!.. Язычники скажутъ: городъ заразитъ»...

«Ну, да будетъ хныкать!.. Что нибудь разскажите лучше... Вотъ, въ Хакодате бывало... Скучно станетъ,—прямо къ псаломщику Сартову: разскажи что-нибудь»...

Но не до разсказовъ было... Не такъ настроена была душа. Да и сестра милосердія открыла дверь и позвала Владыку завтракать... Мы простились...

Утромъ въ этотъ же день Владыка получилъ изъ С.-Петербурга телеграмму: «молимся о здравіи вашемъ. Саблеръ. Малевскій»... Владыка долго держалъ телеграмму въ рукахъ: «какъ мило!.. Какъ трогательно!.. Но отвѣчать что же?.. Не писать же: умираю»!..

1 (14) февраля.

По обычаю, къ Владыкѣ пришелъ около 8 час. утра. Пилъ чай... Поздоровались... «Пожалуста, и за меня помолитесь»,—говоритъ, видимо полагая, что я иду къ Литургіи, Владыка...

Въ десятомъ часу самъ позвонилъ ко мнѣ. Прихожу... Онъ показываетъ мнѣ написанный имъ на бандероли адресъ и говоритъ: «разберите-ка, куда нужно пакетъ сей направить!.. По-русски «С.-Петербургъ», а по-англійски «Москва»... Далѣе-то смотрите: письмо I. I. Деткину.. А пишу «Лиховъ переулокъ»... Каково? Совсѣмъ памяти не стало!.. Совсѣмъ умираю!.. Ну,—что бы сталъ дѣлать почтальонъ съ такимъ письмомъ?.. А??»

Видя, что Владыка работаетъ, не будучи въ полномъ сознаніи, я прошу позволенія написать адресъ... «Ахъ, нѣтъ!.. Я дѣлаю надъ собой опыты... Пишу, и думаю: не ошибусь... И какъ разъ въ эту-то именно минуту и соврешь»...

«Сегодня воскресенье»?—спрашиваетъ Владыка... «Да нѣтъ же; сегодня среда»,—отвѣчаю...—«Вотъ, все спуталъ!.. А сколько времени сейчасъ»?.. «11-й ч.»—отвѣчаю... «А мнѣ все кажется, что уже послѣ обѣда»!.. «А какое же число сегодня»?..—продолжаетъ распрашивать Владыка... «Число 1-е... Завтра Срѣтеніе Господне»... «Такъ сегодня не 31-е»?.. На этомъ мы и простились пока...

Около 12 часовъ я зашелъ доложить Владыкѣ, что съѣздилъ въ банкъ, и тамъ все согласились сдѣлать согласно съ письмомъ Владыки... Владыка мнѣ жаловался: «Опять трудно дышать!.. Видимо, начинается та же болѣзнь, что была и до госпиталя»...

Въ 3 часа былъ докторъ Хоріуци изъ госпиталя... Нашелъ состояніе сердца Владыки очень худымъ... Сдѣлалъ вспрыскиванія... Далъ сестрѣ наставленія «на всякій случай»... На вопросъ, есть ли опасность, отвѣтилъ, что непосредственной опасности нѣтъ, но что положеніе очень серьезное... До завтра ручается... А далѣе все возможно»...

Въ 5 час. веч. Владыка прислалъ мнѣ книжку сберегательной кассы... Я былъ у него сразу же послѣ сего... Читаетъ съ интересомъ Православный Благовѣстникъ... Сознаніе ясное... «Ходятъ доктора... Только мнѣ мѣшаютъ... Хоть бы хуже было, что ли... А то,—какая-то неопредѣленность»...

Поговорили о предстоящей всенощной... На этотъ разъ Владыка вполнѣ разобрался въ числахъ и дняхъ, и отмѣнилъ назначенныя на вечеръ занятія съ Накаемъ...

Направляясь въ церковь, зашелъ къ Владыкѣ: «весьма сегодня скверно... Помолитесь за меня»... Только и сказалъ, и охая поднялъ ноги на кровать... Съ 8 час. веч. Владыка заснулъ, сидя въ креслѣ...

2 (15) февраля.

За 15 мин. до службы зашелъ къ Владыкѣ. . Въ гостиной на столѣ стоитъ приготовленный стаканъ чаю... Владыка, со страдальческимъ выраженіемъ лица, стоитъ рядомъ со столомъ, положивъ руки на края стола...: «Совсѣмъ ослабъ!.. Моциронъ, аруку кото га декимасенъ (т. е. разумѣется, ходить не могу),—заявляетъ Владыка, тяжело дыша... «Варуи десъ», т. е. «плохъ», говоритъ и сестра милосердія...

Я говорю Владыкѣ: «иду служить Литургію... Помолюсь горячо и за васъ». «А сколько же теперь времени»?—спра-

шиваетъ Владыка... «Безъ 10 мин. 9 ч.», отвѣчаю... Владыка перекрестился широкимъ крестомъ, и низко до пояса, по-японски, мнѣ поклонился... Я вышелъ изъ комнаты и телефономъ непремѣнно просилъ главнаго врача госпиталя прибыть въ Суругадай сегодня...

По окончаніи Литургіи я опять зашелъ къ Владыкѣ.... «душитъ, страшно душитъ», жалуется, полулежа въ креслѣ... Лежитъ распечатанная телеграмма... Я спрашиваю: «отъ кого»... «Не читалъ... Прочитайте»... Читаю... «Скорблю душею, узнавъ о вашей болѣзни; молю Бога о скоромъ выздоровленіи; радуюсь сообщить о новомъ пожертвованіи. Графиня Шувалова»... Владыка оживился... Перекрестился... «Слава Богу!.. А сколько»?.. Я отвѣчаю, что ничего не написано. Владыка еще разъ перекрестился... И невольно мнѣ вспомнились его слова»: «прислалъ бы кто-нибудь на церковь хакодатскую, прошли бы всѣ боли»..

Въ 4-мъ часу дня былъ у Владыки Тейслеръ... Что онъ нашелъ, неизвѣстно. Но на вопросъ Владыки: «проживу ли еще съ мѣсяцъ»,—отвѣтилъ, что его болѣзнь не къ смерти, что сердце исправилось, и что онъ при его организмѣ можетъ прожить еще лѣтъ съ 10... Сестрѣ же милосердія Тейслеръ далъ разныя инструкціи на случай осложеній... Несомнѣнно, что Владыка Тейслеру повѣрилъ совершенно. И когда я къ нему входилъ въ комнаты, онъ, застегивая подрясникъ и прогуливаясь по кабинету, необыкновенно весело говоритъ мнѣ: «А я только что хотѣлъ посылать за вами!.. Можете меня поздравить... Сердце исправилось, и мы еще вмѣстѣ поживемъ... Можетъ быть даже лѣтъ 10... Итакъ, съ завтра же принимаюсь за переводъ... какъ ихъ называютъ... вотъ вѣдь забылъ»... «Миней»,—подсказываю я... «Вотъ именно, займусь съ завтра переводомъ Миней... Будетъ даромъ дорогое время терять»!..

Весьма Владыка началъ шутить... «А эта болтушка (показывая на сестру) «теки-суру кото нака-нака дзёодзу десъ», т. е. въ свободномъ переводѣ: «ловко со мной справляется»... Поставитъ градусникъ подъ мышку... Держите, говоритъ... И не двигайтесъ... Уже 10 минутъ прошло, 15. 25 минутъ прошло... А она все свое: не двигайтесь... И приходится подчиняться... Вотъ, думаешь, взяла градусникъ... Могу я поработать... А она какъ разъ за руку... Пульсъ, изволите видѣть, свидѣтельствуетъ... И опять 10 мин., 15 мин... Попросту обманываетъ, заставляя отдыхать»... Все это говорилъ со смѣхомъ,

все время показывая на сестру... Та смутилась.. Пришлось ей перевести разговоръ... Тогда и сестра засмѣялась... Вѣроятно, такъ и было когда-нибудь...

Владыка сѣлъ на кресло... Дышетъ тяжело... Потъ на лбу, на щекахъ... Рядомъ стоитъ сестра, и поминутно вытирая полотенцемъ потъ съ лица Владыки, ласково упрашиваетъ Владыку быть «отонасику», т. е. потише... Но не успокоивается Владыка и продолжаетъ шутить... Вотъ онъ протягиваетъ лѣвую руку и пробуетъ взять легкій прессъ... Но пальцы не могутъ удержать пресса... Онъ вываливается... Тогда онъ пробуетъ лѣвой рукой взять газеты... Пальцы двигаются свободно, но удержать бумаги не могутъ... «Смотрите, чюубу начинается... Параличъ начинается», полусмѣясь говоритъ Владыка... Сестра успокаиваетъ его: это де результатъ постоянныхъ вспрыскиваній неизмѣнно въ лѣвую сторону груди... Владыка повѣрилъ... Да и я повѣрилъ...

Владыка начинаетъ планировать работу ближайшихъ дней... Прежде всего письмо г-жѣ Крестовниковой, граф. Шуваловой... «Спасибо послѣдней... Но до тѣхъ поръ, пока не соберется 25 тысячъ, строить еще нельзя»...

Незамѣтно подошло время уборки комнатъ... Мы перешли въ залъ... Усѣлись... «Посмотрите-ка на обои!.. Чѣмъ не хороши?.. А купилъ ихъ еще о. Анатолій... И служатъ они мнѣ ровно 32 года... Вѣдь еще хороши,—не правда ли»...

Стѣны почти сплошь завѣшаны картинами... Я и говорю: «если бы вы и еще понавѣсили картинъ, то обои выглядѣли бы совсѣмъ хорошо»... Владыка засмѣялся... «Разумѣется... Не первой свѣжести... Но они говорятъ о моемъ постоянствѣ»...

Налѣво у дивана виситъ большой портретъ мальчика... Владыка началъ разсказывать его исторію... Это—сынъ маркиза Сайго, христіанинъ, принявшій крещеніе въ Петербургѣ, гдѣ онъ воспитывался съ сыномъ посланника Струве... Впрочемъ Владыка фамилію Струве долго не могъ вспомнить... Я прошу его продолжить разговоръ безъ фамиліи... Не соглашается... «Нѣтъ, умираю... Видите, и памяти нѣтъ!.. А заставлю себя вспомнить»... И вспомнилъ...

Настроеніе Владыки какъ-то быстро перемѣнилось... Много мы говорили... Владыка наставлялъ меня, послѣ его смерти непремѣнно исполнить слѣдующее: а) катихизаторамъ послѣ ихъ проповѣдей въ Церкви дѣлать сразу же замѣчанія, если таковыя нужны, не откладывая въ долгій ящикъ; б) и катихи-

заторовъ непремѣнно приглашать на проповѣдническія собранія въ семинарію; в) самому начинать проповѣди въ Суругадайскомъ соборѣ..., ибо я доселѣ проповѣдывалъ всюду, только не въ Суругадайскомъ соборѣ...; г) слѣдить, чтобы сторожа не опаздывали со звономъ, иначе—штрафовать ихъ... Это подъ впечатлѣніемъ сегодняшняго опозданія на 15 минутъ...; д) частныя панихиды служить, лишь давъ всѣмъ крестъ... Это по поводу отслуженной сегодня въ присутствіи всѣхъ панихиды по одной учительницѣ Женской Школы... Въ 7-мъ часу простились... Меня Владыка просилъ зайти къ нему еще разъ предъ сномъ... И я зашелъ въ 8 часовъ. Но Владыка уже спалъ, лежа на кровати... Въ виду добраго вида, въ коемъ я оставилъ Владыку, прощаясь съ нимъ, я рѣшилъ впервые во время болѣзни выспаться... Вѣдь каждую ночь полудремалъ, въ ожиданіи сначала телефона изъ больницы, потомъ—звонка изъ комнаты Владыки... И понятно, нервы совершенно истрепались... Въ 9 час. я легъ, и сразу же заснулъ мертвымъ сномъ...

3 (16) февраля.

Но не судилъ мнѣ Богъ выспаться въ эту ночь... Въ самую полночь вдругъ пять пронзительныхъ звонковъ, одинъ за другимъ, заставили меня буквально бѣжать въ квартиру Владыки... Это звала меня сестра милосердія. Оказалось, что Владыка ночью почему-то сползъ съ койки, и теперь лежалъ на полу, ногами къ койкѣ, головой къ окну... У меня даже есть предположеніе, не упалъ ли онъ, хотя сестра и увѣряетъ въ противномъ... Правда, знаковъ ушиба не оказалось... Владыка лежалъ на полу съ открытыми глазами, какъ будто что-то хотѣлъ говорить... Но ни одного звука раздѣльнаго я не услышалъ... Дыханіе тяжелое... Съ большими усиліями мы съ сестрой подняли Владыку на койку... Но онъ опять дѣлалъ ногами довольно рѣзкія движенія, дѣлая, видимо, попытки встать... Я сѣлъ въ ногахъ... Сестра около груди... Она сдѣлала вспрыскиваніе... Послѣ часа ожиданія Владыка постепенно закрылъ глаза и несомнѣнно заснулъ... Улучшился и пульсъ Владыки, весьма испортившійся было вслѣдствіе паденія на полъ...

Въ 6 час. утра у комнаты Владыки полная тишина... Видимо спитъ... Въ 7 ч. сестра встала, но Владыка продолжалъ еще спать... Зашелъ въ 9 час.,—Владыка еще не вставалъ...

Наконецъ сестра извѣстила меня, что Владыка всталъ, сѣлъ на койку, полуодѣлся... Но послѣ минутнаго размышленія опять легъ и спитъ... Совершенно же проснулся и всталъ Владыка лишь въ 11 час. утра,—случай съ нимъ доселѣ небывалый... Самъ вышелъ на корридоръ, гдѣ самъ же умылся... Пока прибирали комнату [спальня-кабинетъ], онъ въ гостиной выпилъ стаканъ чаю.

Прихожу къ нему я въ началѣ 12-го... Уже сидитъ у стола... Надѣты золотые очки... При моемъ входѣ обернулся ко мнѣ: «здравствуйте... Видите, какъ худо!... Едва дышу... Никогда не было такъ мучительно, какъ сегодня»... Видъ Владыки былъ нехорошій.. И мнѣ показалось даже, что онъ владѣетъ языкомъ не столь свободно, какъ обычно... Да и говоритъ низкимъ токомъ...

Предъ Владыкой чековая книжка... На мое имя оставшуюся сумму переписали безъ чека, такъ какъ °/₀°/₀ подсчитали лишь послѣ. Владыка сегодня долженъ былъ написать чекъ на сумму переводимыхъ имъ на меня денегъ, включая и °/₀°/₀... Рука его не слушалась... И съ правой рукой сдѣлалось то же, что вчера было съ лѣвой... Однако, кое какъ и свою подпись, и сумму цифрами Владыка написалъ... Это есть послѣдній его автографъ... Я спросилъ Владыку, не могу ли быть ему чѣмъ полезнымъ, но онъ отвѣтилъ мнѣ: «идите съ Богомъ, и занимайтесь своимъ дѣломъ! А и я въ тишинѣ позаймусь»... Подписанный чекъ Владыка передалъ секретарю, чековую книжку положилъ въ несгораемый сундукъ: открыть его достало и силъ, и памяти... Подали ему обѣдать, но онъ отказался: «теперь не хочется... Немного послѣ»... И секретарю, и сестрѣ онъ жаловался, что ему сегодня тяжело... Въ 1 ч. дня Владыкѣ сдѣлали вспрыскиваніе, и онъ легъ спать... Проснуться долженъ былъ въ 4 часа дня...

Въ 4 часа меня вызываютъ звонкомъ... Думаю: Владыка проснулся... Но ошибаюсь... Владыка продолжаетъ спокойно спать, а сестра свидѣтельствуетъ его пульсъ и говоритъ, что онъ плохъ... Я остался въ комнатѣ Владыки. Скоро пришли священники о. Романъ Циба и о. Василій Усуй... Прибѣжалъ о. Петръ Кано... Владыка продолжалъ спать.. Іереи поражались, какъ тяжело онъ дышалъ. Но для меня-то новаго ничего не было... Да и самъ Владыка всегда шутилъ: «сплю, а въ горлѣ то флейта, то тромбонъ... Всякіе духовые инструменты»!... Сестра время отъ времени наклонялась надъ

Владыкой и громко спрашивала: «Дай-Сюкёо санъ! О-ме замени паримасита ка»? т. е. «Дай-Сюкео, проснулись ли»? Но Владыка не отвѣчалъ... Вотъ уже и часъ прошелъ послѣ срока, а Владыка не просыпается... Сестра увѣряетъ, что еще какихъ-нибудь полчаса,—и Владыка пробудится... Посторонніе поэтому вышли... Остался на нѣкоторое время одинъ я... Постоянно свидѣтельствованіе пульса... Плохъ, но непосредственной опасности нѣтъ... Ждемъ съ минуты на минуту доктора...

Однако, вотъ уже и 6 часовъ... Ударили въ колоколъ... Но и звонъ колокола на Владыку впечатлѣнія повидимому не произвелъ... Затризвонили... Но Владыка продолжаетъ спать попрежнему глубокимъ сномъ...

Пришелъ священникъ о. Усуй. . Боясь, что Владыка проснется и разсердится, увидя посторонняго, усѣлся въ залѣ... Я сѣлъ въ ногахъ Владыки и читалъ Акафистъ Божіей Матери...

Въ 6 час. 30 мин. буквально вбѣжалъ давно ожидаемый докторъ... Но не Блиссъ, и не Тейслеръ, а ассистентъ послѣдняго Хоріуци... Пульсъ очень слабый нашелъ... Вспрыскиваніе... Держа руку Владыки, совѣтуется съ сестрой, какого лекарства сколько прислать... Увѣряетъ, что сегодня опасности нѣтъ...

Однако опасность была ближе, чѣмъ предполагалось... Лицо доктора принимаетъ испуганное выраженіе: «Кикенъ», говоритъ, т. е. «опасность»... И начинаетъ снова вспрыскиванія... А я сталъ въ ногахъ Владыки на колѣни... Позвалъ и о. Василія Усуй... Онъ по-японски, а я по-русски начали читать молитвы на исходъ души... Слышенъ недолгій и несильный стонъ Владыки... Я продолжаю молиться... Смотрю преклонили свои колѣна и язычники докторъ и сестра... Молитва кончена... «Ровно въ 7 час. скончался», заявляетъ докторъ..

V.

Итакъ, 3 февраля въ 7 час. веч., а по-петербургски около 12 час. дня, не стало Высокопреосвященнаго Николая, архіепископа японскаго... Онъ мирно, безъ какихъ-либо предсмертныхъ страданій, но послѣ долгой и тяжелой болѣзни преставился ко Господу на 76-мъ году своей жизни, на 52-мъ году своего служенія Церкви Божіей, на 51-мъ году со времени своего прибытія въ Японію. Горько заплакалъ я,

стоя у постели Владыки, только что покинувшаго меня одинокимъ... Одинъ... Сирота.. Никого-то на службѣ въ Церкви японской, кто хотя отчасти могъ бы понять мое горе!.. Уѣдешь бывало въ путешествіе... Гдѣ твой притягательный центръ, куда летятъ, и откуда получаются письма чуть не ежедневно?.. Въ Суругадаѣ, въ квартирѣ Владыки!.. Возвратишься на отдыхъ въ Тоокёо... Съ кѣмъ безконечные разговоры о церковныхъ японскихъ дѣлахъ?.. Съ кѣмъ побесѣдуешь и о дѣлахъ личныхъ, и о дѣлахъ обще-русскихъ, особенно церковныхъ?.. Съ Владыкой!.. У кого былъ неисчерпаемый источникъ утѣшенія на всякую потребу?.. У него же!.. Словомъ, послѣдніе четыре года на 99°/₀°/₀ моя жизнь переплелась съ личностью Владыки... И вотъ я стою у его ногъ.. «Владыка, Владыка»!—зову я... Но молчитъ онъ... А только сейчасъ вотъ дышалъ, хотя и тяжело дышалъ... Тайна смерти... Тайна великая воли Божіей... Но сердцу отъ этого не было легче и оно плакало...

Въ 7 час. 15 мин. раздался съ колокольни, ударъ за ударомъ, звонъ нашего колокола... Даже не предупрежденные о смыслѣ 12 ударовъ (а они раздались въ Японіи по случаю смерти впервые) обитатели семинаріи и женской школы съ плачемъ прибѣжали въ миссію, гдѣ имъ сообщали печальную вѣсть. . Начались минуты незабвенныя, но душу раздиравшія... И теперь слезы на глазахъ, когда пишу о сихъ минутахъ... Открыта дверь въ гостинную... Открыта дверь изъ кабинета... Входя чрезъ гостинную, лентой тянутся сначала воспитанницы, за ними воспитанники... Нѣтъ человѣка, который не вытиралъ-бы слезъ... А эти рыдающіе, эти горько плачущіе!.. Всѣ покланяются Владыкѣ... Цѣлуютъ еще совершенно теплую его руку... А онъ спокойно спитъ... Да,—именно спитъ,—такое впечатлѣніе на всѣхъ производилъ его, совсѣмъ непохожій на мертваго, видъ...

По положенію, Владыку отерли св. елеемъ, привезеннымъ отъ св. мощей Угодника Божія Іоасафа о. прот. П. И. Булгаковымъ... Облачили Владыку въ полное архіерейское облаченіе изъ золотого глазета. . Затруднились было найти какую-либо изъ его панагій: не знали, кдѣ онъ ихъ хранилъ... Поэтому, я принесъ свою перламутровую, отъ Гроба Господня, съ изображеніемъ на ней Воскресенія Христова... И не случайно Владыка, построившій нѣсколько Воскресенскихъ церквей, и во время болѣзни такъ часто бредившій «воскресе-

ніемъ», лежитъ въ могилѣ съ символомъ воскресенія на персяхъ своихъ...

Къ 10 часамъ успѣли уже прибыть нарочито извѣщенные посольскій о. протоіерей съ семьей, семья Назаровыхъ, семья Осиновыхъ, Мендрины, — т. е. тѣ немногіе русскіе, которые или живутъ въ Тоокёо, или въ этотъ вечеръ изъ Ёкохама прибыли въ Тоокёо... Къ этой же порѣ въ женской школѣ уже приготовили легкій матрацъ изъ бѣлой матеріи, съ ватой, на который и положили тѣло Высокопреосвященнаго Святителя Божія, по перенесіи его въ Крестовую церковь, находящуюся какъ разъ надъ его квартирой, и въ сосѣдствѣ съ моей квартирой.

Начали первую панихиду уже близко къ 11 час. ночи... Необычный часъ... Переполненная до духоты церковь... Необыкновенное возбужденіе осиротѣлыхъ миссійскихъ школъ... Скорбь христіанъ... Понятно, что совершенно растрепались нервы мои, когда я въ полчаса 12-го ночи вошелъ въ свою комнату... Послѣ 4 час. впервые вошелъ... Думалъ ли я, выходя въ 4 часа, что иду къ умирающему?.. Полагалъ ли, что возвращусь лишь около полночи!.. И... круглымъ сиротой!.. Такъ-то неожиданно складывается и вся наша жизнь... Бодрствуемъ же, да не внидемъ въ напасть; да не постигнетъ и насъ внезапу часъ смертный...

По случаю кончины Высокопр. Николая мною сразу же были посланы телеграммы Высокопреосв. Митрополиту Антонію, оберъ-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру, прот. Инженернаго замка въ С.-Петербургѣ Ѳ. Н. Быстрову, товарищу и другу почившаго, и преосв. Василію Можайскому, родственнику почившаго... Телефономъ непосредственно послѣ смерти было извѣщено о печальномъ событіи посольство... А во всѣ провинціальныя церковныя общины посланы извѣстительныя телеграммы... До 3 час. ночи въ мою квартиру входили за распоряженіями относительно похоронъ... И какъ хотѣлось задержать какъ можно дольше сихъ собесѣдниковъ..., хотя и по скорбному вопросу!.. Но вотъ въ 3 часа ночи я остался совершенно одинъ... Но... лучше не вспоминать нѣкоторыхъ минутъ... Такъ онѣ тяжелы бываютъ даже при воспоминаніяхъ!..

Не стонетъ уже Владыка... Не дѣлаетъ ему вспрыскиваній сестра... Лишь тихое чтеніе Слова Христова, на служеніе которому Владыка отдалъ всю свою святую жизнь, нарушаетъ

таинство смерти, столь очевидное у постели еще такъ недавно, всего вчера, оживленно бесѣдовавшаго и составлявшаго планъ на 10-ти-лѣтнюю работу...

На утро всѣ газеты помѣстили замѣтки, посвященныя Высокопреосвященному Архіепископу... Даже газеты, всегда враждебно писавшія о немъ и нашей церкви, на этотъ разъ измѣнили себѣ и печатали панегирики. Многія газеты помѣстили портреты почившаго святителя... А затѣмъ до самаго дня погребенія не прекращались замѣтки относительно паннихидъ, полученныхъ телеграммъ, знаковъ сочувствія, посѣтителей нашей миссіи съ выраженіемъ соболѣзнованія и т. д. Составилась цѣлая литература, которую хотѣлось бы привести и здѣсь. Но лучше на сіе назначить особую статью.

Можно сказать, что 4 февраля вся уже Японія знала о смерти «Никорая». Потекли въ миссію христіане города Токёо, выражали свое сочувствіе инославные христіане: англикане, баптисты, методисты, армія спасенія, евангелики, и прочіе многочисленные протестантскія секты... Но замѣчательно,—ни звукомъ сочувствія не обмолвилась самодовольно въ себѣ замкнувшаяся церковь католическая, хотя и было основаніе отозваться: незадолго передъ тѣмъ умеръ архіепископъ католическій, и отъ нашей церкви было имъ послано сочувствіе. Кто съ поклономъ, а кто съ визитной карточкой спѣшили въ миссію и не принявшіе еще ученія Христова, и не только простые граждане, но и князья, и графы, и виконты, и бароны, министры и неслужилый людъ... Стали спѣшно съѣзжаться въ Токёо оо. іереи; испросили позволеніе прибыть наши полунищіе катихизаторы... И не достало силъ отказать имъ въ этомъ разрѣшеніи, хотя это и вызывало миссійскіе расходы: вѣдь всѣ просились на послѣдніе проводы своего духовнаго отца!..

Но вотъ откликнулась и далекая матушка Россія... Чудную телеграмму прислалъ Святѣйшій Синодъ: «Святѣйшій Синодъ, съ глубокою скорбію извѣстясь о кончинѣ Высокопреосвященнаго Николая, поручаетъ Вашему Преосвященству вступить во временное управленіе дѣлами православной духовной миссіи въ Японіи и предать тѣло почившаго святителя честному погребенію со всякимъ благолѣпіемъ. Молитвами преславльшагося ко Господу Архіепископа Николая да ниспошлетъ Господь милость Свою православнымъ японскимъ

христіанамъ въ ихъ тяжелой утратѣ. Митрополитъ Антоній». Такова телеграмма Святѣйшаго Синода... Уже пославшее телеграмму учрежденіе заставляло къ каждому слову отнестись съ особымъ вниманіемъ. Но тѣмъ съ большею признательностью читали православные христіане сію телеграмму, что въ ней нашли отвѣтъ на вопросъ своего сердца... Слова: «молитвами преставльшагося ко Господу Архіепископа Николая» произвели на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе... Телеграмма эта, полученная въ 12 час. дня 5 февраля, рѣшила вопросъ о лицѣ, имѣющемъ совершать погребеніе, и дала поэтому возможность съ точностью назначить день погребенія.

Апостолъ Алтая со своими сотрудниками не преминулъ отозваться на нашу скорбь телеграммою же: «Алтайская миссія, начальникъ ея, томскій миссіонерскій комитетъ со мной выражаютъ глубокое сочувствіе вамъ съ миссіей. Молятся объ упокоеніи апостола Японіи Архіепископа Николая. Архіепископъ Макарій»... Русско-Японское общество, чрезъ своего предсѣдателя барона Розена, телеграфировало изъ С.-Петербурга на англійскомъ языкѣ: «Русско-Японское Общество выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу печальной кончины почетнаго члена Архіепископа Николая. Баронъ Розенъ, президентъ»... Телеграфировалъ соболѣзнованіе отъ имени Новгородскаго миссіонерскаго комитета, отъ Владивостока почтой, Высокопреосвященный Архіепископъ Новгородскій Арсеній... Но въ Россіи смерть Архіепископа Николая, видимо, глубоко тронула не одни только верхи общества... Вотъ, одна изъ благочестивыхъ старицъ, что протелеграфировала: «Завтра переведу двѣ тысячи телеграммой на погребеніе Высокопреосвященнаго Николая. Расходуйте. Глубоко скорблю. Синельникова». Добрая Анастасія Петровна и не подозрѣвала, что она своимъ великодушнымъ порывомъ подтвердила, подкрѣпила то, что съ такою силою всю свою жизнь проповѣдывалъ святитель Николай, именно «твердую, какъ скала, вѣру, непремѣнно выливающуюся въ дѣла добрыя»... А какъ отрадно было, что умершій на чужбинѣ святитель легъ все-таки на клочкѣ земли, купленной за средства доброй русской души, и похороненъ въ склепѣ и гробѣ, сооруженномъ на тѣ же средства!.. Широко твое сердце, боголюбивая Матушка-Русь православная!..

Разумѣется, сразу отозвались и прочіе русскіе, проживающіе въ Японіи. Не говорю уже о посольствѣ въ Токіо, бы-

вавшемъ на всѣхъ паннихидахъ, принимавшемъ участіе въ похоронной процессіи; не говорю и о консульствѣ въ Ёкохама... Всѣ положительно резиденты Тоокёо и Ёкохама побывали на какой-нибудь паннихидѣ, и всѣ были на похоронахъ... Прислали свои соболѣзнованія русскіе и изъ другихъ городовъ Японіи. Такъ, консульство Нагасаки телеграфировало: «Прошу принять выраженіе глубокой скорби по поводу кончины обожаемаго всѣми Святителя Николая. Всѣ православные потеряли отца и заступника. Молимся за его упокой. Выводцевъ»... Консульство Хакодате такъ телеграфировало: «Отъ имени своего и консульства, при которомъ нашъ незабвенный Архіепископъ Николай полвѣка назадъ началъ свое великое дѣло, спѣшу выразить вамъ, Владыко, чувства глубокой скорби по поводу кончины дорогого Архипастыря. Траутшольдъ». Агентъ Добровольнаго флота въ Цуруга Н. Д. Федоровъ телеграфировалъ: «Я и остальные русскіе Цуруги просимъ принять увѣреніе въ глубокомъ сочувствіи вашей скорби. Прошу сообщить день похоронъ. Федоровъ»... Немногочисленный рядъ телеграммъ былъ заключенъ телеграммой изъ Москвы: «Братство Святителей Московскихъ въ девятый день кончины новопреставленнаго Архіепископа Николая, соединяется съ японскою церковью въ молитвахъ объ упокоеніи души великаго проповѣдника слова Божія. Скорбимъ объ утратѣ, постигшей японскую церковь и все православное христіанство. Прославляемъ Святителя, апостольскою ревностью потрудившагося во благовѣстіи Христовомъ. И молитвенно взываемъ ко Господу, да утвердитъ и расширитъ Онъ церковь Свою святую среди японскаго народа. Анастасій, епископъ Серпуховскій. Предсѣдатель Совѣта Павелъ Мансуровъ»... Сколько утѣшенія, опять, почерпнула и изъ сей телеграммы православная паства, разсѣянная по разнымъ концамъ Японіи!.. И жаль, что вѣроятно страшныя цѣны за телеграммы (по 1 р. 40 к. за слово) не дали намъ большихъ утѣшеній...

Тѣло Высокопреосвященнаго Архіепископа лежало въ Крестовой Церкви... Въ субботу 4-го февраля утромъ и вечеромъ послѣ всенощнаго бдѣнія, въ воскресеніе послѣ Литургіи и вечеромъ, въ понедѣльникъ 6 февраля утромъ и вечеромъ здѣсь были совершены торжественныя паннихиды, всегда въ переполненной церкви. Владыка лежалъ еще не въ гробѣ, ибо гробъ не былъ готовъ. Чудный обычай мнѣ пришлось наблюдать въ эти дни, впервые за время своей службы въ Японіи!..

Извѣстная группа христіанъ, по взаимному соглашенію, приходитъ къ тѣлу почившаго съ вечера, и бодрствуетъ до утра, слушая чтеніе Евангелія. Обычай этотъ есть и въ обычной жизни, при погребеніи знакомыхъ, и называется «чюуя»... Трогательно было видѣть старичковъ и старушекъ, въ полудремотѣ, но около своего Дай-Сюкёо проводящихъ ночь... Умилительны были матери семействъ, приходившія со своими грудными ребятками, и здѣсь же располагавшимися съ одѣялами... Но мнѣ не забыть одной ночи... Она тѣмъ сильнѣе поразила меня, что была почти неожиданна... Конечно, плохо спалось... Немного нападетъ забытье,—очнешься: черезъ стѣну въ церкви читаютъ св. Евангеліе... И съ такою горечью въ который уже разъ почувствуешь, что все это не сонъ, а горькая дѣйствительность... Такъ было и въ эту ночь... Потянуло къ Владыкѣ... Пошелъ... Открываю дверь... И что же?.. Вокругъ тѣла Владыки сидятъ по-японски дѣвочки нашей Женской Миссійской Школы, человѣкъ 40... У всѣхъ въ рукахъ Св. Евангелія и зажженныя свѣчи... Всѣ съ благоговѣніемъ въ послѣдній разъ поучаются отъ безмолвнаго Владыки словесамъ Христовымъ... Я обомлѣлъ отъ неожиданности... Заплакалъ... И возвратился домой... Да,—велика и искренна была любовь Владыки къ своимъ христіанамъ, нѣжна была привязанность его къ школамъ... И поняли это христіане... Почувствовали это своимъ сердцемъ ангельскія души воспитанницъ.. Любовь къ своему Владыкѣ привела ихъ на всю ночь раздѣлить съ нимъ безмолвіе смерти!.. Но говорилъ имъ Владыка чрезъ Христово слово...

Во вторникъ, 7 числа, предъ утренней панихидой, положили тѣло почившаго Святителя во гробъ. Гробъ былъ сдѣланъ изъ японскаго кипариса, изъ негніющаго дерева «хиноки»... Употребленъ самый лучшій матеріалъ... Внутри обложенный ватой, обитъ бѣлымъ шелкомъ. Снаружи отдѣланъ бѣлымъ шелкомъ и гасами. Но доски употреблены слишкомъ толстыя, и гробъ сдѣланъ и длинный, и широкій, и высокій... Поэтому, только одинъ гробъ вѣсилъ около 6 пудовъ... По освященіи гроба и переложеніи въ него тѣла Владыки, съ малымъ крестнымъ ходомъ, при перезвонѣ колоколовъ, гробъ былъ перенесенъ въ Воскресенскій соборъ, гдѣ и поставили его посреди церкви, впереди Архіерейской каѳедры. . Совершили сразу же паннихиду... Вечеромъ въ этотъ же день и днемъ въ среду 8 февраля здѣсь же, у гроба, были совершены паннихиды...

Въ это время любовь и усердіе молодыхъ людей создали прекрасный балдахинъ изъ зелени и цвѣтовъ, который не только находился въ соборѣ до погребенія, но и послѣ него былъ перенесенъ на кладбище и тамъ замѣнилъ первый шатеръ надъ могилой Владыки...

Немало хлопотъ было съ вопросомъ о кладбищѣ... Первоначально христіане предполагали купить большой участокъ на кладбищѣ въ Зоосигая, что-то около 600 кв. саж. На этотъ участокъ было дано согласіе мною въ виду того, что въ будущемъ около могилы Святителя Божія можно бы широко развить и просвѣтительное и благотворительное дѣло... Однако, постепенно на этотъ участокъ цѣну подняли такъ, что пришлось отъ него отказаться... Отвергнувъ прочія возможности, я предложилъ осуществить волю Владыки и похоронить его въ *Янака...* Но здѣсь не нашлось ни одного непроданнаго участка... Пришлось искать участокъ по сосѣдству на городской землѣ... Нашли... Пришлось отъ М. Вн. Дѣлъ просить разрѣшенія городу продать этотъ участокъ намъ... Разрѣшеніе получили... Городъ участокъ продалъ... Но онъ еще не въ чертѣ кладбища... Опять пришлось обращаться къ М. Вн. Дѣлъ за разрѣшеніемъ нашъ участокъ включить въ кладбищенскій... Разрѣшили... Только тогда можно было приступить къ устройству склепа...

Участокъ, купленный нами въ Янака на средства А. П. Синельниковой, небольшой... Но онъ вполнѣ достаточный для того, чтобы на немъ построить церковь формы корабля... Размѣръ его 4½ саж. на 7½ саж. *Имѣя въ виду со временемъ непремѣнно устроить надъ могилой Владыки церковь*, и склепъ я устроилъ такъ, что бы онъ приходился какъ разъ на срединѣ будущей церкви... Отъ поверхности земли до верха склепа 5 футовъ... Снявъ землю на такую глубину, и устроивъ полъ церкви на одномъ уровнѣ съ верхомъ склепа, мы имѣли бы возможность малымъ чѣмъ быть отдѣленными отъ Владыки, и надъ его могилкой возжечь и неугасимую лампаду, и установить неугасимый Псалтирь... Но это только *внизу*, въ церкви Святителя Николая Мирликійскаго Чудотворца... Но мнѣ хотѣлось бы построить еще церковь и *вверху*: вѣдь не покупать въ этомъ направленіи мѣсто!.. И эта церковь, съ массой оконъ, съ открытымъ куполомъ, расписанная картинами изъ жизни Христа Спасителя, была бы тѣмъ мѣстомъ, гдѣ непрестанно, какъ бы изъ гроба почившаго святителя,

возвѣщалось міру спасеніе, дарованное чрезъ Крестъ и Гробъ Христовы, но Воскресеніемъ... И сія церковь должна быть Воскресенскою... Такъ представлялось, и представляется мнѣ дѣло постройки храма на могилѣ Высокопреосвященнаго Архіепископа Николая...

Разумѣется, какъ бы было прекрасно, если бы Владыка могъ быть похороненъ въ созданномъ имъ соборѣ... Но мы живемъ въ странѣ, гдѣ внутри большихъ городовъ не разрѣшается погребать рѣшительно никого, и гдѣ самихъ Императоровъ погребаютъ за городомъ, а по просту часто на открытомъ полѣ... Впрочемъ, не только нами были произведены соотвѣтствующія ходатайства, но просило о семъ и Россійское Императорское Посольство... Но нарушить законы не представилось удобнымъ... А сказать правду,—для Миссіи это было бы пожалуй и опаснымъ...

Склепъ сдѣланъ изъ толстаго гранита, на цементѣ... Въ склепъ поставленъ ящикъ, сдѣланный точно также изъ японскаго кипариса, или «хиноки». Пространство между стѣнками склепа и ящикомъ засыпано углемъ... Для опусканія гроба устроено приспособленіе съ блоками на цѣпяхъ... Всѣ эти работы въ среду 8 февраля были закончены, и погребеніе поэтому могло состояться безъ откладыванія, чего можно было опасаться по позднему началу работъ... Впрочемъ, работали и по ночамъ...

Наканунѣ погребенія, въ среду, 8 февраля, былъ совершенъ Парастасъ, а за нимъ мною для прибывшихъ русскихъ паннихида на славянскомъ языкѣ, а послѣ сего начались паннихиды, кои служились группами іереевъ, по просьбѣ прибывшихъ изъ провинціи христіанъ, и служились всю ночь... Всю ночь у гроба провели (чюуя) на этотъ разъ катихизаторы.

VI.

9 февраля, въ четвергъ, было совершено погребеніе Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго...

Въ 5 час. утра, въ придѣлѣ св. Апостоловъ Петра и Павла, совершена Литургія соборнѣ 5 іереями-японцами, при діаконѣ японцѣ; пѣла группа катихизаторовъ. Въ 7 часъ утра въ Крестовой церкви совершилъ Литургію протоіерей посольской церкви П. И. Булгаковъ, въ сослуженіи двухъ іереевъ-японцевъ (за тѣснотой церкви только 2), при діаконѣ Д. К. Львов-

скомъ, при пѣніи русскихъ воспитанниковъ духовной семинаріи. Въ 7 же час. утра въ соборѣ, въ главномъ придѣлѣ Воскресенія Христова, совершена Литургія мною въ сослуженіи Начальника Корейской Духовной Миссіи Архимандрита Павла и 9 іереевъ-японцевъ, при пѣніи Миссійскихъ школъ... Непосредственно за окончаніемъ архіерейской Литургіи начата была Литургія въ правомъ придѣлѣ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, совершенная также соборнѣ 5 іереями-японцами, при одномъ діаконѣ, пѣли катихизаторы... Такимъ образомъ Литургіи объ упокоеніи души новопреставленнаго Архіепископа Николая совершались на всѣхъ четырехъ Престолахъ, начиная съ 5 час. утра до 10$^1/_2$ час. дня...

По окончаніи архіерейской Литургіи было предложено собравшимся христіанамъ прощаться съ Владыкою... Непрерывною лентою тянулись сначала школы наши, а за ними христіане-японцы, русскіе, иностранцы... Прощаніе продолжалось до начала чина отпѣванія, т. е. до 11 час. утра... Погода хмурилась... Нѣтъ-нѣтъ,—и перепадалъ дождикъ... Но во время отпѣванія поднялся вѣтеръ, силы тайфуна... И хотя онъ весьма препятствовалъ процессіи, но дождя все же не было...

Подъѣзжаютъ къ Миссіи кареты,—это съѣзжаются послы, министры, знатные люди... Верхами на коняхъ пріѣхало нѣсколько генераловъ... Миссійскій дворъ переполненъ народомъ... Не говорю уже о соборѣ... Полнехонько и на прилегающихъ улицахъ... Ровно въ 11 час. начался перезвонъ всѣхъ колоколовъ, непрерывно продолжавшійся 2 часа, во время отпѣванія... Ровно въ 11 час. я вышелъ на отпѣваніе, имѣя въ сослуженіи архимандрита о. Павла, протоіерея П. И. Булгакова и 32 японскихъ іерея, при 5 діаконахъ. . Епископъ англиканской церкви Мак-Кимъ и другіе представители инославныхъ церквей стояли на правомъ клиросѣ и внизу его... Епископъ англійскій Сесиль, къ сожалѣнію, былъ въ отлучкѣ, на островахъ Огасавара-дзима... Католики, конечно, отсутствовали...

Изъ знатныхъ лицъ къ отпѣванію лично пожаловали: посолъ великобританскій (старшина дипломатическаго корпуса), посолъ итальянскій, посолъ американскій, представитель посла французскаго—драгоманъ посольства, съ другими чинами; много чиновъ и офицеровъ англійскаго посольства... За отсутствіемъ Россійскаго посла Н. А. Малевскаго-Малевичъ, находившагося въ отпускѣ въ Россіи, и за болѣзнью повѣреннаго въ дѣлахъ совѣтника посольства А. Н. Броневскаго, Россію представ-

лялъ первый секретарь посольства А. И. Щербацкой... Разумѣется, пожаловали и всѣ прочіе чины посольства, консульства въ Ёкохама, военные агенты, прикомандированные офицеры, русская колонія въ полномъ составѣ.

Изъ знатныхъ японцевъ лично явились къ отпѣванію Мин. Вн. Дѣлъ Хара, Мин. Пут. С. Хаяси, Мин. Нар. Просв. Хасеба, Тов. Мин. Ин. Дѣлъ Исіи (нынѣ посолъ въ Парижѣ), генералы Танака, Хонго, Мурата, Акіяма, нагасакскій губернаторъ Андо и др.

Министръ-премьеръ Саіондзи, Мин. Иност. Дѣлъ Уцида, его тов. баронъ Исіи, Намѣстникъ Кореи графъ Тераучи, баронъ Готоо, маркизъ Сайго возложили вѣнки...

Но еще большее количество знатныхъ японцевъ прислало своихъ представителей съ визитными карточками...

Вѣнокъ отъ Россійскаго Посольства былъ возложенъ первымъ изъ всѣхъ... Были вѣнки и отъ инославныхъ миссіонеровъ...

Предъ самымъ отпѣваніемъ, черезъ своего придворнаго прислалъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ Почетный Президентъ Русско-Японскаго Общества Импер. Принцъ Кан-Инъ...

Но верхомъ почета, какое воздала Японія Владыкѣ Архіепископу Николаю, было то, что Самъ *Императоръ* Японіи, нынѣ уже почившій, *Меидзи-Тенноо* прислалъ на гробъ Владыки великолѣпный и громадный вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. И прислалъ не секретно!.. Въ условленный часъ, черезъ пол-часа по началѣ отпѣванія, прибылъ придворный чиновникъ съ вѣнкомъ... На уготовленномъ мѣстѣ, на коврѣ его встрѣтили А. И. Щербацкой, представитель Россіи, и я, представитель православной японской общины... Принявъ вѣнокъ и отвѣтивъ на слова передачи благодарностью, мы возложили вѣнокъ къ возглавію Святителя... Самъ *Императоръ* Японіи увѣнчалъ побѣдными цвѣтами главу Святителя Божія!.. Внутри вѣнка два іероглифа: «*Он-Си*», т. е. *Высочайшій даръ*... И всѣ японцы сіи два іероглифа видѣли, читали, и благоговѣйно предъ вѣнкомъ склоняли свои головы!..

Начавъ при смертныхъ опасностяхъ, закончилъ свою дѣятельность въ Японіи Владыка Николай при одобреніи съ высоты *Трона*...

Отпѣваніе совершалось по-японски. Но нѣкоторыя эктеніи произносились и аллилуаріи и молитвы читались мною, о. Архим. Павломъ и Прот. П. И. Булгаковымъ по-славянски...

Въ 2 часа чинъ отпѣванія окончился... Послѣднее прощаніе священнослужителей, инославныхъ представителей, нѣкоторыхъ изъ знатныхъ лицъ... И гробовая крышка на вѣки сокрыла отъ насъ нашего дорогого Святителя...

При начавшемся трезвонѣ обнесли гробъ вокругъ собора, установили его на колесницу, и выстроивъ процессію по выработанному церемоніалу [1]), отправились до кладбища Янака... Рветъ неистово хоругви наши вѣтеръ... Пришлось ихъ нести въ опущенномъ положеніи... Идутъ воспитанницы, воспитанники... Всѣ въ однообразныхъ костюмахъ... У всѣхъ въ рукахъ пальмовыя вѣтви,—«символъ вѣры въ побѣду дѣла Владыки въ Японіи»... Многочисленные цвѣты... Сотни вѣнковъ... Св. иконы, кресты... Іереи, діаконы въ священныхъ облаченіяхъ... Многіе катихизаторы въ стихаряхъ... Въ полномъ облаченіи, съ посохомъ въ рукахъ, епископъ... Ордена Владыки... Всѣ

---

[1]) Церемоніалъ погребальной процессіи Высокопреосв. Архіепископа Николая: 1. Фонарь... Катих. Абе. 2. Хоругви... Катих. Ино и Іидзука. 3. Хоръ воспитанницъ и воспитанниковъ, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. 4. Орденъ св. Анны 1-й ст.: свящ. Косіяма. 5. Орденъ св. Владиміра 2-й ст.: свящ. Есида. 6. Орденъ св. Александра Невскаго: свящ. Накадзима. 7. Орденъ св. Александра Невскаго съ бриллiантами: свящ. Касай. 8. Орденъ св. Владиміра 1-й ст.: свящ. Уцида. 9. Хоръ воспитанницъ и воспитанниковъ, съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ (вторая половина). 10. Запрестольный Крестъ: діак. Сасаки. 11. Запрестольная икона: діак. Исида. 12. Напрестольное Евангеліе: священники Морита и Такаи. 13. Напрестольный Крестъ: прот. П. И. Булгаковъ. 14. Хоругви: катих. Моги и Оокава. 15. Вѣнки, несомые представителями христіанъ и катихизаторами. 16. Четыре катихизатора въ стихаряхъ, старѣйшіе. 17. Іереи, не названные выше и ниже, младшіе впереди, въ облаченіяхъ. 18. Епископъ Сергій, въ полномъ облаченіи, съ посохомъ. 19. Протодіаконъ Д. К. Львовскій и посошникъ Епископа. 20. Посохъ почившаго Владыки: катих. Кагета. 21. Лампадчикъ, кат. Усуй. 22. Клобукъ почившаго: свящ. Ямагаки. 23. Малый омофоръ: свящ. Циба. 24. Крестъ почившаго: свящ. Метоки. 25. Панагія почившаго: прот. Сим. Мій. 26. Митра почившаго: свящ. Фукуй. 27. Икона Божіей Матери Смоленской: свящ. Судзуки. 28. Напрестольный Крестъ большой: Архимандритъ о. Павелъ. 29. Вѣнокъ Японскаго Императора. 30. Діаконы Такахаси и Кано съ кадилами. 31. Иподіаконы Узава и Сайтоо съ рипидами. 32. Колесница съ гробомъ почившаго Святителя, везомая 4 лошадьми. 33. По сторонамъ гроба дежурство изъ воспитанниковъ семинаріи, японцевъ и русскихъ. 34. Иподіаконы Исида и Совада съ дикиріемъ и трикиріемъ. 35. Представитель Россіи, секретарь посольства А. И. Щербацкой. 36. Чины посольства, консульства, члены Русской колоніи, представители инославныхъ церквей. 37. Представители церковныхъ общинъ. 38. Христіане, христіанки, и всѣ прочіе, провожавшіе Владыку до могилы.

принадлежности архіерейскаго сана, носившіяся Владыкою... Въ заключеніе колесница съ дорогимъ гробомъ, представитель Россіи въ шитомъ золотомъ придворномъ мундирѣ... И лента, безконечная лента христіанъ!..

Нужно ли говорить, какое подавляющее впечатлѣніе вся эта процессія производила на зрителей!.. А они во все время пути стояли шпалерами на улицахъ. И считать ихъ нужно не тысячами и десятками тысячъ, но непремѣнно сотнями тысячъ!.. Были сцены, трогательныя до слезъ... Вотъ идемъ мимо Женскаго Учительскаго Института... Тысяча дѣвицъ выстроена вдоль дороги... Проходитъ процессія,—благоговѣйное вниманіе... Вѣнокъ Императора... Глубокій поклонъ... Колесница съ гробомъ... До пояса поклонъ... И это не одна только школа!.. Всѣ школы, расположенныя при пути слѣдованія процессіи, и мужскія и женскія, выстраивались длинной шеренгой и провожали процессію не только любопытствомъ, но и глубокимъ почтительнымъ поклономъ...

Вѣнокъ Императора Японіи несли преподаватели семинаріи, а раскошныя ленты его придерживали во все время слѣдованія процессіи младшіе чины нашего посольства въ парадныхъ мундирахъ...

Въ 3$^1/_2$ часа по полудни процессія прибыла на кладбище... Гробъ поставили надъ могилой... Совершили послѣднюю литію, и при пѣніи «Вѣчная память» опустили гробъ въ могилу... Закрыли ящикъ кипарисовой крышкой, привинтили винтами; и опять засыпали углемъ... Затѣмъ начали опускать на блокахъ же громадныя плиты гранита,—крышу склепа... Въ это время религіозная часть процессіи ушла въ сосѣднюю гостиницу, гдѣ и разоблачились всѣ участники процессіи... Къ вечеру могила была сдѣлана уже совершенно, и на бывшемъ пустомъ мѣстѣ насажены камеліи, кипарисы, пальмы, клены и др. растенія,—даръ отдѣльныхъ лицъ и организацій...

Между Литургіей и отпѣваніемъ христіанамъ роздано 1.000 японскихъ обѣдовъ, такъ называемыхъ бентоо. За каждое бентоо заплачено по 20 сенъ... Эти 200 енъ уплочены изъ жертвы А. П. Синельковой...

А для язычниковъ на ту же жертву было заказано 2.000 прекрасныхъ хлѣбовъ, въ особыхъ коробкахъ, съ памятными надписями... Каждый хлѣбъ съ коробкой обошелся въ 10 сенъ... Всѣ язычники, посѣтители собора, въ первыя двѣ недѣли послѣ погребенія Владыки, получали себѣ на память по сему хлѣбу...

А какъ были благодарны и растроганы, можно судить по письмамъ, иногда приходившимъ изъ далекой провинціи!.. И хотя бы по одной фотографіи... Ея происхожденіе такое... Язычникъ, получившій хлѣбъ, такъ былъ растроганъ, что долго не рѣшался съѣсть его... Въ концѣ надумалъ: снялъ съ хлѣба фотографію... Себѣ оставилъ одну, мнѣ съ благодарностью прислалъ другую... И только тогда рѣшился съѣсть подаренный хлѣбъ!..

Да, много здѣсь можно посѣять добра!.. И не знаешь, когда и какимъ путемъ сѣется оно!.. Но несомнѣнно одно, что Владыка Архіепископъ Николай въ своей немощи изъ гроба проповѣдывалъ много сильнѣе, чѣмъ когда либо при своей жизни... И вся процессія среди сотенъ тысячъ язычниковъ была самымъ блестящимъ проповѣдническимъ собраніемъ, какое когда либо приходилось ему устроить...

Къ 5 часамъ вечера я возвратился въ Миссію... Одиночество было бы сегодня ужаснымъ... Но Богъ послалъ намъ изъ Кореи о. Архимандрита Павла, котораго любилъ Владыка и который почиталъ Владыку... Съ родной душей чувствовалось куда легче...

А на улицѣ стоналъ вѣтеръ... Начался дождь, и крупныя капли его били въ стекла...

Такъ совершилось погребеніе Высокопреосвященнаго Николая, Архіепископа Японскаго... «Будетъ ли Архіепископъ Николай *святымъ*»? — спрашиваетъ меня протестантъ проф. Мидзуно... «Я вѣрю, что онъ съ минуты своей смерти уже предстательствуетъ за насъ съ вами предъ престоломъ Вседержителя», — отвѣтилъ я... *Профессоръ — протестантъ заплакалъ... Заплакалъ слезами радости*, ибо я на его думу отвѣтилъ...

Съ глубокою вѣрою, что равноапостольный въ подвигѣ будетъ равноапостольнымъ и въ воздаяніи, отъ сердца смиреннаго воззовемъ: «Святителю Божій, предстательствуй за насъ въ твоихъ молитвахъ святыхъ»!...

Епископъ **Сергій**.

Токіо, 5 (18) сент. 1912.

Ложь на Христа.

По поводу книги О. Д. Дурново: „Такъ говорилъ Христосъ“.

КАКИХЪ только небылицъ не взводилось на Господа нашего въ текущемъ хотя бы столѣтіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вошла въ моду такъ называемая «свобода» *отъ* «совѣсти»?! Всѣ силы ада вырвались изъ преисподней и ринулись на Христа, чтобъ извратить Его святое Евангеліе, исказить Его ученіе, распатать Его Церковь, нисповергнуть христіанство... Достаточно припомнить хотя бы появленіе на русскомъ книжномъ рынкѣ слѣдующихъ, напр., изданій: *Густава Френсена «Рукопись изъ романа Hilligenlei (Жизнь Іисуса)»*, Спб. 1907 г.; *Вильгельма Вейтлинга «Евангеліе бѣднаго грѣшника»* (Спб. 1907 г.); *Ива Гюйо «Соціальныя ученія христіанства»* (Спб. 1907 г.); *проф. Ѳ. Зѣлинскаго «Соперники христіанства»* (*«Изъ жизни идей»*: т. 3-й), Спб. 1907 г.; *Карла Каутскаго «Античный міръ, іудейство и христіанство»* (Спб. 1909 г.); *О. Пфлейдерера «Возникновеніе христіанства»* (Спб 1910 г.),—*«Подготовка христіанства въ греческой философіи»* (Спб. 1908 г.),—*«Отъ іудейства къ христіанству; Образъ Христа древне-христіанской вѣры въ религіозно-историческомъ освѣщеніи»* (Спб. 1910 г.), — *Нотовича «Неизвѣстная жизнь Іисуса Христа (Тибетское сказаніе)»*, Спб. 1910 г. и много друг. О разныхъ, переведенныхъ на русскій языкъ, Бюхнерахъ, Фейербахахъ, Штраусахъ, Ренанахъ, Ницше, Геккеляхъ... уже умалчиваю. Ихъ и понынѣ выкрикиваютъ мальчишки на Невскомъ проспектѣ, отдавая за гривенникъ вмѣсто рубля или двухъ... Нечего сказать—прекрасная пища предлагается русской публикѣ, приготовляющая Гплевичей и подобныхъ имъ

чудовищъ въ человѣческомъ образѣ. А впереди будетъ еще не то...

На дняхъ мнѣ удалось достать еще макулатурное произведеніе въ *томъ же* родѣ,—произведеніе, о которомъ, опираясь на слухи и газеты, я уже отчасти говорилъ, такъ сказать, «заглазно» (см. мою статью въ «*Церковномъ Вѣстникѣ*»: «*Не такъ говорилъ Христосъ*»; 1912 г., № 41, colonn. 1290—1293). А теперь, имѣя его въ рукахъ, поговорю о немъ, о взглядахъ его автора подробнѣе и уже документально.

Одновременно присланы мнѣ три новыхъ изданія: два *Б. И. Гладкова*: а) «*Толкованіе Евангелія*» (4-е изд.; Спб. 1913 г. Чит. *мой* отзывъ о 1-мъ изд. въ «*Русскомъ Паломникѣ*»: 1907 г., № 11) и б) «*Евангельская Исторія*» (Спб. 1913 г.; ср. *мою* замѣтку о «*Благовѣстіи 4-хъ Евангелистовъ*»—изданіи г. Гладкова: «*Русск. Пал.*», 1907 г., № 46) и одно—*О. Д. Дурново*: «*Такъ говорилъ Христосъ*» (Москва, 1912 г.) Насколько хороши и полезны два первыхъ, настолько возмутительно и лживо послѣднее. Видимо, авторъ (лично мнѣ совершенно неизвѣстный) взялся не за свое дѣло, какъ въ Крыловской баснѣ «*Щука и котъ*» щука захотѣла ловить мышей (адмиралъ Чичаговъ захотѣлъ предводительствовать войсками на сушѣ!)... Пирожникомъ, захотѣвшимъ тачать сапоги, или сапожникомъ, пожелавшимъ печь пироги, оказался и авторъ—г. Дурново. Гдѣ ужъ щукѣ ловить мышей? Гдѣ и г. Дурново браться за столь отвѣтственное дѣло, каково—самостоятельное изъясненіе св. Евангелій, ученія Господня? Пусть авторъ ошибался искренно, безъ всякихъ злостныхъ цѣлей, безъ какихъ бы то ни было особыхъ тенденцій... Пусть! Но отъ этого дѣло-то само по себѣ ничего не выигрываетъ.

И такъ, что же это за книга, которую преподноситъ намъ г. Дурново, взимая за 362 страницы разгонистой печати цѣлыхъ три рубля?

Новый,—правда, пока еще не признанный,—экзегетъ-богословъ-филологъ думаетъ о своемъ пониманіи Христова ученія слишкомъ высоко. «Я думаю», горделиво заявляетъ онъ (на стран. 120), «что все то новое, что я даю своимъ пониманіемъ смысла ученія Христа, должно создать эпоху» (скажите, пожалуйста!) «въ жизни христіанскаго ученія». Правда, этому, дѣлающему «эпохи», «богослову» слѣдовало бы сначала поучиться грамотно писать (стран. 9: «*читая* и *изучая* повѣствованія четырехъ Евангелистовъ, для меня... *становилось*...

ясно»!!..), а ужъ потомъ рѣшаться на горделивыя заявленія въ родѣ тѣхъ, что, по его убѣжденію, «истинный смыслъ ученія Христова утерянъ» (стр. 8) и что его отыскалъ только онъ (или она?)—г. Дурново (ibid.). По пути припоминается подобное же горделивое утвержденіе яснополянскаго богохульника, по мнѣнію котораго въ теченіе девятнадцати вѣковъ никто,—видите ли, — не понималъ христіанскаго ученія, — и только онъ—графъ—первый понялъ и затѣмъ повѣдалъ міру, подъ видомъ христіанскихъ, никогда христіанствомъ не проповѣдывавшіяся заповѣди о «непротивленіи злу» и т. под. Что-то много явилось ужъ этихъ «открывателей Америки», этихъ «Колумбовъ»!.. Къ сожалѣнію, они только опоздали, да и вмѣсто «Америки» попали совсѣмъ въ другое мѣсто... Одинъ «Колумбъ» не знаетъ ни грамматики, ни греческаго языка, что будетъ ясно изъ дальнѣйшаго, другой — яснополянскій — въ области изученія этого же языка не ушелъ дальше «первоклассника» и пр.,—но это ихъ не смущаетъ. Охота-де заниматься такими пустяками, когда рѣчь идетъ о столь важныхъ матеріяхъ!

Безконечно увѣренный въ себѣ, въ своихъ силахъ г. Дурново разсуждаетъ: «я старался совершенно самостоятельно вникнуть въ смыслъ того, что написано въ Евангеліяхъ, отбросивъ *всѣ* толкованія и объясненія его» (?)... (стр. 8). Онъ,—видите ли,—боялся иначе «подпасть подъ вліяніе» чье-либо, «въ ущербъ логическому построенію мыслей и выводовъ» (ibid.). Да, при томъ, по словамъ г. Дурново, «всѣ существующія объясненія и толкованія христіанскаго ученія» его «не удовлетворяли» (стр. 9). Ну, еще бы! Мы привыкли особенно полагаться на святоотеческія толкованія, какъ наиболѣе авторитетныя,—мы привыкли вѣрить голосу Священнаго Преданія, голосу вселенскихъ соборовъ и т. д.,—а для г. Дурново все это—неудовлетворительныя данныя, затемняющія, извращающія христіанское ученіе... Захотѣвъ самостоятельно постигнуть смыслъ послѣдняго («пользуясь, какъ пособіемъ, только тѣми книгами Ветхаго Завѣта и древними толкованіями на него»—на *Ветхій* лишь Завѣтъ, «которыя существовали во времена Іисуса»: стр. 8), г. Дурново, по его словамъ, «не разочаровался» и... «постигъ въ ученіи Христа то, что» (?!), «руководясь существующими уже толкованіями, объясненіями и критикой, никогда»-де «не могъ бы почерпнуть въ немъ» (ibid.).

Не мудрено, что, при такомъ исключительномъ самомнѣніи и рѣдкостномъ довѣріи къ своимъ силамъ и способностямъ,

г. Дурново позволяетъ себѣ съ оттѣнкомъ нѣкоторой снисходительности отзываться даже объ «ученіи» Господнемъ и о Самомъ Господѣ, которые-де «должны быть поставлены людьми на *почти* недосягаемую высоту» (стр. 8)... Какъ же было, въ самомъ дѣлѣ, обойтись безъ «*почти*»? Съ «Евангелистами» авторъ, конечно, еще менѣе церемонится, заявляя, что «каждый» изъ нихъ «писалъ свое Евангеліе *совершенно субъективно*» (стр. 10)...,—и позволяя себѣ такія условныя предложенія: «*если*» (!) «вѣрить свидѣтельству Евангелиста, то»... (стр. 12). Значитъ можно и не вѣрить?!

Ясно, что отъ столь претенціознаго ученаго экзегета-библеиста можно ждать рѣдкихъ, дотолѣ невиданныхъ и неслыханныхъ, открытій. Ихъ и находимъ у него въ изобиліи...,—находимъ всюду—какъ въ «*переводѣ*» четырехъ Евангелій (I), такъ и въ обширномъ «*предисловіи*» къ нему (II).

I. Предлагаемый г. Дурново переводъ св. Евангелій—это—не переводъ, а безконечное и произвольное, ничѣмъ не оправдываемое, искаженіе новозавѣтнаго текста, объясняемое крайнимъ невѣжествомъ переводчика и его безпримѣрною тенденціозностью. Исправлять его весь невозможно: на это не хватило-бы ни времени, ни терпѣнія. Самое лучшее было бы зачеркнуть его и—дѣлу конецъ!

Приведемъ нѣсколько примѣровъ..., взятыхъ случайно. Мате. 5, 5: «*блаженны кроткіе; ибо они наслѣдуютъ землю*». У г. Дурново читаемъ: «*сознаніе несовершенства своего сдѣлаетъ васъ кроткими, а таковые восторжествуютъ на землѣ*». Невозможно представить себѣ что-либо болѣе произвольное! Развѣ въ стихѣ говорится о томъ, что дѣлаетъ насъ кроткими? Развѣ, далѣе, здѣсь говорится о томъ, что кроткіе восторжествуютъ на землѣ? Главная мысль стиха—та, что «они получатъ высшія благословенія, высшія блага, особенно въ будущей жизни». А второстепенная, — что имъ достанутся и «блага чувственныя, въ сей жизни» (*еп. Михаилъ* въ его толкованіи на свв. Евангелія). Хотя г. Дурново переводитъ и не буквально, а «по смыслу» лишь, какъ самъ онъ объ этомъ заявляетъ, но передавать особенно первую половину стиха такъ, какъ дѣлаетъ онъ, для этого нужно обладать безконечною развязностью и безцеремонностью, нисколько не считающимися съ переводимымъ текстомъ, безусловно его игнорирующими... Стихъ 8: ««*блаженны чистые сердцемъ: ибо они Бога узрятъ*». Это — единственно правильный пере-

водъ съ греческаго (здѣсь и въ другихъ мѣстахъ приводится **нами** переводъ «синодальный»). У г. Дурново читаемъ: «*и тогда чистота вашей внутренней работы сдѣлаетъ для васъ доступнымъ пониманіе Совершенства, которое и есть Богъ*». Тутъ не только произволъ, но и особая «московская» философія: «Совершенство» какое-то «и есть Богъ»,—не что-либо личное, а просто какое-то отвлеченное «Совершенство». Въ текстѣ: «узрятъ»—ὄψονται. Кажется, ясно. Но г. Дурново хочется говорить о «доступности» для чистыхъ сердцемъ «пониманія Совершенства»... Это — уже дѣло другое. Стихъ 9: «*блаженны миротворцы; ибо они будутъ наречены сынами Божіими*». Миротворцы—εἰρηνοποιοί. Опять ясно. Перетолкованія, казалось бы, невозможны,—но—только не для г. Дурново, у котораго читаемъ такую абракадабру: «*дѣйствуя же по своимъ, наиболѣе совершеннымъ понятіямъ, вы станете совершенствоватьса*» (—ся?) «*сами и тогда, по справедливости, назоветесь сынами Совершенства—сынами Божіими*». О миротворцахъ, какъ видите, ни слова, ни намека. Г. Дурново снова ведетъ канитель о «своихъ понятіяхъ» и о «совершенствованіи», объ отвлеченномъ «Совершенствѣ». Вѣдь, вооружившись такимъ произволомъ, можно отыскать и въ этомъ, и во всякомъ другомъ стихѣ — что кому только захочется, хотя бы того даже и отдаленнымъ намекомъ писатель (въ данномъ случаѣ Евангелистъ Матѳей) не высказывалъ и не думалъ высказывать. По части произвола, по части примѣненія его къ толкованію св. Евангелія г. Дурново, кажется, превзошелъ и заправскихъ сектантовъ и всякихъ еретиковъ. Стихъ 11: «*блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня*»=ἕνεκεν ἐμοῦ. Кажется, снова все ясно, и извратить смыслъ стиха, повидимому, ужъ совсѣмъ трудно, даже прямо-таки невозможно. Но г. Дурново ухитрился сдѣлать и невозможное. «*А посему*», переводитъ онъ («по смыслу»!!), «*блаженны вы, когда вамъ приходится страдать за вашу работу надъ собой по вашимъ понятіямъ*». Комментаріи, какъ говорится, излишни... Стихъ 17: «*не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить*»=πληρῶσαι= sed ut... impleam=«исполнить» и «восполнить» (ср. и толкованіе еп. Михаила). У г. Дурново читаемъ:... «*не нарушать пришелъ Я*» законъ или пророковъ, «*но только хочу выяснить передъ вами тѣ идеи, на которыхъ они основаны*». На ка-

комъ основаніи онъ такъ понимаетъ дѣло, извѣстно только ему одному. Рѣчь идетъ ясно объ исполненіи, осуществленіи закона и пророковъ или о восполненіи того и другихъ, или о томъ и другомъ вмѣстѣ, но никакъ не о выясненіи положенныхъ въ ихъ основу идей. Произволу переводчика «по смыслу», повидимому, не предвидится и конца. Стихъ 24:... «*пойди, прежде примирись съ братомъ твоимъ, и тогда пріиди, и принеси даръ твой*». Московскій филологъ пишетъ:... «*иди, прежде узнай у брата твоего, не сдѣлаешь ли ты этимъ зла ему, и тогда уже поступай по понятію своему*». *Примирись*=διαλλάγηθι, а г. Дурново говоритъ о какомъ-то причиненіи зла ближнему, брату! *Принеси даръ твой*=πρόσφερε τὸ δῶρόν σου. А г. Дурново говоритъ о «поступаніи» «по понятію своему»! Стихъ 32:... «*и кто женится на разведенной, тотъ прелюбодѣйствуетъ*»=μοιχᾶται. Г. Дурново не только переводитъ стихъ, но и дополняетъ его своими соображеніями, почерпаемыми, конечно, изъ собственной головы:... «*женясь на разведенной, вы прелюбодѣйствуете, ибо способствуете существованію разводовъ*». Ужели по *этой* причинѣ здѣсь говоритъ Господь о прелюбодѣйствованіи? Пощадите, г. Дурново! Стихъ 43: «*вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего*». Переводчику не нравится столь ясная рѣчь, не представляющая никакихъ затрудненій и не вызывающая никакихъ недоумѣній, и онъ переводитъ: «*вѣдь вотъ вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего..., и отсюда выводите*» (?!?), «*что надо ненавидѣть врага своего*». Отсюда выводите, что надо!... Да вѣдь за какую угодно премію, кажется, не выдумать болѣе произвольнаго, болѣе противоестественнаго перевода, не оправдываемаго даже и въ ничтожнѣйшей степени переводимымъ текстомъ! Стихъ 45:... «*ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми*» и т. д. Ему-то — «*Отцу небесному*» — мы и должны подражать. А г. Дурно̀во, передавая стихъ по-русски, пишетъ:... «*и помните, что совершенствованіе доступно каждому, и злому, и доброму*»... Откуда онъ взялъ это? 47 стихъ: «*и если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?*» Г. Дурново хочется сдѣлать свое излюбленное добавленіе:... «*вѣдь также*» (такъ же?) «*поступаютъ и язычники, которые даже не знаютъ ничего о необходимости работать надъ собой для совершенствованія себя*». Зачѣмъ нужно было это добавленіе?

А кромѣ того, развѣ были язычники, которые дѣйствительно *ничего* не знали бы о необходимости самоусовершенствованія, какъ бы послѣднее ни понималось? Такихъ язычниковъ не было и нѣтъ. Они существуютъ только въ головѣ переводчика и нигдѣ больше... Гл. 6, стихъ 18: «*чтобы явиться постящимся... предъ Отцемъ твоимъ, который втайнѣ*» и т. д. «Отецъ»—какъ Личность—г. Дурново не нравится, и потому онъ пишетъ въ своемъ знаменитомъ переводѣ:... «*постящимся... передъ той идеей совершенства, которая въ каждомъ человѣкѣ составляетъ его тайну отъ всѣхъ*». Отецъ—втайнѣ,—а у г. Дурново—идея совершенства, составляющая тайну человѣка! И дальше: въ текстѣ стоитъ: «*и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно*», а у г. Дурново читаемъ: «*и тотъ идеалъ совершенства, къ которому ты будешь стремиться, проявится въ тебѣ уже явно для всѣхъ въ твоемъ совершенствованіи*»... Во-истину лѣвая рукая не знаетъ того, что дѣлаетъ и пишетъ правая! Стихъ 26: птицы «*не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ Вашъ небесный питаетъ ихъ*»... Безъ «своей» философіи г. Дурново не обходится и здѣсь: ...«*не собираютъ въ житницы; значитъ, забота о поддержаніи своего существованія не составляетъ главную*» (главной?) «*цѣль*» (цѣли?) «*ихъ жизни*» (но къ чему эта вставка въ текстъ, невозможно сказать), «*но Совершенство даетъ и имъ болѣе высокія цѣли для ихъ работы*» (какое «Совершенство»? И развѣ онѣ способны къ нравственному самосовершенствованію? Откуда взято г. Дурново «*и* имъ»? О какихъ «болѣе высокихъ цѣляхъ» и какой «работы» птицъ можно говорить? Вздоръ на каждомъ шагу!). Глава 7, стихъ 1: «*не судите, да не судимы будете*». У г. Дурново: «*не судите людей, чтобы этимъ не осудить самихъ себя въ своихъ такихъ же поступкахъ*». А если у насъ *такихъ же* поступковъ нѣтъ? Если ихъ и не будетъ?.. Пропустимъ нѣсколько страницъ. Глава 10, ст. 5: ...«*двѣнадцать послалъ Іисусъ..., говоря: на путь къ язычникамъ не ходите, и въ городъ Самарянскій не входите*»... Г. Дурново переводитъ такъ, какъ уже безусловно никому болѣе не придетъ въ голову: «*послалъ..., говоря: вы еще не совсѣмъ постигли ученіе Мое*». Откуда онъ объ этомъ узналъ? И какіе намеки на это есть въ евангельскомъ текстѣ? И дальше: если послѣдній говоритъ въ стихѣ 6-мъ о «*погибшихъ овцахъ дома Израилевва*», то г. Дурново здѣсь разумѣетъ «*не знающихъ требованія работы надъ собой сынахъ израильскихъ*»!!! Да-

лась ему эта работа... Чтобы не утомлять читателей перечисленіемъ возможно бо́льшаго числа «шедевровъ» г. Дурново, сразу же пропускаемъ нѣсколько десятковъ страницъ. Глава 26, ст. 45: ...«*Сынъ человѣческій предается въ руки грѣшниковъ*». Ясно и просто, понятно всѣмъ и каждому. Но г. Дурново философствуетъ: ...«*Я предаюсь въ руки людей, которые осуществятъ на Мнѣ свои желанія и страсти*»... Пропускаемъ ровно сто страницъ. Іоанн. гл. 3, ст. 3: «*Іисусъ сказалъ...: истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія*». Г. Дурново пространно разглагольствуетъ: «*Іисусъ отвѣчалъ...: повѣрь мнѣ, что помощь Божія здѣсь не причемъ*» (?!), «*что тотъ, кто не родится свыше, отъ Совершенства*» (?), «*не можетъ видѣть даже*» (?) «*царства Божія, а не только что быть сопутствуемымъ Богомъ*». При неграмотной и дубовой рѣчи, нѣчто безсмысленное! Глава 7, ст. 29: «*Я знаю Его, потому что Я отъ Него, и Онъ послалъ Меня*». Въ передачѣ г. Дурново стихъ получаетъ такой видъ: «*Я знаю эту идею*» (?!) «*потому, что она создала*» (?) «*Мое духовное Я*» (?). «*и Мною руководитъ*»...

Но довольно! Ясно уже, какъ Божій день, что предъ нами—переводъ особенный,—точнѣе сказать: не переводъ, а совершенно свободная передѣлка евангельскаго текста «по смыслу» собственнаго, личнаго міровоззрѣнія переводчика, подгонявшаго къ своей точкѣ зрѣнія каждый, можно сказать, новозавѣтный стихъ. Пользуясь такими пріемами, переводчикъ можетъ навязать переводимой имъ книгѣ—что угодно, умѣло и искусно вставляя тѣ или иныя слова и выраженія, выпуская незамѣтно то, что ему не нравится, измѣняя извѣстныя мѣста по своему вкусу и т. п. Только другой, разумѣется, вопросъ: что отъ переводимаго автора въ такомъ случаѣ въ концѣ концовъ останется?.. Съ крайне тяжелымъ, съ безконечно грустнымъ чувствомъ приходилось читать извращеніе г. Дурново св. Евангелій..., тѣмъ болѣе, что, по его собственному заявленію (стр. 6), онъ «относится» къ нимъ, «какъ къ святынѣ, которая должна быть сохранена въ неприкосновенной чистотѣ»... «Двадцать лѣтъ упорнаго труда» (стр. 8) «потратить» на то, чтобъ достигнуть такихъ отрицательныхъ результатовъ, какіе даетъ переводъ г. Дурново!.. Переводъ..., дающій «ключъ» не «къ пониманію» св. Евангелія (стр. 6), а къ «непониманію» его, къ искаженіямъ, извращеніямъ...

II. Предлагая въ «предисловіи» «собраніе выводовъ, полученныхъ—какъ результатъ уже сдѣланнаго и вполнѣ оконченнаго изложенія смысла ученія Христа» (стр. 6),—г. Дурново,—какъ можно о томъ судить уже по единственному въ «своемъ» родѣ его переводу «по смыслу»,—въ этомъ случаѣ долженъ былъ высказать массу всякаго характера диковинокъ, неожиданныхъ и странныхъ... Онъ ихъ и высказываетъ въ рѣдкомъ изобиліи. И чего только нѣтъ здѣсь?!

Тутъ находите и такія разсужденія, «что Іисусъ не былъ учителемъ нравственности, что Онъ не преподавалъ людямъ морали»,—что «каждый человѣкъ» владѣетъ «правомъ имѣть свою мораль», пусть она будетъ и «субъективна» (стр. 52, 36),—что это только мы обычно «навязываемъ людямъ свою мораль», между тѣмъ—де «каждый человѣкъ въ своей жизни долженъ поступать такъ, какъ ему повелѣваютъ *его* понятія», т. е., «нравственныя»..., «и требованія къ каждому отдѣльному человѣку должны»—де «предъявляться различныя» (стр. 14),—что, далѣе, «каждому христіанское ученіе предоставляетъ такъ *или* иначе понимать проповѣдуемое, въ зависимости отъ высоты тѣхъ нравственныхъ понятій, которыя данный человѣкъ имѣетъ»,—что, если всякій будетъ «понимать» по своему (на что—де имѣетъ право) «проповѣданное Іисусомъ», то «отъ этого само ученіе» Христово, молъ, «пострадать не можетъ» (стр. 13) и т. д.

Не правда ли, что уже все это звучитъ какъ-то странно, дико... въ ушахъ тѣхъ, кто привыкъ читать въ Евангеліи Христовомъ *только то, что* тамъ написано, и *только такъ, какъ* написано?

А во св. Евангеліи, какъ извѣстно, написано: «*заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга*»... (Іоанн. 13, 34; ср. 15, 12). И самъ г. Дурново переводитъ (Іоанн. 13, 34): «*осуществите пока хотя эту новую заповѣдь, которую Я даю вамъ: любите другъ друга*» и т. д. Не видно ли уже отсюда, что Господь именно былъ Учителемъ нравственности, что Онъ проповѣдывалъ людямъ мораль? Какъ же иначе понимать возвѣщеніе Имъ слушателямъ, а въ ихъ лицѣ и всѣмъ людямъ—новой *заповѣди* о *любви*?.. Ср., кромѣ того, напр., Матѳ. 5, 22..., 28..., 32..., 34..., 37..., 39..., 44 и т. д. 7, 1... и мног. друг.

Нигдѣ Господь не проповѣдывалъ, что всякій изъ насъ имѣетъ право руководствоваться своею личною моралью, своими личными нравственными понятіями, что къ каждому изъ насъ

должны предъявляться и различныя нравственныя требованія... Господь призывалъ *всѣхъ* людей быть «*совершенными, какъ совершенъ Отецъ небесный*» (Мато. 5, 48),—всѣхъ безъ изъятія и безъ ограниченій. А для того, чтобъ приблизиться, по мѣрѣ возможности, къ совершенству небеснаго Отца нашего, мы должны исполнять заповѣди Господни о любви къ Богу «*всѣмъ сердцемъ... и всею душею..., и всѣмъ разумѣніемъ*» нашимъ и о любви къ «*ближнему*» нашему, «*какъ*» къ «*самому себѣ*» (Мато. 22, 36—40). Опять должны *всѣ* безъ исключенія. Кто изъ насъ будетъ *поступать* согласно со смысломъ этихъ двухъ заповѣдей, тотъ *и будетъ жить* (Лук. 10, 26—28),—тотъ и только онъ именно. Требованія ко всѣмъ людямъ въ христіанствѣ одинаковы; мораль для всѣхъ здѣсь одна и та же, указываемая словами Господними, а не личнымъ нашимъ произволомъ и усмотрѣніемъ. Не говоримъ уже о томъ, что, еслибъ мы стали руководствоваться—каждый—своею личною моралью, отвѣчающею нашимъ личнымъ нравственнымъ понятіямъ, то получилась бы невѣроятная путаница и безконечная нелѣпость, нѣчто сверхъ-произвольное и предиковинное. Одному его понятія разрѣшали-бы воровать, другому—прелюбодѣйствовать и т. д. Одному его личная мораль разрѣшала бы себялюбіе и грубые своекорыстные поступки, другому—даже прямое насиліе надъ ближнимъ... О какихъ *неодинаковыхъ* «требованіяхъ нравственныхъ» могла бы быть рѣчь въ христіанствѣ, когда Господь категорически и рѣшительно говоритъ: «*кто хочетъ*» (т. е., рѣшительно всякій, кто захотѣлъ бы) «*идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой, и слѣдуй за Мною*» (Марк. 8, 34)? Совсѣмъ иное: *способъ* осуществленія *одинаковой* для всѣхъ христіанъ морали, *одинаковыхъ* для всѣхъ объективныхъ нравственныхъ принциповъ,—выполненія опять *одинаковыхъ* для всѣхъ послѣдователей Христовыхъ нравственныхъ требованій... Здѣсь выступаютъ на сцену уже такъ называемыя индивидуальныя способности, склонности.. каждаго человѣка, опредѣляющія въ той или иной мѣрѣ этотъ «способъ»... А существа дѣла ни эти способности..., ни другое что, имъ подобное, не измѣняютъ нисколько...

Христіанское ученіе, далѣе, вовсе не предоставляетъ всякому понимать проповѣдуемое, *какъ* кто захотѣлъ-бы понимать, *такъ или иначе*. Ни однимъ намекомъ Господь не далъ Своимъ послѣдователямъ подобнаго разрѣшенія. Да и ни одинъ, даже самый обыкновенный, моралистъ не могъ бы предоста-

вить права такъ относиться къ проповѣдуемому имъ ученію, если только онъ, хотя бы въ малой степени, серьезно смотритъ на свое дѣло нравоучителя. Допустимъ: онъ проповѣдывалъ бы: *«не убей»*,—а слушатели могли бы, «въ зависимости отъ высоты» своихъ «нравственныхъ требованій», «понимать» заповѣдь эту *«такъ или иначе»*. Готтентотъ, конечно, понялъ бы въ томъ смыслѣ, что худо было бы только тогда его поведеніе, когда его пытались бы убить, когда убивали бы его близкихъ, друзей,—а еслибъ онъ самъ убивалъ враговъ и пр., то это было бы, въ виду его «понятій», напротивъ, хорошо... Турокъ—башибузукъ понялъ бы въ томъ смыслѣ, что заповѣдь запрещаетъ убивать его самого, а не ему другихъ: его нравственныя понятія выше такого разумѣнія не стоятъ. Какой-либо профессоръ-вивисекторъ понялъ бы заповѣдь въ томъ смыслѣ, что нельзя убивать людей, а животныхъ можно-де мучить, во славу науки (?!), во имя пользы (?) человѣчества (по іезуитскому принципу о цѣли, оправдывающей средства),—сколько угодно. А что животныя при этомъ будутъ испытывать невѣроятныя мученія и неописуемыя страданія, до этого культурному вивисектору-геккелисту никакого дѣла нѣтъ: вѣдь животныя—не люди, пусть-де и помучатся ради блага человѣческаго. Какіе-нибудь анархисты..., даже какая-нибудь современная зеленая молодежь, въ родѣ «курсистокъ», «студентиковъ»...,—согласно со своими нравственными принципами (высокими?),—будутъ ликовать, если разстрѣливаютъ террористы неугодныхъ имъ лицъ, если бросаютъ бомбы въ неугоднаго имъ дѣятеля, по пути калѣча и убивая массу и другихъ, случайно подвернувшихся, людей,—но они же будутъ возмущаться, будутъ объявлять даже страшныя (!!) забастовки (дающія имъ патенты на невѣжество, тупоуміе и идіотство), если вздумаютъ покарать убійцъ, бомбистовъ, террористовъ, какого либо изверга — Ферреро..., Шмидта и подобныхъ имъ негодяевъ... смертію и пр. При такой «высотѣ» нравственныхъ требованій, можно договориться до чего угодно... До бòльшаго абсурда, г. Дурново, додуматься уже трудно, уже положительно невозможно. Не всѣ, конечно, могутъ съ одинаковой глубиной понимать одну и ту же заповѣдь: одинъ болѣе развитъ нравственно, а другой менѣе,—одинъ, посему, пойметъ глубже, другой—поверхностнѣе... Это—вѣрно. Но съ такимъ положеніемъ вещей можно только мириться, какъ съ неизбѣжнымъ, а восхвалять его, одобрять, разумѣется, нельзя,—нельзя воз-

водить его въ принципъ... Что «само ученіе» Христово «пострадать не можетъ» отъ того, что всякій будетъ «понимать» его по-своему, это, конечно, вѣрно,—какъ вѣрно и то, напр., что Богъ останется Богомъ со всѣми Его всесвятыми свойствами, будутъ ли Его люди признавать, или отвергать, будутъ ли понимать Его правильно или искаженно,—но ради этого только давать разрѣшеніе всякому представлять дѣло, какъ ему вздумается, было бы неразумно, глупо... въ высшей степени. Если нѣкоторые думаютъ, что земля не шаръ, а плоскость, поддерживаемая тремя китами, то что жө? И мириться съ этимъ? И считать этихъ лицъ образованными, просвѣщенными? Что же? Считать, параллельно этому, «христіанами», людьми «нравственными» готтентотовъ съ ихъ моралью («хорошо, когда я краду», а порочно, не-нравственно, «когда у меня крадутъ»...), соціалистовъ—революціонеровъ—террористовъ, нынѣшнюю зеленую молодежь, паломничающую къ Толстому на могилу,—молодежь, настолько «высокую» по своимъ нравственнымъ понятіямъ, что она не въ состояніи отличать бѣлаго отъ чернаго, лжи отъ правды, Толстого—циника и богохульника отъ истинныхъ христіанъ? Христіанство само по себѣ нисколько не пострадаетъ,—отвергаютъ его, или извращаютъ подобные жалкіе господа,—но что же? Такое положеніе вещей и признавать? Мириться съ нимъ, какъ съ нормальнымъ?.. Душно съ Вами, г. Дурново!

Что еще находите у этого экзегета? Да столько рѣдкостей, что ихъ было бы совершенно невозможно и перечислить. Онѣ сыплются, какъ изъ рога изобилія..., неудержимо, непрерывно.

Г. Дурново высказываетъ, въ частности, странныя, съ христіанской точки зрѣнія, сужденія: о Богѣ, Ангелахъ, діаволѣ,—о божественной помощи людямъ,—о раѣ и адѣ, объ адскихъ мученіяхъ; преоригинально толкуетъ Господне ученіе (нагорную бесѣду, притчи, совѣтъ богатому юношѣ...), особенно Христову заповѣдь о любви и т. д.

Богъ—Совершенство отвлеченное... Три Лица Божіи—это-де просто «три аттрибута» Бога (стр. 106). «Первое Лицо или Ипостась Бога есть *Вѣчность совершеннаго бытія*»,—«второе—есть *Бытіе вѣчнаго* совершенства», а «третье есть *Совершенство вѣчнаго бытія* (стр. 106. 107). «Совокупность же всѣхъ трехъ Лицъ—Богъ рисуется *абсолютнымъ Совершенствомъ*» (стр. 107). Вотъ какъ г. Дурново представляетъ себѣ дѣло и находитъ, что отнынѣ—конецъ всякимъ недора-

зумѣніямъ «Изъ сочетанія отдѣльныхъ выраженій Іисуса о Богѣ»,—говоритъ онъ,—именно—какъ объ «Отцѣ, Сынѣ и Духѣ создались»-де, «можетъ быть, очень красивыя мелодіи, но вѣдь необходимо же» (?!) «признать, что даже для ихъ авторовъ смыслъ ихъ непонятенъ» (?!) (стр. 109). Чего не можетъ или просто не желаетъ понимать самъ г. Дурново, то, по его мнѣнію, непостижимо уже рѣшительно для всѣхъ... Намъ въ настоящемъ случаѣ, конечно, нѣтъ ни малѣйшей надобности доказывать всю ошибочность точки зрѣнія этого экзегета-библеиста, такъ какъ все это уже давно и не разъ дѣлалось (въ виду однородныхъ съ его точкою точекъ зрѣнія, а главнымъ образомъ—въ цѣляхъ просто положительнаго раскрытія новозавѣтнаго ученія о Богѣ единомъ по существу и Троичномъ въ Лицахъ). Въ новѣйшее время съ исчерпывающею вопросъ обстоятельностію это сдѣлано, напр., *Прот. Н. П. Малиновскимъ* въ его огромномъ трудѣ «*Православное Догматическое Богословіе*» (см. 1 т., изд. 2, Серг. Посадъ—1910 г.), гдѣ, при перечисленіи различныхъ лжеученій въ данномъ случаѣ, г. Дурново найдетъ и родственныхъ себѣ мыслителей и гдѣ подлинное новозавѣтное ученіе раскрыто и полно, и объективно, безъ тенденціозностей и фокусовъ...

Но, если Новый Завѣтъ о Тріединомъ Богѣ учитъ совсѣмъ не въ духѣ г. Дурново, то не въ духѣ же послѣдняго учитъ онъ и объ Ангелахъ и діаволѣ.

По мнѣнію г. Дурново, «подъ ангелами... въ Евангеліи надо понимать тѣ совершенныя свойства Совершеннаго Бога, которыхъ у Него, въ силу Его безконечности, безконечно много»... (стр. 110). «Ангелы небесные», говоритъ г. Дурново, по ученію Іисуса—это—«отдѣльныя свойства Бога, совокупность которыхъ и есть третье Лицо Бога или Совершенство Вѣчнаго бытія» (стр. 112). Это—съ одной стороны. Съ другой, по представленію г. Дурново, христіанское ученіе о діаволѣ, какъ «одномъ изъ ангеловъ, возгордившемся и возставшемъ противъ Бога и за это низвергнутомъ въ преисподнюю»,—есть,—думаете что?,—«продуктъ... фантазіи, сказка» (стр. 114). Ясно, далѣе, что, по г. Дурново, «безпочвенно» и ученіе объ участіи діавола въ прародительскомъ «грѣхопаденіи» (стр. 114). «Сатана-діаволъ», по мнѣнію этого автора, это—«ограниченіе міра»— и только... (стр. 117).

Всякій, однако, кто непосредственно знакомъ съ Библіей, скажетъ, что правда не на сторонѣ г. Дурново,—что, въ част-

ности, Господь не говорилъ ничего подобнаго и Своимъ ученіемъ не далъ ему ни малѣйшихъ поводовъ къ такого рода удивительнымъ утвержденіямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ стать на точку зрѣнія г. Дурново, тогда намъ не понять было бы евангельскихъ мѣстъ: Мѳ. 4, 11 («*Ангелы приступили и служили Ему*»), 2, 13 («*Ангелъ Господенъ является... и говоритъ: встань... и бѣги въ Египетъ, и будь тамъ, доколѣ не скажу тебѣ*»...), 28, 2 («*Ангелъ Господенъ, сошедшій съ небесъ..., отвалилъ камень отъ двери гроба и сидѣлъ на немъ*»), 3—7 («*Видъ его былъ, какъ молнія... Устрашившись его, стерегущіе пришли въ трепетъ... Ангелъ же... сказалъ: не бойтесь...*), Іоанн. 20, 12—13 (*И видитъ*» Марія «*двухъ Ангеловъ,... сидящихъ... И они говорятъ: жена!..*») *и весьма многихъ другихъ* (они подробно перечислены въ цитованномъ трудѣ *о. Н. П. Малиновскаго*: ч. 2-я, первая половина; Ставроп.—Губернскій, 1903 г.). Интересно было бы знать, какъ «свойства Божіи» говорили съ людьми, какъ ихъ—«свойства»—люди видѣли?!..

Если діаволъ есть лишь «ограниченіе міра», то какъ же онъ бесѣдовалъ съ Господомъ, какъ же «бралъ» «Его» и «поставилъ Его на крышѣ храма», какъ же принесъ «Его на весьма высокую гору»? и т. д. См. 4 Матѳ. При точкѣ зрѣнія г. Дурново, не понять было бы многихъ мѣстъ Новаго Завѣта: напр., Матѳ. 25, 41 («*идите... въ огонь..., уготованный діаволу и ангеламъ его*»), Іоанн. 8, 44 («*Вашъ отецъ діаволъ... Онъ былъ человѣкоубійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ... Когда говоритъ онъ ложь...*») и *весьма многихъ другихъ* (они приведены у *о. Н. П. Малиновскаго*: ibidem). Какой огонь могъ бы быть приготовленъ «ограниченію міра»? Какой «человѣкоубійца», какой «отецъ лжи» и пр.—«ограниченіе міра»? Развѣ не ясно Господь указываетъ на участіе діавола въ грѣхопаденіи нашихъ прародителей словами «*отъ начала*»? Развѣ не ясно указываетъ Онъ же и на паденіе ангела, ставшаго потомъ діаволомъ, когда говоритъ, что послѣдній «*не устоялъ въ истинѣ*» (Іоан. 8, 44)?

Г. Дурново до такой степени здѣсь, какъ и въ весьма и весьма многихъ другихъ случаяхъ, искажаетъ яснѣйшій текстъ слова Божія въ угоду своимъ тенденціямъ, что превзойти его было бы кому-либо во-истину невозможно. Но его выдумки и извращенія до такой степени въ то же время очевидны, что, право, не нуждались бы и въ изобличеніи... Но, тѣмъ

не менѣе, отмѣтить хотя существенное считаемъ все же необходимымъ для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, читателей...

Далѣе, если Богъ, по г. Дурново, какое-то непонятное и абстрактное Совершенство,—если Лицами въ Богѣ являются лишь Его свойства..., то уже отсюда ясно, что о какой-либо божественной благодатной помощи, о которой учитъ христіанство, какъ о посылаемой свыше христіанамъ, поддерживающей ихъ, помогающей имъ, руководящей ими..., говорить было бы болѣе, чѣмъ странно. Г. Дурново и заявляетъ категорически, «что никакой помощи свыше человѣкъ не можетъ и не долженъ ждать въ теченіе своей жизни» (стр. 53). Для него, слѣдовательно, никакого особаго значенія не имѣютъ слова Господни: «*и Я умолю Отца, и дастъ вамъ другого Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ*» (Іоан. 14, 16). «*Утѣшитель.., Духъ Святый, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научитъ васъ всему, и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ*» (—26) (ср. Дѣян. 2, 1—4) (чит. подробности въ цитов. трудѣ *о. Н. П. Малин—го*: 3-й т., Серг. Посадъ, 1909 г.). Г. Дурново передѣлываетъ ясную рѣчь Господа по-своему, какъ онъ дѣлаетъ это обычно и въ другихъ случаяхъ, не стѣсняясь и не смущаясь нисколько. Слова: «*Утѣшитель же, Духъ Святый*» (—26 ст. цитов. гл. Іоан.)—ὁ δὲ παράκλητος, τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον... г. Дурново переводитъ: «но то внутреннее духовное удовлетвореніе» и т. д. (продолжать выдержки изъ его нелѣпаго и произвольнѣйшаго перевода не только безполезно, но и... противно)...

Христіанство, затѣмъ, проповѣдуетъ, что праведники «*наслѣдуютъ царство, уготованное отъ созданія міра*» (Матѳ. 25, 34), а грѣшники будутъ ввержены «*въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его*» (—41),—что послѣдніе, т. е., грѣшники, «*пойдутъ въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную*» (—46),—одни—въ рай, другіе—въ адъ (подробности см. въ цит. соч. *о. Н. П. Малин—го*: т. 4-й, Серг. Пос. 1909 г.). Праведники «относятся» «Ангелами на лоно Авраамово», а грѣшники пребываютъ «въ адѣ, въ мукахъ»... (Лук. 16, 22. 23. 24. 28)... По мнѣнію же г. Дурново, «матеріальное изображеніе рая и ада... есть не болѣе, какъ способъ, принятый» (?!) «Іисусомъ для выраженія Своего ученія» (стр. 52). Затѣмъ «подъ *геенной огненной* Іисусъ», — по утвержденію г. Дурново,—«не могъ понимать вѣчнаго мученія» (стр. 42). «Существованіе вѣчныхъ мученій» непримиримо-де «съ бла-

гостью и милосердіемъ проповѣдуемаго Іисусомъ Бога», «съ сердечностью и добротой Самого Іисуса»... «Идея»-де «вѣчныхъ мученій... есть» лишь «наслѣдіе Іудейской религіи съ ея грознымъ, гнѣвнымъ и карающимъ Богомъ» (стр. 43)... Но вся философія этого экзегета разбивается безпощадно яснымъ евангельскимъ текстомъ. Мало ли что ему казалось бы,—по его личнымъ соображеніямъ,—лучшимъ или страннымъ, непонятнымъ!.. Этого одного слишкомъ мало, чтобы отвергнуть ясное-преясное ученіе слова Божія и получить право перетолковывать его приспособительно къ чьимъ-либо взглядамъ, къ чьему-либо личному настроенію... Вотъ почему и христіанская Церковь твердо стоитъ на своемъ ученіи и всегда, конечно, будетъ стоять неизмѣнно и непоколебимо. А всѣ опасенія и личныя возраженія и недоумѣнія г. Дурново давно уже были извѣстны и столь же давно уже надлежащимъ образомъ освѣщены и разъяснены, о чемъ онъ можетъ читать подробную рѣчь въ цитованномъ 4-мъ томѣ у о. Малин—го. А намъ повторять *здѣсь* все это, давно уже извѣстное-переизвѣстное всѣмъ, кромѣ г. Дурново и К°, разумѣется, нѣтъ надобности, нѣтъ ни малѣйшей даже нужды...

Толкуя Христово ученіе, г. Дурново исходитъ изъ совершенно ложной точки зрѣнія: изъ той, «что для того, чтобы получить жизнь вѣчную, необходимо слушаться *только* Моисея и пророковъ» (стр. 53). Эту ложную мысль онъ настойчиво и энергично повторяетъ не разъ (ibid.; стр. 54, 55). Господь «смотрѣлъ»-де «на Свое ученіе... отнюдь не какъ на отмѣну или хотя бы даже частичное измѣненіе» «закона Моисея и пророковъ» (стр. 54)... Итакъ, по г. Дурново, «Моисей» въ христіанствѣ остался неприкосновеннымъ. Отсюда, чтобъ остаться вѣрнымъ такому своему взгляду, правда, далеко не новому, онъ пускается на хитрость и на всякаго рода изворотливость, напр., въ толкованіи Нагорной Бесѣды Спасителя (стран. 55—60 и друг.). Его выводъ: Господь возставалъ не противъ Моисея, а противъ «извращенія его въ ученіи фарисеевъ и книжниковъ» (стр. 61 и др.). Онъ даже со спокойною душою не прочь обвинить Самого Господа въ «произвольныхъ» (!!!) «добавленіяхъ» къ Моисею (стр. 55). Хорошо, однако, уваженіе къ Спасителю нашему!

Этотъ вопросъ объ отношеніи Господа къ Моисею, однако, давно уже обстоятельно рѣшенъ, что, очевидно, г. Дурново неизвѣстно,—и онъ повторяетъ вздоръ, безповоротно осужден-

ный. Разумѣю превосходный трудъ *проф. А. Ѳ. Гусева «Отношеніе Евангельскаго нравоученія къ Закону Моисееву и къ ученію книжниковъ и фарисеевъ по Нагорной проповѣди Іисуса Христа»* (Харьковъ, 1895 г.). Чит. и дополненіе къ нему *того же автора: «Вынужденный откликъ на брошюру А. Смирнова... По вопросу объ отношеніи нравоученія Нагорной проповѣди къ закону Моисееву и къ ученію книжниковъ и фарисеевъ»* (Казань, 1895). Выводъ почтеннаго — увы! — покойнаго уже нынѣ профессора, подкрѣпленный массою непререкаемыхъ данныхъ, таковъ: «не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что І. Христосъ... *противополагаетъ*» Свое ученіе «*прежде всего* и *главнымъ образомъ постановленіямъ Моисеева закона*» и не повторяетъ Моисея, а «преподалъ человѣчеству по истинѣ новое... ученіе»... (стр. перваго соч. 165 и мног. др.: 149, 127, 100, особ. 94, 88, 69...). Чтобы не повторять того, что уже сдѣлано, отсылаемъ г. Дурново къ сочиненіямъ названнаго казанскаго профессора.

Но, если совершенно ложенъ взглядъ г. Дурново на отношеніе Іисуса Христа къ Моисею, то не менѣе неправильно и его утвержденіе, что Господь будто бы «всегда говорилъ *только* притчами, что *всѣ* Его проповѣди, находящія себѣ мѣсто въ евангельскомъ изложеніи, какъ подлинныя Его слова, суть дѣйствительно иносказанія» (стр. 12), что «*все* ученіе Іисуса выражено въ иносказательной формѣ» (стр. 13)... (стр. 41...). Подобное утвержденіе г. Дурново ни на чемъ не основано и есть плодъ явнаго непониманія слова Божія.

Согласно «показанію евангелистовъ Матѳея и Марка, не все сказано было притчами, а многое». Это и понятно. Въ самомъ дѣлѣ, «если бы, замѣчаетъ *блаж. Іеронимъ*, Христосъ все говорилъ въ притчахъ, то народъ разошелся бы, не получивъ для себя пользы. Ясное Христосъ смѣшиваетъ съ неяснымъ, чтобы на основаніи того, что народъ понималъ, обратить его вниманіе на то, чего онъ не понималъ» (*«Толковая Библія»* при журн. *«Странникъ»*; т. 8: *«Евангеліе отъ Матѳея»*; Спб. 1911 г., стран. 245). Если евангелистъ Маркъ говоритъ: «*безъ притчи же не говорилъ имъ*»... (4, 34), то это значитъ, «что *въ то время* или обыкновенно Іисусъ Христосъ не говорилъ ничего безъ притчи, но не всегда» (стр. 251). Такое пониманіе подкрѣпляется авторитетнѣйшимъ толкованіемъ *св. І. Златоуста*, который, въ бесѣдѣ 47-й на Евангеліе Матѳея комментируя 13, 34, 35, говоритъ между прочимъ:

«хотя Христосъ *о многомъ* говорилъ *безъ притчи*, но *въ настоящемъ случаѣ* безъ притчи Онъ ничего не говорилъ» (*«Творенія св. отца нашего Іоанна Златоуста»...* въ перев. Спб. Дух. Академіи; т. 7-й; Спб. 1901 г., стран. 488). Подобнымъ же образомъ толкуютъ и другіе, напр., *Евѳ. Зигабенъ* (:«именно въ это время», т. е., «безъ притчи не говорилъ имъ»), *блаж. Ѳеофилактъ* (:«въ настоящемъ случаѣ»...) и др. (см. у еп. Михаила въ толков. на Ев. Матѳ.: 13, 34—35). *Еп. Михаилъ* (толков. на Ев. Марк. 4, 33—34) толкуетъ: «безъ притчи не говорилъ имъ: въ это время и о семъ предметѣ», а не всегда, слѣдовательно, и не обо всемъ... Подобному пониманію дѣла нимало не противорѣчатъ и всѣ прочія мѣста св. Евангелій (Іоан. 16, 25...).

Если отождествленіемъ ученія Іисуса Христа съ закономъ Моисея г. Дурново неизмѣримо принижалъ значеніе дѣла Спасителя, то пониманіемъ *всего* ученія этого въ «иносказательномъ» смыслѣ онъ открывалъ себѣ возможность толковать его, *какъ* ему вздумалось бы. Мы уже знаемъ, куда въ свое время завелъ «аллегорическій» методъ александрійцевъ и пр. И конца разнузданному произволу не было. Загляните хотя бы въ «*De opificio mundi*» Филона александрійскаго, чтобы убѣдиться, до какихъ нелѣпостей, единственныхъ въ своемъ родѣ, можно дойти, разъ ставъ на скользкій путь однихъ только иносказаній и иносказаній...

И дѣйствительно, разъ лазейка открыта, для г. Дурново на лицо полный просторъ, — никакихъ стѣсненій и преградъ болѣе нѣтъ и не можетъ быть.

Примѣры... Матѳ. 19, 16—26 (Марк. 10, 17—27. Лук. 18, 18—27). Богатому юношѣ, спрашивавшему Господа: «*что сдѣлать добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную*», — Спаситель, между прочимъ, далъ совѣтъ: «*пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ...; и приходи и слѣдуй за Мною*»... «*Юноша отошелъ съ печалію; потому что у него было большое имѣніе*»... «*Іисусъ же*» послѣ этого «*сказалъ ученикамъ Своимъ:... трудно богатому войти въ царство небесное*»... «*Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царство Божіе*»...

Всякому, кто еще не потерялъ способности понимать читаемое, должно быть ясно и, дѣйствительно, ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о богатствѣ матеріальномъ. Всякому..., но не г. Дурново, который утверждаетъ, что здѣсь рѣчь—о «богатствѣ ду-

ховномъ — добродѣтеляхъ». Вы удивлены? Но это — фактъ (стран. 41. 40). «Удовлетвореніе ими»—добродѣтелями,—говоритъ г. Дурново, — «дѣлаетъ человѣка, по ученію Іисуса, мертвымъ духовно, т. е., неспособнымъ произвести работу надъ собою, а значитъ, и войти въ царство Божіе и царство небесное». Между тѣмъ «обладаніе матеріальнымъ богатствомъ не только»-де «не мѣшаетъ осуществленію требованія Іисуса производить внутреннюю работу, но, наоборотъ, даетъ человѣку возможность лишній разъ сдѣлать надъ собой усиліе, подѣлившись своимъ богатствомъ съ неимущимъ, чего лишенъ тотъ, который не имѣетъ матеріальнаго богатства»...

Невозможно еще гдѣ-либо встрѣтить не только бо̀льшаго, но хотя бы приблизительно подобнаго произвола въ дѣлѣ истолкованія какого бы то ни было текста. Матеріальное «имѣніе» мановеніемъ пера г. Дурново превращается въ духовное—въ «добродѣтели», а «добродѣтели» не тольно не рекомендуются, но считаются ни больше, ни меньше, какъ препятствіями къ достиженію «царства Божія и» (??) «царства небеснаго»... Умъ отказывается понимать авторскую сумбурную точку зрѣнія. «Продай имѣніе... и раздай нищимъ», т. е., откажись, что ли, отъ добродѣтелей и раздай ихъ тѣмъ, кто не имѣетъ? Что за несуразность? «Юноша отошелъ съ печалію, потому что у него было большое имѣніе», т. е., потому, что у юноши было много добродѣтелей, онъ и отошелъ съ печалью? Да что же это такое? Да и могъ ли Господь совѣтовать человѣку отказаться отъ добродѣтелей? И гдѣ здѣсь идетъ рѣчь о горделивомъ «удовлетвореніи» добродѣтелями? «Трудно богатому», т. е., добродѣтельному, «войти въ царство небесное»? Легко послѣ этого, что ли, порочному? А на обладателей матеріальнымъ богатствомъ г. Дурново смотритъ что-то ужъ слишкомъ розово. Конечно, обладаніе матеріальнымъ достаткомъ даетъ возможность оказывать благодѣянія неимущимъ, нуждающимся, даетъ возможность устраивать свою жизнь самостоятельно, независимо, по убѣжденіямъ... Но не чаще ли видимъ, что богатство ведетъ человѣка по другому пути,—не чаще ли оно становится «summum bonum» для человѣка,—не чаще ли оно дѣлаетъ богача жестокосердымъ, думающимъ только о расширеніи своихъ «житницъ», — не чаще ли бываетъ, что богатый забываетъ о своей душѣ и думаетъ только объ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ и т. под.? Впрочемъ, все въ словахъ Спасителя нашего такъ ясно, что совершенно излишне

уже продолжать рѣчь... А ставъ на путь г. Дурново, можно прокомментировать ихъ—слова Господни юношѣ—еще страннѣе, еще нелѣпѣе... Можно, конечно, но нужно ли, позволительно ли?

Нужны ли еще примѣры истолковательныхъ пріемовъ г. Дурново? Кажется, достаточно и приведеннаго: до такой степени онъ на-рѣдкость характеренъ! Но укажемъ еще одинъ...

Матѳ. 22, 2—14. Здѣсь излагается притча Господня о «званныхъ» на «брачный пиръ», всѣмъ хорошо, конечно, извѣстная и заканчивающаяся словами: «*ибо много званныхъ*, *а мало избранныхъ*» (—14.—20, 16.—Лук. 14, 24).

Г. Дурново, правда, безграмотно, но все же болѣе или менѣе ясно говоритъ, что заключительныя слова «обыкновенно понимаются, какъ призваніе Іисусомъ всѣхъ людей къ участію въ вѣчной жизни, но небольшому числу избранныхъ» (рѣчь не окончена!), «которые туда попадутъ» (стр. 43). Да, призываются всѣ, но немногіе лишь попадаютъ... «Человѣкъ, пришедшій на пиръ не въ брачной одеждѣ, такъ сказать, сталъ на одинъ уровень съ тѣми многочисленными людьми, которые оскорбили и убили посланныхъ отъ царя» рабовъ. По «сравненію съ ихъ огромнымъ числомъ принятые царемъ гости представляютъ изъ себя», конечно, «незначительное меньшинство... И даже въ средѣ самихъ гостей нашелся человѣкъ, присутствіе котораго было нежелательно и недопустимо»... (цитов. т. «*Толков. Библіи*», стран. 341)... «Призываются въ царство Христово многіе, всѣ, кто слышитъ проповѣдь евангельскую, но истинными членами этого царства дѣлаются», какъ извѣстно, «не всѣ званные, а только избранные..., которыхъ, сравнительно со званными, мало»... (у *еп. Михаила* въ толков. на Матѳ.: 22, 14)...

Пониманіе подобное—естественное, ясное и обычное. Никакихъ недоразумѣній ни у кого, кажется, не могло возникать. Кажется..., но не то случилось... Мы всѣ ходимъ ногами. Это казалось всѣмъ явленіемъ нормальнымъ. Но нашелся человѣкъ, который захотѣлъ ходить головой... Нѣчто подобное случилось и съ г. Дурново, понимающимъ дѣло «какъ разъ въ прямомъ» (?) «противоположномъ смыслѣ»: именно—«всѣ»—де «люди призываются къ участію въ вѣчной жизни» (доселѣ—здравое разсужденіе!), «и очень мало тѣхъ, которые, желая попасть туда, не попадутъ» (заключеніе, однако, болѣе, чѣмъ

неожиданное!)... (стр. 43). «Если со всего брачнаго пира изгнанъ», говоритъ г. Дурново, «только одинъ человѣкъ, то я думаю, что это показываетъ, что *мало изгнанныхъ*» (стр. 44). Да развѣ о нихъ рѣчь идетъ? Рѣчь не объ *изгнанныхъ*, а объ *избранныхъ*. «Если же считать въ числѣ изгнанныхъ» (?), говоритъ г. Дурново, «и тѣхъ первыхъ званныхъ, которые истреблены, то и тогда получается, что *избранныхъ не мало, а ровно половина всѣхъ званныхъ*» (ibid.). Какъ могли быть «изгнаны» тѣ, которые и не явились, это извѣстно только одному г. Дурново. Какъ ихъ можно было бы считать среди «избранныхъ», снова неизвѣстно. Какая ариѳметика помогла г. Дурново насчитать «ровно половину всѣхъ званныхъ», снова невѣдомо... Во-истину поразительна логика, безконечно удивительны пріемы и соображенія г. Дурново! А выводы? Рекордъ неожиданности... И дальше слѣдить за нимъ, право, не хватаетъ ни желанія, ни возможности...

А кто любитъ (если только таковой человѣкъ, къ удивленію, нашелся бы) *подобную* безпримѣрную экзегетику, ни съ чѣмъ несравнимую, тотъ у г. Дурново найдетъ массу рѣдкостныхъ образчиковъ. Чего стоитъ, напр., его чисто—Колумбово открытіе, что Господь, «*съ цѣлью спасти жизнь Своего врага*, Своего предателя и къ тому же еще врага Своего ученія, отдалъ Себя въ руки враговъ Своихъ» (стр. 96)? Или чего стоитъ комментированіе г. Дурново Матѳ. 7, 6? «Подъ жемчугомъ», напр., Господь,—видите ли,—«разумѣлъ ту, дѣйствительно, драгоцѣнную» (??) «способность людей получать оправданіе даже въ самыхъ нехорошихъ своихъ поступкахъ, коль скоро они вызваны его» (?? людей?) «внутренней работой съ цѣлью осуществить свои понятія» (стр. 46)... Чѣмъ не о.о. іезуиты съ ихъ омерзительнымъ принципомъ: «цѣль оправдываетъ средства»? Умѣнье оправдаться даже въ самыхъ дурныхъ поступкахъ... восхваляется,—выходитъ,—г. Дурново... Правда, за безграмотностью его рѣчи трудно иногда бываетъ уловить смыслъ его словъ, но въ данномъ случаѣ несомнѣнно, что *это* умѣнье имѣетъ въ лицѣ его апологета, ревностнаго защитника... О другихъ экзегетическихъ перлахъ г. Дурново при изъясненіи имъ Мѳ. 7, 6 не хочется уже и говорить. Всему предѣлъ,—предѣлъ и терпѣнію читателя галиматьи московскаго богослова...

Хочется сказать еще нѣсколько словъ развѣ лишь по поводу классическаго открытія г. Дурново по вопросу о проповѣдуемой Іисусомъ Христомъ любви къ ближнимъ.

Сущность открытія состоитъ въ томъ, что г. Дурново «совершенно не нашелъ въ ученіи Іисуса того, что такъ усиленно проповѣдуется столько вѣковъ, какъ главная и основная идея—истина этого ученія,—не нашелъ той проповѣди любви къ ближнему, которая ему приписывается» (стр. 20).

Что г. Дурново не нашелъ того, чего искалъ, это неудивительно, если имѣть въ виду его пріемы, достаточно уже охарактеризованные на предыдущихъ нашихъ страницахъ. Кто ломится въ открытую дверь,—кто видя не видитъ...,—тому трудно читать то, что написано...

Мы уже неоднократно имѣли поводъ и случай выяснять христіанское ученіе о любви, какъ руководящемъ, основоположительномъ принципѣ истинно-нормальной жизнедѣятельности,—раскрывать, что оно—это ученіе—именно и проповѣдуется Іисусомъ Христомъ... Въ настоящемъ случаѣ, посему, намъ и нѣтъ ни малѣйшей надобности возвращаться къ тому, что уже сдѣлано нами въ достаточной, на нашъ взглядъ, степени. Разумѣемъ наши статьи: а) «*Христіанская любовь, какъ единственно-истинный принципъ человѣческихъ взаимоотношеній*» (актовая рѣчь) («*Христіанское Чтеніе*»: 1899 г., мартъ); б) «*Христіанская заповѣдь о любви—новая заповѣдь*» («*Душеполезное Чтеніе*»: 1908 г., мартъ, апрѣль, май, іюнь, сентябрь); в) «*Не такъ говорилъ Христосъ*» («*Церковный Вѣстникъ*»: 1912 г., № 41) и друг. Послѣдняя статья написана спеціально противъ г. Дурново,—по вопросу, нынѣ нами расматриваемому: о «любви къ ближнему». Правда, писана она до нашего непосредственнаго ознакомленія съ книгою г. Дурново,—лишь на основаніи газетной о ней замѣтки В. В. Розанова, о чемъ нами въ статьѣ и сказано,—но и теперь, послѣ того какъ трудъ г. Дурново проштудированъ нами тщательно отъ начала до конца, дѣло нисколько не измѣнилось въ нашихъ глазахъ: все, что нами тамъ сказано, сохраняетъ свое значеніе. А первыя двѣ наши статьи дополняютъ дѣло.

Въ настоящемъ случаѣ ограничимся лишь самыми краткими замѣчаніями.

Г. Дурново, по его словамъ,—какъ и сказано,—«не нашелъ въ ученіи Іисуса той проповѣди любви къ ближнему, которая ему приписывается». Да не просто «не нашелъ», а «*совершенно* не нашелъ»... (стр. 20).

Онъ имѣетъ дѣло *только* съ четырьмя «Евангеліями», «не касаясь» даже и «ученія Апостоловъ» (стр. 6). Поэтому не

станемъ касаться ихъ и мы, желая говорить однимъ языкомъ съ авторомъ, т. е., съ московскимъ экзегетомъ.

Въ Евангеліи Іоанна Господь говоритъ: «*сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ*» (15, 12). «*Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ*» (—13). «*Сіе*»,—настойчиво продолжаетъ Господь,—«*заповѣдую вамъ, да любите другъ друга*» (—17)... *Заповѣдь, заповѣдую...* Кажется, ясно, что Господь училъ тому, чего въ Его ученіи г. Дурново не нашелъ. Онъ училъ не просто «любви къ ближнему», но любви до самопожертвованія. Образецъ любви далъ Самъ Господь («*какъ Я возлюбилъ васъ*»), потомъ вкусившій за насъ, изъ любви къ намъ, даже крестную смерть... Какая еще другая требуется ясность? «*Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга*» (13, 34) Исполненію людьми этой заповѣди Іисусъ Христосъ придавалъ особенное значеніе: если люди будутъ поступать согласно съ нею, то уже одного этого будетъ достаточно для того, чтобъ въ нихъ узнать именно «учениковъ» Господнихъ. Эта любовь—характернѣйшій признакъ такихъ учениковъ. Отсутствіе ея, слѣдовательно, нагляднѣе всего убѣдитъ наблюдателей, что предъ ними кто угодно другой, а только не Христовы ученики. «*Потому узнаютъ всѣ, что вы—Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою*» (—35)... На «заповѣдяхъ»: о любви къ Богу и къ ближнему «*утверждается весь законъ и пророки*» (Матѳ. 22, 40) (—37: «*возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ*»; 38: «*сія есть первая и наибольшая заповѣдь*»; 39: «*вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя*») (ср. Марк. 12, 28—33; Лук. 10, 25—28)... Но заповѣдь Господня о «*любви къ ближнему*» только тогда будетъ исполнена надлежащимъ образомъ, когда любовь наша будетъ проявляться даже и ко «*врагамъ*», когда будемъ «*благословлять проклинающихъ*» насъ, «*благотворить ненавидящимъ*» насъ, «*молиться за обижающихъ и гонящихъ*» насъ (Матѳ. 5,44 ...). Иначе мы не отличались бы, по слову Господню, отъ «*мытарей*» и «*язычниковъ*» и не уподоблялись бы всеблагому «*небесному Отцу*» (—46. 47. 45) (сравн. Лук. 6, 27. 28. 32. 33. 35)...

И ужели послѣ этого можно говорить, что «въ ученіи» Господнемъ «совершенно» нѣтъ «проповѣди любви къ ближнему»?..

Однако, довольно испытывать терпѣніе читателей,—тѣмъ

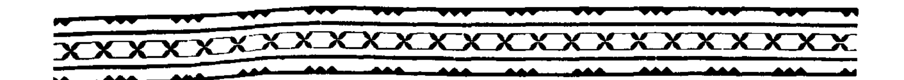
болѣе, что перечислить весь тотъ вздоръ, какой проповѣдуется г. Дурново, рѣшительно нѣтъ никакой возможности, да и то, что выше сказано нами, сказано главнымъ образомъ въ виду широкаго рекламированія книги московскаго экзегета (ср. *«Новое Время»*: 1912 г., № 13125,—25 сент.), ставшей извѣстною немалому числу читателей, которыхъ она можетъ сбить съ толку. Авторъ угрожаетъ, что выпуститъ въ свѣтъ еще и еще книги: одну, имѣющую своимъ предметомъ «философскія основы ученія Христа», и другую, раскрывающую «ученіе Апостоловъ» (стр. 6). Сохрани—Боже! Достаточно всякой галиматьи и въ изданномъ уже твореніи г. Дурново, чтобъ была какая-либо надобность въ еще новомъ и новомъ вздорѣ. Слишкомъ высоко цѣня свой вредный трудъ, авторъ предупреждаетъ, что «право собственности закрѣплено» за нимъ «во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами» (предупреждаетъ, въ частности, и по-русски, и по-нѣмецки). Только напрасно онъ тревожится: едва ли у кого хватитъ желанія посягнуть на это право! Не такова его отвратительная во всѣхъ отношеніяхъ макулатурная книга—труха!..

Ну, хотѣлось автору познакомить публику со своимъ вздорнымъ міровоззрѣніемъ...,—и знакомилъ бы прямымъ путемъ. Мало ли всякаго рода невозможныхъ писаній издается въ послѣдніе годы! Такихъ писаній, что, пожалуй, краснѣютъ и типографскіе станки, краснѣютъ отъ стыда за авторовъ... Посему и книга г. Дурново не была бы ужъ слишкомъ рѣзкимъ исключеніемъ... Но онъ вздумалъ свои бредни выдавать за ученіе Христово,—приписывать Господу нашему очень и очень часто то, чего Онъ и не говорилъ и не думалъ говорить... Сказалъ бы авторъ: *«Такъ говоритъ г. Дурново»*,—и все было бы понятно. Такъ нѣтъ, — онъ кощунственно надписываетъ своего книгу: *«Такъ говорилъ Христосъ»*...

Это—ложь на Христа. Надъ стклянкой, содержащей ядъ, должна быть соотвѣтствующая и надпись, которая предостерегала бы всякаго отъ опасной ошибки. Надъ сочиненіями въ родѣ книги, нами разсмотрѣнной, должно стоять также соовѣтствующее обозначеніе ихъ качества, напр.: *«Галиматья г. Дурново»*... И тогда все прочее будетъ обстоять благополучно...

Да...

Профессоръ **А. Бронзовъ.**

Значеніе нѣкоторыхъ наименованій, коими св. ап. Павелъ характеризуетъ пастырское служеніе.

(Пасторологическій этюдъ) [1]).

Никто, кажется, изъ дѣятелей на нивѣ Христова благовѣствованія и насажденія и утвержденія Церкви Христовой не исполнялъ разнообразныхъ функцій пастырскаго служенія съ большею ревностью, чѣмъ св. ап. Павелъ; никто изъ нихъ не обладалъ столь богатымъ, какъ онъ, дарованіями,—не только ревностью—характеристическимъ свойствомъ его личности,—но и образованностью, широкимъ и глубокимъ знаніемъ и опытомъ жизни. Въ книгѣ Дѣяній св. Апостоловъ и въ Посланіяхъ св. ап. Павла мы обладаемъ богатѣйшимъ матеріаломъ для того, чтобы получить ясное понятіе о томъ, какъ самъ апостолъ смотрѣлъ на то дѣло, къ которому онъ былъ призванъ самимъ Богомъ и которому, со времени своего обращенія, онъ посвятилъ всю свою энергію. «Дѣянія» изображаютъ многія характеристическія дѣйствія и рѣчи апостола; въ нихъ содержится много деталей, выраженныхъ иногда однимъ словомъ или фразою (см. напр., συνείχετο τῷ λόγῳ XVIII, 5; vg. instabat verbo), но содержащихъ весьма характерныя подробности и даже заключающихъ въ себѣ цѣлую картину. Служеніе св. Павла,—какъ оно описано въ указанныхъ памятникахъ,—было, очевидно, непрерывною борьбою не только съ

---

[1]) Главнымъ пособіемъ при составленіи настоящей статьи послужила книга *W. Edward'a Chadwick'a* „The Pastoral Teachin of st. Paul. His ministerial Ideals". Edinburgh, 1907.

такими препятствіями, которыя обычно встрѣчаются въ пастырско-миссіонерскомъ дѣлѣ, но и съ неправильнымъ пониманіемъ и неправильными представленіями и даже преслѣдованіями со стороны тѣхъ, которые должны были бы правильно понимать его и оказывать содѣйствіе великому благовѣстнику. Отсюда—помимо того, что апостолъ долженъ былъ проповѣдовать Евангеліе и утверждать вѣру тѣхъ, кои приняли благовѣстіе, св. Павелъ долженъ былъ нерѣдко защищать свое дѣло и чистоту своихъ намѣреній (ср. 2 Кор. I, 17; II, 17). Подобныя нападки св. Павелъ отражалъ опредѣленнымъ объясненіемъ своихъ мотивовъ, раскрытіемъ своихъ методовъ и особенно—изложеніемъ исторіи своей жизни (см., напр., Галат. I, 13—II, 21; Филип. III, 2 слѣд.). Когда ему приписывались принципы, которые въ дѣйствительности не были его принципами, св. Павелъ отвѣчалъ объясненіемъ своихъ дѣйствительныхъ мотивовъ; когда ставилось подъ вопросомъ его достоинство, апостолъ объяснялъ и раскрывалъ свои истинные методы; если подвергалась сомнѣнію его искренность, св. Павелъ объяснялъ, что̀ онъ сдѣлалъ и перенесъ за дѣло Христово. Короче, св. Павелъ часто вынуждался своими оппонентами къ изложенію apologiae pro vita sua, которое содержитъ замѣчательно полное его самооткровеніе. Благодаря этому обстоятельству, мы имѣемъ бо̀льшую часть нашихъ свѣдѣній о пастырскихъ методахъ и идеалахъ св. ап. Павла. Почти во всякомъ его посланіи мы найдемъ болѣе или менѣе значительный элементъ автобіографическаго самооткровенія,—и чаще непрямо и implicite, чѣмъ прямо и explicite. Въ различныхъ своихъ посланіяхъ апостолъ описываетъ свои дѣйствія и мотивы ихъ (ср. 2 Кор. I, 8, 23 слѣд.; II, 12 слѣд.; Филип. II, 25 слѣд.), свое поведеніе до и послѣ своего обращенія, раскрываетъ свой внутренній опытъ,—что̀ онъ думалъ и чувствовалъ въ прежней іудейской жизни и въ жизни новой христіанской (ср., напр., Филип. I, 19 слѣд.; 2 Кор. VII, 8; 2 Кор. XII, 1 слѣд.).

Изъ богатой, неисчерпаемой сокровищницы ученія св. ап. Павла о пастырскомъ служеніи въ настоящемъ случаѣ ограничимся опытомъ уясненія смысла и пасторологическаго значенія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ наименованій, кои св. ап. Павелъ прилагалъ къ себѣ и своимъ сотрудникамъ, характеризуя въ этихъ наименованіяхъ христіанское пастырство по существу и съ точки зрѣнія вытекающихъ изъ него обязанностей, имѣющихъ посему непреходящее значеніе на всѣ времена.

Къ своему личному имени св. Павелъ во всѣхъ почти посланіяхъ (за исключеніемъ двухъ) присоединяетъ описаніе своего положенія или своей обязанности. Его любимыми терминами въ этой связи являются или «апостолъ» или «рабъ»; или иногда совмѣстно оба эти наименованія съ опредѣленіями: «Іисуса Христа» или «Іисуса Христа по волѣ Божіей». Въ посланіи къ Римлянамъ мы имѣемъ: «рабъ Іисуса Христа, призванный апостолъ» (I, 1). Во второмъ Кор. «волею Божіею апостолъ Іисуса Христа». Въ посланіи Галат.: «апостолъ, избранный не человѣками и не чрезъ человѣка, но Іисусомъ Христомъ и Богомъ Отцемъ». Къ Ефесянамъ и Колосянамъ: «волею Божіею апостолъ Іисуса Христа». Къ Филиппійцамъ (Павелъ и Тимоѳей): «рабы Іисуса Христа». Въ I Тимоѳею: «апостолъ Іисуса Христа по повелѣнію Бога, Спасителя нашего и Господа Іисуса Христа». Во 2 Тимоѳ.: «волею Божіею апостолъ Іисуса Христа». Въ посланіи къ Титу: «рабъ Божій, апостолъ же Іисуса Христа». Филимону: «узникъ Іисуса Христа». Итакъ, во всякомъ случаѣ, въ самомъ началѣ обращенія къ своимъ читателямъ, св. Павелъ всегда старался сдѣлать яснымъ свое положеніе съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ Богу и Іисусу Христу. Не просто «Павелъ» или даже «Павелъ апостолъ»—тотъ, который хочетъ учить и, совѣтывать или воодушевлять, но именно «Павелъ апостолъ» или «слуга *Іисуса Христа*.—Съ точки зрѣнія отвѣтственности и современный пастырь долженъ ясно держать предъ своимъ собственнымъ самосознаніемъ и дѣлать ясными для другихъ свои отношенія ко Христу. Говоря, что онъ совершаетъ свое служеніе по волѣ Божіей, апостолъ внушаетъ и ту общую мысль, что пастырское дѣло занимаетъ свое опредѣленное и незыблемое положеніе въ великомъ міровомъ порядкѣ, въ осуществленіи и раскрытіи великаго божественнаго плана. Каждый истинный пастырь есть «служитель», посредникъ при выполненіи этого спасительнаго плана Божія.

Какъ въ посланіи къ Римл., такъ и въ 1 Корин. св. Павелъ называетъ себя κλητὸς ἀπόστολος. Значеніе κλητὸς точно раскрывается въ словахъ: «(избранный) не человѣками и не чрезъ человѣка» (Галат. I, 1). Убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи своего служенія было постоянно присуще ап. Павлу, и ап. всегда опредѣленно и открыто свидѣтельствовалъ объ этомъ. Призваніе это обычно относится къ обращенію апостола, но въ одномъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, св. Павелъ исповѣдуетъ, что боже-

ственное избраніе и предуготовленіе его къ сему служенію началось «отъ утробы матери его». Слѣдуетъ замѣтить, что идея κλῆσις имѣла свои корни въ Ветхомъ Завѣтѣ и спеціально связана съ пророческимъ служеніемъ (Быт. XII, 1—3; Исх. III; Ис. VI, 8; Iерем. I, 4. 5 и др.). Глубокое и непоколебимое убѣжденіе, что его служеніе основывается на божественномъ призваніи, св. Павелъ сохранилъ до конца своей жизни безъ всякаго омраченія и ослабленія, — какъ это ясно видно изъ характера и обстоятельствъ всей его дѣятельности, а равно и изъ содержанія всякаго его посланія (ср. особ. Дѣян. XXIII, 30. 31; 2 Тим. IV, 17). Изъ того, что могло быть сдѣлано для Христа, какъ бы ни малъ былъ трудъ или обстоятельство,—ничто не могло казаться апостолу маловажнымъ. Совершить все, что онъ могъ для Онисима и Филимона, или написать посланіе сравнительно малой церкви въ Колоссахъ,—было для св. Павла такъ же существенно, какъ написать посланіе церкви Римской или Ефесской, а также другимъ церквамъ «Асіи». Идею всецѣлой преданности своему служенію св. Павелъ выражаетъ въ тѣхъ наименованіяхъ, кои онъ часто прилагаетъ къ самому себѣ. Таковы наименованія—ἀπόστολος, δοῦλος и διάκονος, κῆρυξ, πρεσβευτής, στρατιώτης, γεωργός и др.

Если Апостолы по—самой идеѣ своей и призванію—суть «слуги Христовы» и «домостроители таинъ Божіихъ», то первое и основное качество ихъ—«вѣрность» (1 Кор. IV, 1—2), полная точность и совершенная неповрежденность въ возвѣщеніи и выполненіи божественной истины. Въ такомъ случаѣ не остается мѣста для мысли или заботы какъ-либо выставить на первый планъ и подчеркнуть значеніе своей личности или своихъ дарованій,—все поглащается единой объективной цѣлью. Имѣется въ виду лишь одно: исполнить волю Божію о спасеніи людей, такъ что служитель Христа становится и слугою приводимыхъ имъ ко спасенію. Всякія себялюбивыя или своекорыстныя настроенія сами собою исторгаются съ корнемъ при такой самопреданности истинѣ.

Наименованіе ἀπόστολος заключаетъ въ себѣ идею человѣка, особенно близкаго ко Христу, получившаго отъ Него порученіе и полномочіе представлять Его Самого и Его дѣло, съ этою цѣлью посланнаго отъ Него въ міръ, съ возложеніемъ на «посланника» полноты личной отвѣтственности и обязанности всецѣлой личной преданности. Въ этомъ отношеніи «ἀπόστολος» отличается отъ «ἄγγελος», который по своему первоначальному и

непосредственному значенію долженъ собственно только доставить запечатанное письмо или вербально-точно передать порученіе. Такимъ образомъ, «ἀπόστολος» имѣетъ обязательство не только служить дѣйствительнымъ представителемъ Христа, но и выполнять свое порученіе примѣнительно къ спеціальнымъ нуждамъ и обстоятельствамъ (Ср. Римл. I, 5; 1 Кор. IX, 1—2). Что касается эпитетовъ δοῦλος и διάκονος, а равно и ихъ синонимовъ (ὑπηρέτης Дѣян. XXVI, 16; λειτουργός Римл. XV, 16 и др.), то они выражаютъ вообще идею полезности служенія. Въ Новомъ Завѣтѣ эти наименованія употребляются въ примѣненіи къ тѣмъ, которые угождаютъ Богу чрезъ свое полезное служеніе людямъ. Какъ извѣстно, въ Новомъ Завѣтѣ угожденіе Богу не разсматривается независимо отъ служенія нуждамъ людей. равно какъ и истинное служеніе людямъ всегда разсматривается не иначе, какъ въ отношеніи къ Богу, или къ Богу чрезъ Господа нашего Іисуса Христа. Эта тѣсная связь,— хотя и не абсолютное единство, — служенія Богу и людямъ является одною изъ самыхъ характеристическихъ чертъ религіозной жизни и дѣла въ христіанствѣ. Различіе же между δοῦλος и διάκονος слѣдующее. Δοῦλος, противоположное ἐλεύθερος и коррелятивное δεσπότης и κύριος, означаетъ человѣка, находящагося въ постоянномъ рабскомъ отношеніи къ другому. Когда св. Павелъ называетъ себя δοῦλος Θεοῦ или δοῦλος Χριστοῦ, онъ понимаетъ такія свои отношенія безъ всякаго ограниченія (Римл. VI, 18. 22. 23; Галат. VI, 17). Между тѣмъ идея термина διάκονος содержитъ въ себѣ мысль о дѣятельности «служителя» при исполненіи болѣе или менѣе опредѣленной работы, — будь это гражданская должность, обязанности коей проявляются въ опредѣленной сферѣ сохраненія закона и общественнаго порядка (Ср. Римл. XIV, 4. Сн. ст. 6), или же подъ этимъ наименованіемъ разумѣется проповѣдникъ-апостолъ (Ср. I Кор. III, 5), который на время посѣщаетъ церковь, чтобы проповѣдовать Евангеліе.—Нѣтъ нужды доказывать, что идея, выражаемая терминами δοῦλος и διάκονος, есть самая адэкватная, существенная и точная для выраженія специфическихъ особенностей пастырскаго служенія. Нѣкоторые называютъ эту идею вѣрнымъ ключомъ къ истолкованію и пониманію всего новозавѣтнаго ученія о пастырскомъ служеніи. Именно какъ «служеніе», должно быть явлено пастырство міру, особенно въ настоящее время Теперь ко всякаго рода обязанностямъ и установленіямъ примѣняется со стороны обще-

ства настойчивое требованіе—доказать свою полезность и плодотворность. Въ этомъ случаѣ недостаточно апеллировать къ прошедшему, указывать на заслуги Церкви въ ея прошломъ,—отъ Церкви и пастырей требуютъ «явить вѣру свою отъ дѣлъ своихъ» въ настоящее время. — Ап. Павелъ, какъ апостолъ язычниковъ, прославлялъ служеніе свое (Римл. XI, 13: ἐφ' ὅσον μὲν οὖν εἰμι ἐγὼ ἐθνῶν ἀπόστολος, τὴν διακονίαν μου δοξάζω). Своими неустанными трудами въ дѣлѣ просвѣщенія свѣтомъ Христовой правды язычниковъ онъ возвышалъ свое служеніе, проливалъ свѣтъ на спеціальное дѣло и на спеціальную цѣль своего служенія; являя его всемірную необходимость и вліяніе, апостолъ дѣлалъ это служеніе предметомъ уваженія и удивленія.

Служеніе (διακονία), совершаемое апостолами и всѣми истинными пастырями, характеризуется какъ «служеніе духа»—διακονία τοῦ πνεύματος (2 Кор. III, 8), «служеніе оправданія»—τῆς δικαιοσύνης (2 Кор. III, 9), «служеніе примиренія»—τῆς καταλλαγῆς (2 Кор. V, 18),—въ противоположность ветхозавѣтному служенію, которое было «служеніемъ смерти»—διακονία τοῦ θανάτου, «служеніемъ осужденія»—διακονία τῆς κατακρίσεως.

«Служеніе», обладающее такими благодатными полномочіями и рессурсами, сопровождающееся такими результатами,—имѣетъ своимъ прямымъ объектомъ человѣческое «сердце». Божественная воля о спасеніи и блаженствѣ человѣка, «законы» Христовой божественной жизни, воздѣйствіемъ св. Духа, «Духа Бога живого», «влагаются» «въ мысли людей» и «пишутся» «на сердцахъ ихъ»,—и это совершается именно чрезъ «служеніе» апостольское (Ср. 2 Кор. III,3: διακονηθεῖσα ὑφ' ὑμῶν), чрезъ ихъ необходимое и ближайшее посредство (2 Кор. III, 1 слѣд.; Евр. VIII, 10). Качества этого служенія не могли не запечатлѣться на самихъ вѣрующихъ. Послѣдніе должны живо и точно, для всѣхъ очевидно, отобразить на себѣ и въ себѣ, въ своихъ свойствахъ и въ своемъ поведеніи, достоинства и отличительныя особенности этого «служенія», и потому ап. Павелъ могъ говорить коринескимъ христіанамъ: «вы—наше письмо..., узнаваемое и читаемое всѣми человѣками»... (2 Кор. III, 2).

Въ обоихъ случаяхъ, гдѣ апостолъ прилагаетъ къ себѣ наименованіе «κῆρυξ» («герольдъ», «глашатай») — 1 Тим. II, 7 и 2 Тим. I, 21—онъ говоритъ о своемъ поставленіи быть «глашатаемъ», «апостоломъ» и «учителемъ» спеціально для *языческаго* міра. И въ томъ и въ другомъ мѣстѣ три наименованія слѣдуютъ въ одномъ и томъ же порядкѣ и—пови-

димому — изображаютъ различные виды, или факторы, его миссіонерской проповѣди. Естественно, что κήρυξ обозначаетъ такого проповѣдника, который въ дѣлѣ приведенія людей ко Христу выполняетъ необходимыя предварительныя функціи, идетъ первымъ. Когда дѣло «герольда» соединяется съ дѣломъ «апостола» — человѣка, получившаго особенное божественное полномочіе, и дѣломъ «учителя», который изъясняетъ христіанское ученіе и показываетъ, какъ слѣдуетъ его исполнять,—мы имѣемъ исчерпывающее изображеніе дѣла проповѣдника-миссіонера. Дѣятельность ап. Павла, какъ «учителя» (διδάσκαλος Ср. 1 Кор. IV, 17; Кол. I, 28; Дѣян. XX, 20; Дѣян. XV, 35; XVIII, 11; XXI, 21, 28; XXVIII, 31), не можетъ быть разсматриваема одна, сама по себѣ, внѣ связи съ пастырскою его дѣятельностью,—какъ и вообще «учительская» и «пастырская» дѣятельности тѣсно, до нерасторжимости, взаимно связаны (Ср. Еф. IV, 11). Въ этомъ отношеніи «пастырство», понимаемое какъ руководительство, даже предшествуетъ «учительству», ибо для плодотворнаго осуществленія этой последней функціи необходима уже извѣстная мѣра церковной дисциплины: необходимо создать и поддерживать условія, безъ которыхъ невозможно привлечь вниманіе тѣхъ, кои должны быть научены. И это—тѣмъ болѣе, что пастырское «наученіе» должно имѣть не теоретическій характеръ, а должно производить и обусловливать измѣненіе всего жизненнаго строя христіанина. — «Вы слышали о Христѣ и въ Немъ научились (ἐδιδάχθητε),—такъ какъ истина во Іисусѣ,—отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстителиныхъ похотяхъ, и обновиться духомъ ума вашего и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины» (Еф. IV, 21. 24 ср. Кол. II, 6).

Такому глубокому дѣйствію «наученія» на души пасомыхъ соотвѣтствуетъ и его основной источникъ. Истины, которыя апостолъ внушалъ вѣрующимъ, открылъ ему Самъ Богъ «Духомъ Своимъ (διὰ τοῦ Πνεύματος αὐτοῦ), ибо Духъ все проницаетъ и глубины Божія» (τὰ βάθη τοῦ Θεοῦ, т. е., внутреннія тайны Божества). Такимъ образомъ, для полученія «духовнаго» познанія необходимо содѣйствіе и внушеніе св. Духа. Имѣя такое познаніе, апостолъ сообщалъ его другимъ въ соотвѣтствующей формѣ, примѣняя соотвѣтствующіе методы, «соображая духовное съ духовнымъ».—Урокъ для истиннаго пастыря отсюда ясенъ. «Научить» другихъ христіанской истинѣ можетъ только тотъ, кто

самъ владѣетъ таковымъ «познаніемъ». Его необходимымъ условіемъ является то, чтобы личность пастыря, духовно возрожденная, получала просвѣщеніе Св. Духа. «Научить» другихъ христіанской истинѣ не можетъ тотъ, кто не живетъ интенсивною духовною жизнью въ неразрывномъ общеніи съ Христомъ Спасителемъ. По словамъ преп. Макарія Е., «имѣющіе внутри себя божественное богатство, если сообщаютъ кому-нибудь духовное ученіе, то, какъ бы вынося собственное сокровище, даютъ имъ» (Слово о любви, гл. V). Предметомъ «наученія» должны быть «глубины Божіи». Изученіе Библіи,—пусть само детальное,—со стороны грамматики, исторіи, географіи и археологіи и т. д. не можетъ обезпечить обладанія этими истинами. И вообще, знаніе Библіи, даже стоящее на научной высотѣ, не есть еще само по себѣ «религіозное» познаніе, познаніе законовъ духовной жизни. Кромѣ того, пастырь долженъ стремиться развивать въ людяхъ духовную сторону (ихъ разумъ, ихъ совѣсть), чтобы постепенно подготовить ихъ къ воспріятію духовнаго «наученія».

Во 2 Кор. V, 20 св. Павелъ себя и своихъ сотрудниковъ называетъ «посланниками отъ имени Христова» (ὑπὲρ Χριστοῦ πρεσβεύομεν). Въ Ефес. VI, 20 онъ говоритъ о себѣ, какъ исполняющемъ посольство въ узахъ ради откровенія тайны благовѣствованія. Въ посланіи къ Филимону (ст. 9) называетъ себя Παῦλος πρεσβύτης. Lightfoot утверждаетъ, что терминъ «πρεσβύτης» въ эпоху Павла могъ быть употребляемъ безразлично вмѣсто πρεσβευτής,—и въ такомъ случаѣ въ разбираемомъ мѣстѣ будетъ выдержана аналогія съ Ефес. VI, 20. Во 2 Кор. V. 20 выражена идея посольства къ людямъ, находящимся въ состояніи отчужденія,—если не въ прямой враждѣ къ своему верховному Владыкѣ. Посланники Христовы не требуютъ, не угрожаютъ отъ имени своего Владыки,—они «просятъ» о примиреніи, склоняя свободную волю просвѣщаемыхъ ими. Итакъ, одною изъ важнѣйшихъ задачъ и обязанностей пастырскаго служенія является—идти къ ушедшимъ «въ страну далече» и звать ихъ «домой»,—примириться съ благимъ и милосерднымъ Отцемъ.—Идеи, которыя заключаются въ образѣ «посланника», по отношенію къ пастырству слѣдующія. «Посланникъ» прежде чѣмъ приступаетъ къ исполненію своихъ обязанностей, получаетъ полномочіе отъ той власти, во имя коей онъ дѣйствуетъ. Посланникъ, пока онъ дѣйствуетъ, дѣйствуетъ не только какъ агентъ, но именно какъ представитель своего Владыки. Наконецъ, долгъ посланника не только

выполнить данную миссію,—онъ обязанъ выжидать благопріятныя обстоятельства, изучать характеры, избирать наиболѣе подходящія средства,—чтобы представить порученное дѣло въ наиболѣе пріемлемой формѣ.

Идея домоправителя, эконома (οἰκονόμος, οἰκονομία),—данная у ап. Павла въ приложеніи къ своему и пастырскому служенію вообще, также имѣетъ весьма важное значеніе для выясненія сущности и обязанностей пастырскаго служенія и заключаетъ въ себѣ много назидательнаго. На первый планъ выступаетъ здѣсь мысль объ отвѣтственности служителя Церкви предъ Домовладыкою за ввѣренныя его попеченію и управленію различныя богодарованныя средства, за духовныя, благодатныя богатства, распоряженіе коими должно совершаться въ полномъ согласіи съ намѣреніями и планами Домовладыки,—съ полною самопреданностью и безкорыстіемъ, съ рѣшительнымъ забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ, во славу Домовладыки и на пользу ввѣренныхъ попеченію домоправителя другихъ слугъ Господина. Идея огромной отвѣтственности, которой подлежитъ каждый человѣкъ за то, какъ онъ воспользовался своею жизнію, разнообразными дарованіями, положеніемъ и служеніемъ,—эта идея прямо или косвенно, explicite или implicite, проходитъ черезъ весь Новый Завѣтъ (Ср. Мѳ. XXIV, 45; XIII, 52). Если отъ всѣхъ христіанъ требуется, чтобы они служили другъ другу каждый тѣмъ даромъ, который получилъ,—какъ добрый домостроители (καλοὶ οἰκονόμοι) многоразличной благодати Божіей,—то тѣмъ въ большей степени это ожидается отъ христіанскаго пастыря. Самъ Христосъ Спаситель ясно указалъ, какія свойства являются существенно-необходимыми для лица, принявшаго на себя обязанность домоправителя, и какія, напротивъ, съ этимъ званіемъ совершенно несовмѣстимы. «Управитель невѣрный» представляется достойнымъ похвалы за то, что поступилъ благоразумно, «догадливо» (φρονίμως), избралъ для намѣченной цѣли вполнѣ подходящія средства,—за свою предусмотрительность (Ср. Мѳ. X, 16). Интересны слѣдующія сопоставленія. Когда Фараонъ сказалъ Іосифу, что онъ поставитъ его надъ всѣмъ своимъ домомъ, то въ объясненіе этого своего рѣшенія приводитъ такое основаніе: οὐκ ἔστιν ἄνθρωπος φρονιμώτερος καὶ συνετώτερος σου. Господь поставляетъ надъ своими слугами (ἐπὶ τῆς θεραπείας) домоправителя, чтобы онъ раздавалъ имъ въ свое время (положенную) мѣру хлѣба. Вѣрный и благоразумный домоправитель въ отсутствіе своего господина бу-

детъ поступать такъ же, какъ бы находился непрерывно въ его присутствіи... Невѣрный же домоправитель представляется жестокимъ, думающимъ лишь о своемъ удовольствіи. Его наказаніе будетъ страшнымъ, и онъ раздѣлитъ окончательную участь «съ невѣрными»—μετὰ τῶν ἀπίστων (Лк. XII, 42 слѣд.). Домоправитель не долженъ подавать никакихъ основаній или поводовъ къ обвиненіямъ или, по крайной мѣрѣ, онъ долженъ быть въ состояніи сейчасъ же опровергнуть ихъ, если съ чьей-либо стороны они возникнутъ (Лк. XVI, 1—2). Далѣе, въ домоправителѣ расточительность есть преступленіе, ибо здоровье, время, вліяніе, благопріятныя обстоятельства служенія пастырскаго принадлежатъ собственно Господу Богу, суть τὰ ὑπάρχοντα τοῦ Θεοῦ. Кромѣ того, домоправитель долженъ быть готовъ во всякое время дать отчетъ (τὸν λόγον) о своемъ управленіи. Неисполненіе нѣкоторыхъ обязанностей дѣлаетъ невозможнымъ самое продолженіе его служенія. Обращаясь теперь собственно къ ученію ап. Павла по данному предмету, прежде всего естественно сосредоточить вниманіе на концѣ III и началѣ IV главъ, гдѣ св. Павелъ титулъ «эконома» прилагаетъ къ себѣ и своимъ соработникамъ. Апостолъ имѣлъ въ виду исправить заблужденія коринеянъ относительно христіанскихъ учителей и ихъ обязанностей. Одна партія превозглашала своимъ вождемъ св. Павла, другая—Аполлоса (IV, 3—4), но и та и другая держались неправильнаго понятія. Правильный же взглядъ тотъ, что продолжатели дѣла Христова, кто бы они ни были,—только слуги Христовы и раздаятели Его достоянія (ὡς ὑπηρέτας Χριστοῦ καὶ οἰκονόμους μυστηρίων Θεοῦ). Отсюда, личныя природныя преимущества учителей евангелія сами по себѣ не имѣютъ важнаго значенія, судить пастырей можно лишь съ той стороны,—насколько кто вѣренъ Господу, поручившему имъ продолженіе Своего дѣла (IV, 2). «Какъ у богатаго владыки бываютъ въ домѣ слуги и экономы, распорядители по разнымъ частямъ, такъ и у Господа Іисуса Христа—Владыки всѣхъ сокровищъ духовныхъ для рода человѣческаго—есть слуги и экономы, коимъ ввѣрилъ онъ раздаяніе Своихъ сокровищъ и устроеніе дѣла Его на землѣ—спасенія людей. Но какъ слуги и экономы въ домѣ господина ничего своего не имѣютъ, а все—господское, такъ и у служителей Христовыхъ нѣтъ ничего, а все Христово. И какъ слуги и экономы ничего по своему желанію дѣлать не могутъ, а дѣлать должны только то и такъ, что и какъ велѣно господиномъ, такъ и служители Христовы не могутъ ничего дѣлать по своей собственной волѣ и по

своему собственному плану, а должны все дѣлать, какъ Господь заповѣдалъ (*Е. Θеофанъ.* Толк. на I Кор., стр. 159—160). Словомъ μυστήριον въ Новомъ завѣтѣ обозначается откровеніе Божіей силы, Божіихъ совѣтовъ. Здѣсь разумѣется, слѣдовательно, устроеніе всего дѣла Христова на землѣ, которое названо премудростію Божіею въ тайнѣ сокровенною (I Кор. II, 7; Еф. III, 9).

Другой—и послѣдній—случай употребленія термина οἰκονόμος въ приложеніи къ христіанскому пастырству находится въ посл. Тит. I, 7; епископъ долженъ быть непороченъ, какъ Божій домостроитель,не дерзокъ, не гнѣвливъ и т. д. (δεῖ τὸν ἐπίσκοπον ἀνέγκλητον εἶναι, ὡς Θεοῦ οἰκονόμον. μὴ αὐθάδη, μὴ ὀργίλον). Первое качество епископа, какъ домоправителя—безукоризненность, безупречность, чтобы онъ былъ свободенъ отъ обвиненія или порицанія (ἀνέ γκλητος отъ ἀ и ἐγκαλέω): далѣе онъ не долженъ быть самодовольнымъ, самонадѣяннымъ, надменнымъ, гордымъ, своевольнымъ, самоуправнымъ) αὐθ-άδης отъ αὐτὸς и кор. Γαδ, ἁνδανω—нравлюсь) Въ томъ и другомъ качествѣ выражается собственно требованіе вѣрности. Св. Златоустъ въ объясненіи на это мѣсто говоритъ: «кто имѣетъ внѣшнюю гражданскую власть, тотъ, какъ управляющій силою закона и необходимости, справедливо не всегда соображается съ желаніемъ подчиненныхъ. Но кто долженъ начальствовать надъ людьми, подчиняющимися ему добровольно и чувствующими благодарность за его управленіе, тотъ, если во всемъ будетъ поступать только по произволу, будто не имѣющій никому давать отчета, сдѣлаетъ свое управленіе насильственнымъ, деспотическимъ».

Существительное οἰκονομία встрѣчается шесть разъ въ посланіяхъ св. Павла (I Кор. IX, 17; Еф. I, 10; III, 29; Кол. I, 25; Тим. I, 4) и означаетъ вообще божественный планъ о спасеніи человѣка, открывающійся преимущественно въ устроеніи Церкви Христовой на землѣ,—въ осуществленіи и раскрытіи коего принимаютъ участіе и получившіе особую благодать продолжатели дѣла Христова на землѣ. Изъ указанныхъ мѣстъ остановимся на одномъ: Еф. III, 8 и слѣд. «Мнѣ, наименьшему изъ всѣхъ святыхъ, дана благодать сія благовѣствовать язычникамъ неизслѣдимыя богатства Христовы и открыть всѣмъ, въ чемъ состоитъ домостроительство [1]) тайны, сокрывавшейся

---

[1]) Всѣми лучшими критиками принимается не κοινωνία, а οἰκονομία, каковому чтенію слѣдуетъ нашъ славянскій переводъ и вообще древнеславянскіе Апостолы (см. у проф. прот. *Д. И. Богдашевскаго,* Посланіе св. Ап. Павла къ Ефесянамъ. Кіевъ, 1904, стр. 445, примѣч.).

отъ вѣчности въ Богѣ, создавшемъ все Іисусомъ Христомъ, дабы нынѣ сдѣлалась извѣстною чрезъ Церковь начальствамъ и властямъ на небесахъ многоразличная премудрость Божія, по предвѣчному опредѣленію, которое Онъ исполнилъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, въ Которомъ мы имѣемъ дерзновеніе и надежный доступъ чрезъ вѣру въ Него». Здѣсь также выражается идея пастырской отвѣтственности въ дѣлѣ осуществленія «благовѣствованія», но отвѣтственность относится не къ раскрытію «тайны» самой по себѣ, но къ уясненію и истолкованію божественныхъ плановъ и методовъ въ постепенномъ осуществленіи (ср. Еф. I, 10; Евр. I, 1 слѣд.) на землѣ этой «тайны», «сокрывавшейся отъ вѣчности въ Богѣ»,—въ чемъ проявилась многоразличная премудрость» (πολυποίκιλος σοφία) Божія. Въ раскрытіи этихъ плановъ путей Божіихъ апостолъ дѣйствовалъ не какъ отдѣльный, хотя бы и одаренный высокими благодатными силами и полномочіями христіанинъ, а какъ членъ и представитель Церкви, участникъ и точный выразитель ея жизни и ея разума, ибо «многоразличная Божія премудрость» открылась не теоретически, не въ доктринѣ, а въ самой фактической исторіи божественнаго домостроительства. «Предвѣчное опредѣленіе» осуществилось во Христѣ Іисусѣ и продолжаетъ раскрываться въ устроеніи и исторіи Церкви, «которая есть тѣло Его, полнота наполняющаго все во всемъ» (Еф. I, 23); конечная же цѣль божественнаго домостроительства, — соединеніе всего небеснаго и земного подъ главою Христомъ.

Во 2 посл. Тимоѳ. II, 1 слѣд. Апостолъ внушаетъ Тимоѳею, чтобы онъ укрѣплялся въ благодати, которая—во Христѣ Іисусѣ (ἐνδυναμοῦ ἐν τῇ χάριτι τῇ ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ), въ сферѣ коей—вся духовная сила. Каковы главнѣйшія свойства и проявленія этой силы—апостолъ опредѣленно указалъ ранѣе. Напоминая Тимоѳею возгрѣвать даръ Божій, который—въ немъ чрезъ апостольское руковозложеніе (διὰ τῆς ἐπιθέσεως τῶν χειρῶν μου) св. Павелъ говоритъ: «ибо далъ намъ Богъ духа не боязни, но силы и любви и цѣломудрія» (οὐ γὰρ ἔδωκεν ἡμῖν ὁ Θεὸς πνεῦμα δειλίας, ἀλλὰ δυνάμεως καὶ ἀγάπης καὶ σωφρονισμοῦ 1, 7). Христіанскій пастырь получаетъ въ хиротоніи духъ дерзновенія (ср. Мѳ. X, 18. 23. 26), чувство мощи и крѣпости (ср. Филип. IV, 13), направляя свою дѣятельность исключительно по мотиву безкорыстной любви къ Богу и ближнему и регулируя ее пастырскимъ благоразуміемъ (σωφρονισμοῦ). По словамъ св. Амвросія, благодать помогаетъ пастырю быть

«сильнымъ, любительнымъ, здравоумнымъ». Необходимость постояннаго, нерѣдко мучительнаго, подвига (κακοπάθησον), противостоянія и преодолѣнія встрѣчающихся на пути пастырскаго долга препятствій — иллюстрируются тремя примѣрами: воина, атлета и земледѣльца. Воинъ долженъ закалять себя въ перенесеніи строгаго режима и всевозможныхъ лишеній походной жизни; атлетъ долженъ подчиняться дисциплинѣ въ приготовленіи себя къ состязанію и строго повиноваться правиламъ состязанія (νομίμως); земледѣлецъ долженъ переносить тяжелый и продолжительный трудъ по обработкѣ, посѣву и уборкѣ урожая съ своего поля, при всякихъ, нерѣдко крайне неблагопріятныхъ, атмосферическихъ условіяхъ.

Наименованіе συστρατιώτης употребляется апостоломъ два раза: въ приложеніи къ Епафродиту (Фил. II, 25) и къ Архиппу (Филим. 4 ст.; ср. Колос. IV, 17), гдѣ послѣдній представляется исполняющимъ служеніе (τὴν διακονίαν), которое онъ принялъ въ Господѣ. Что св. Апостолъ на свое дѣло и на христіанскую жизнь смотрѣлъ какъ на духовную «брань»,— это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Метафору, взятую изъ жизни воина, онъ неоднократно употребляетъ для иллюстраціи не только своего собственнаго положенія и дѣла, но также—свойствъ и обязанностей обыкновеннаго христіанина. Въ IX гл. I посл. Коринѳ., обосновывая и защищая право христіанскаго пастыря, проповѣдника евангелія, «жить отъ благовѣствованія» (ст. 14), св. Павелъ пользуется аналогіей не только виноградаря и пастуха, но и «воина», — причемъ поставляетъ этотъ примѣръ на первомъ мѣстѣ: «какой воинъ служитъ когда-либо на своемъ содержаніи?» Во 2 Кор. VI, 7 апостолъ увѣряетъ, что онъ и его сотрудники являютъ себя какъ служители Божіи, и въ употребленіи орудій правды (которыя они держатъ), въ правой и лѣвой рукѣ» (διὰ τῶν ὅπλων τῆς δικαιοσύνης τῶν δεξιῶν καὶ ἀριστερῶν), т. е., онъ представляетъ себя воителемъ и борцомъ, употребляющимъ для защиты правды и для пораженія враговъ ея попеременно различныя орудія, какія въ каждомъ случаѣ оказываются лучше и пригоднѣе. При этомъ и защитительныя и поражающія враговъ правды орудія апостолъ и его сотрудники употребляли такъ, что чрезъ это представляли себя слугами Божіими. «По всему, чѣмъ мы защищали правое дѣло Божіе, и чѣмъ поражали ложь, нечестіе и развращеніе, всѣмъ давали мы видѣть, что мы—слуги Божіи» (Е. Ѳеофанъ). Въ Кор. X, 3, 4 св. Павелъ объясняетъ,

что онъ и его сотрудники ведутъ войну не земными средствами и что оружія ихъ воинствованія не плотскія, но сильныя помощію Божіею, на разрушеніе твердынь, крѣпостей (ὀχυρωμάτων), чисто духовнаго свойства препятствій. Ими они ниспровергаютъ «помыслы» (λογισμούς), очевидно, враждебные истинѣ,— самое тонкое, но вмѣстѣ и самое основное проявленіе воцарившагося въ человѣкѣ грѣха, а также ниспровергаютъ всякое превозношеніе (πᾶν ὕψωμα), возстающее противъ божественной истины, препятствующее пріобрѣтенію истиннаго познанія Бога (ἐπαιρόμενον κατὰ τῆς γνώσεως του Θεοῦ), при чемъ здѣсь разумѣется «гордость эллиновъ» (Златоустъ) и вообще проявленіе въ человѣкѣ и въ обществѣ духа гордыни, самоправедности и самопревозношенія, съ точки зрѣнія каковаго настроенія проповѣдь о Христѣ Распятомъ и о необходимости распятія собственной плоти съ ея страстями и похотями является или возмутительнымъ соблазномъ или очевиднымъ безуміемъ. Разоривши твердыню невѣрія и нечестія, грѣха и страстей чрезъ низложеніе «помысловъ» и всякаго посягательства на искаженіе божественной истины, — апостолы и продолжатели дѣла Христова вообще привлекаютъ человѣка къ вѣрѣ во Христа и къ подчиненію Его закону, направляя дѣйствіе своего духовнаго оружія на самодѣятельное сознаніе человѣка (νόημα), достигая того, что человѣкъ сознательно и свободно отдаетъ себя въ послушаніе Христу, въ увѣренности, что только чрезъ это сохраняется его жизнь и истинная свобода. И, наконецъ, апостолъ и всѣ пастыри вообще имѣютъ соотвѣтствующее оружіе и для того, чтобы воздѣйствовать на тѣхъ, кои, давши свободное обѣщаніе быть въ послушаніи Христову закону, затѣмъ добровольно же его нарушаютъ.

Идея «воина» въ примѣненіи къ христіанскому пастырству внушаетъ ту мысль, что пастырю прежде всего становится въ обязанность борьба съ нечестіемъ, невѣжествомъ и грѣхомъ. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ при видѣ возобладанія этихъ явленій въ его паствѣ и долженъ тотчасъ со всею рѣшительностью и со всѣмъ искусствомъ вооружаться противъ нихъ. Всякій истинный христіанскій пастырь, который знаетъ свой народъ и моральныя и соціальныя условія, среди коихъ многіе изъ его пасомыхъ живутъ, знаетъ и искушенія, коимъ они подвергаются,—живо чувствуетъ необходимость въ постоянной борьбѣ противъ зла. Онъ и самъ постоянно ведетъ «брань» противъ религіозно-нравственнаго зла и воодушевляетъ къ ней

своихъ пасомыхъ. При этомъ важно прежде всего устранить источники искушенія—твердыни врага. Пастырь долженъ наблюдать достаточно ли и правильно ли—насколько возможно—вооружены его пасомые для борьбы, въ которую они должны вступить или уже вступили. Онъ долженъ также наблюдать, не устарѣло ли и не сдѣлалось ли безполезнымъ то оружіе, которымъ они ведутъ борьбу,—какъ для нападенія, такъ и для защиты противъ современнаго оружія врага. Пастырь долженъ имѣть въ виду опасности какъ отъ скрытыхъ, такъ и отъ явныхъ нападеній. Въ различныхъ сферахъ пастырскаго дѣланія и въ различныхъ слояхъ общества силы зла принимаютъ различныя формы. Первый долгъ пастыря — пріобрѣсти вѣрныя и опредѣленныя свѣдѣнія о преобладающихъ недостаткахъ тѣхъ, кои ввѣрены непосредственному его попеченію, получить—насколько возможно—точное и ясное представленіе о природѣ и силѣ враговъ правды, кои обнаруживаютъ или могутъ проявлять свое гибельное вліяніе на его паству. Пастыри должны бороться противъ искушенія говорить о злѣ, какъ о «неизбѣжномъ», или говорить о мирѣ тамъ, гдѣ не должно быть мира.

Аналогія пастырства съ трудомъ земледѣльца раскрывается подробно въ I посл. Корин. III, 5. 9. «Кто Павелъ, кто Аполлосъ? Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, и притомъ поскольку каждому далъ Господь. Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ: посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій. Насаждающій же и поливающій суть одно; но каждый получитъ свою награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, а вы Божія нива, Божіе строеніе». Пастыри Церкви исполняютъ различныя функціи, и каждая изъ нихъ можетъ быть одинаково полезна. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ ихъ усилія, безъ помощи и благословенія Божія, тщетны. Пастырскіе труды и подвиги имѣютъ важность и значеніе только постольку, поскольку сами дѣятели бываютъ Θεοῦ συνεργοί — «Богу споспѣшники», — поскольку съ ними пребываетъ неразлучною и содѣйствующею Божественная помощь. Съ этой стороны въ отношеніи источника и основаній своихъ полномочій, благодатныхъ средствъ и коренной жизненной цѣли, между пастырями должно быть—и бываетъ въ нормальныхъ случаяхъ—абсолютное единство. Въ сравненіи съ значеніемъ божественной силы, ихъ значеніе, какъ бы ни было оно необходимо, является безко-

нечно малымъ. Однако и индивидуальный моментъ служенія, соотвѣтственно личнымъ дарованіямъ пастырей и предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ обстоятельствъ мѣста и времени,—сохраняетъ свое значеніе. «Трудъ» пастыря можетъ быть различенъ по своему напряженію и постоянству, по своему соотвѣтствію съ божественными планами, по своей отданности благодатному водительству и т. п.; и—соотвѣтственно этому—получается различный по количеству и качеству результатъ: различна и «награда». Господь цѣнитъ пастырскій трудъ, ибо чрезъ него исполняется Его отеческая воля о спасеніи людей. «Мы учащіе, говоритъ,—есмы сотрудники Божіи, содѣйствующіе намѣренію Его, спасти всѣхъ хотящаго; но не мы содѣватели или дарователи самого спасенія. Ни презирать насъ не слѣдуетъ, яко сотрудниковъ Божіихъ, ни намъ возноситься: ибо все Божіе» (Өеофилактъ). Пастырь — работникъ на нивѣ не своей, а Божіей (Θεοῦ γεώργιον, ст. 9) и самое воздѣлываніе, орошеніе и т. д. совершаются средствами, проистекающими изъ божественныхъ источниковъ. Интересно отмѣтить, что γεωργός употребляется у синоптиковъ только при изложеніи притчи о злыхъ виноградаряхъ (Мө. XXI, 33 слѣд.; Мрк. XII, 1 слѣд.; Лк. XX, 9 слѣд.), гдѣ подъ γεωργοί—очевидно—разумѣются религіозные вожди евреевъ. Существенный урокъ этой притчи заключается въ томъ, что γεωργοί суть только управители, распорядители, а не собственники. Слѣдовательно, они должны служить для Бога, а не изъ-за собственныхъ интересовъ. Ошибка Коринөянъ заключалась въ томъ, что они не видѣли этого коренного различія въ пониманіи смысла и значенія дѣятельности христіанскихъ пастырей. Они видѣли въ послѣднихъ самостоятельныхъ и независимыхъ религіозныхъ руководителей. Они представляли себѣ апостоловъ на подобіе философовъ, которые давали свое имя и проповѣдуемой системѣ и ея послѣдователямъ.

Характеренъ также терминъ, означающій отношеніе апостола къ своимъ сотрудникамъ: συνεργοὶ εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ Θεοῦ (Кол. IV, 11; ср. Римл. XVI, 3, 9, 21; 1 Кор. IV, 9; 2 Кор. I, 24; VIII, 23; Филип. II, 25; IV, 3; Филим. I, 24); Римл. VIII, 28; 1 Кор. XVI, 16; 2 Кор. VI, 1). И этотъ терминъ не лишенъ глубокой назидательности. Повидимому, св. Павелъ рѣдко трудился единолично. Слѣдовательно, онъ цѣнилъ сотрудничество и преемственность въ пастырскомъ дѣлѣ (ср. 1 Кор. IV, 10; ср. ст. 6). Употребленіемъ этого наиме-

нованія св. Павелъ выражалъ также свое смиреніе и благородство. Несмотря на свои великіе труды и особенный авторитетъ, онъ ставитъ себя на ряду со своими сотрудниками. Св. Павелъ не считалъ своихъ сотрудниковъ трудящимися для него или только соприсутствующими ему; какъ онъ, такъ и они трудятся вмѣстѣ для дѣла Божія, съ помощью одной всесильной благодати Божіей, хотя и подаваемой въ различной мѣрѣ. Различіе въ относительной важности трудовъ того и другого истиннаго пастыря теряютъ значеніе при сравненіи каждаго съ безконечнымъ идеаломъ. Если бы всегда помнили эту истину, то не пришлось бы наблюдать многихъ грустныхъ фактовъ проявленія зависти и всякаго недоброжелательства въ средѣ сопастырей.

С. Заринъ.

Архіепископъ Орловскій Смарагдъ (Крыжановскій) и Алтайскій миссіонеръ архимандритъ Макарій (Глухаревъ).

(Два письма перваго ко второму.)

Отношенія архіепископа Смарагда и архимандрита Макарія—въ такомъ ихъ званіи—были довольно кратковременны, но достаточно характерны и лестны для обоихъ. Это были сверстники по С.-Петербургской Духовной Академіи, однако Макарій (Михаилъ Глухаревъ) былъ старшимъ, принадлежа II-му курсу (1814—1817 гг.), между тѣмъ Смарагдъ (Александръ Крыжановскій) числился въ составѣ III-го курса (1815—1819 гг.). Потомъ пути ихъ разошлись въ разныхъ направленіяхъ, и (—если не считать совмѣстнаго независимаго пребыванія въ Кіевѣ въ 1825 г.—) лишь чрезъ 25 лѣтъ весьма тѣсно встрѣтились при совершенно обратной комбинаціи, когда Макарій оказался въ вѣдѣніи и подначаліи Смарагда, который пользовался славой укротителя строптивыхъ и исправителя заблудшихъ. По естественному порядку и опытамъ вѣковой жизни, можно было ожидать типическаго проявленія этихъ свойствъ, а получилось совсѣмъ иное. По разнымъ причинамъ архим. Макарій разсудилъ оставить Алтайскую миссію и въ концѣ декабря 1842 г. просилъ Синодъ объ увольненіи его отъ должности настоятеля ради поѣздки въ Іерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню. Но въ правящихъ сферахъ смотрѣли неблаговолительно и, пожалуй, подозрительно на это благочестивое предпріятіе, почему Макарій былъ просто уволенъ (16 іюня 1844 г.), безъ всякаго упоминанія о разрѣшеніи ему паломничества во Св. Землю. Повидимому, не безъ прямого участія архіеп. Смарагда устроилось такъ, что Макарій назначенъ былъ именно къ нему въ г. Болховъ настоятелемъ Троицкаго Оптина монастыря. Хотя тотъ не былъ

доволенъ такою неожиданностію и принялъ ее неохотно [1]), но со стороны Орловскаго владыки это было знакомъ особаго расположенія, которое онъ питалъ и всячески выражалъ за все время, какъ Макарій, выѣхавъ изъ Алтая 4 іюля 1844 г., прибылъ въ Болховъ 15 ноября и водворился въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ онъ „обрѣлъ благоволеніе“ у Смарагда [2]). Послѣдній всегда чтилъ заслуженнаго миссіонера-подвижника, цѣнилъ его авторитетъ весьма высоко и уважалъ по возможности всѣ его ходатайства, ради которыхъ допускалъ всѣ дозволительныя снисхожденія [3]). По словамъ архим. Іеровея (Добрицкаго), — это былъ „искренній другъ“ Смарагда, и архипастырь сохранилъ къ нему уважительную любовь до конца дней и еще 18 мая 1847 г. писалъ изъ Орла: „Въ каѳедрѣ нашей и во всей паствѣ все находится въ благополучіи. Только рабъ Божій, о. Архимандритъ Болховской Макарій, слышно, безнадежно къ жизни боленъ, и, вмѣсто Іерусалимскаго Господня Гроба, долженъ вскорѣ встрѣтиться (а можетъ быть и встрѣтился уже) съ собственнымъ своимъ гробомъ“ [4]). Когда же Макарій скончался именно въ это число — 18 мая 1847 г.,—Смарагдъ явился лично въ г. Болховъ отдать послѣдній долгъ „дорогому товарищу по Петербургской Академіи“, при чемъ, подошедши къ почившему, трижды поклонился до земли, самъ отпѣлъ съ особою торжественностію, а затѣмъ по его распоряженію тѣло было внесено

---

[1]) См. у проф. *К. В. Харламповича* на стр. 50 (въ біографіи) и у † *П. В. Птохова* на стр. 208.

[2]) См. письмо митр. Московскаго Филарета Смарагду отъ 29 марта 1847 г. въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1871 г., кн. XIII, стр. 37.

[3]) См. у *насъ* въ изданіи писемъ архіеп. Смарагда къ С. І. Трубицыной въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ т. 243, кн. IV за 1912 г., въ смѣси стр. 11 прим. Смарагдъ, бывая въ Болховѣ, приглашалъ къ сослуженію и архим. Макарія, но тотъ не всегда даже поспѣвалъ туда (ср. у † *П. В. Птохова* на стр. 192), — и другимъ такія опущенія обошлись бы дорого, а въ данномъ случаѣ ничего такого не слышно.

[4]) См. письма архіеп. Смарагда къ архимандриту Іеровею въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1911 г., № 3, стр. 387 и прим., а также и въ отдѣльномъ изданіи (Спб. 1911) на стр. 8 и прим., но цитованное (изъ сочиненія † Н. П. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. X, Спб. 1896, стр. 10) тамъ (въ прим. 3) письмо Кирѣевскаго Погодину отъ апрѣля 1848 г. о томъ, будто Смарагдъ сильно хлопоталъ въ Синодѣ, чтобы непремѣнно перевести къ себѣ „отца Макарія“, относится не къ архим. Макарію Глухареву, а къ Оптинскому старцу Макарію (Мих. Ник. Иванову, † 6 сентября 1860 г.), хотя ихъ смѣшивалъ и † архіеп. Савва (Тихомировъ): обо всемъ этомъ см. у *Е. В.*, Историческое описаніе Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губерніи), Св.-Тр. Сергіева Лавра 1902, стр. 75 сл., 83—94.

царскими вратами въ алтарь, обнесено вокругъ престола и опять царскими же вратами вынесено, обнесено кругомъ церкви и уже послѣ сего опущено въ приготовленный склепъ на правой сторонѣ трапезы въ соборномъ монастырскомъ храмѣ [5]). Знаменательно также, что и по кончинѣ о. Макарія Смарагдъ охранялъ „благоухающую память" его [6]).

Свидѣтельствомъ благоволительныхъ отношеній архіеп. Смарагда къ архим. Макарію служатъ и печатаемыя ниже два его письма, доставленныя (1912, X, 11) въ копіи (при посредствѣ профессора Казанскаго Университета Константина Васильевича Харламповича) изъ Казанской Духовной Семинаріи, куда они поступили (въ библіотеку) въ 1897 г. по духовному завѣщанію покойнаго († 2 сентября 1897 г.) аріеп. Казанскаго Владиміра (Петрова) [7]).

1.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Архимандритъ Макарій,
Мнѣ возлюбленный о Христѣ Братъ!

Полагаю, что Ваше Высокопреподобіе довольно увѣрены въ моей искренней готовности къ исполненію всего угоднаго Вамъ, по ввѣренному Вамъ управленію обители; но при всемъ томъ, не могли мы удовлетворить Вашему желанію, относительно открытія въ настоятельскихъ келіяхъ теплой церкви; а по какимъ причинамъ, это изволите усмотрѣть изъ указа Консисторіи, послѣдовавшаго на Ваше представленіе. При всемъ томъ, ни что, кажется, мѣшать Вамъ не будетъ, въ устроенной (если уже устроена) молитвенницѣ отправлять всенощныя, часы, или обѣдницы, если Вы того пожелаете, и въ особенности, если въ какое-либо время здоровье Ваше не дозволитъ Вамъ ходить въ общую церковь къ Богослуженію.

---

5) См. у † *П. В. Птохова*, Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), основатель Алтайской миссіи (Москва 1899), стр. 210, и у проф. *К. В. Харламповича*, Письма архимандрита Макарія Глухарева, основателя Алтайской миссіи (Казань 1905), стр. 55 (въ біографіи).

6) Еще 15 марта 1852 г. митр. Филаретъ писалъ архіеп. Смарагду (въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія" 1871 г., кн. XIII, стр. 42): „Радуюсь, что память о. Макарія благоухаетъ, и слово его непразднымъ остается. Добръ, видно, Вашъ Болховъ. Да благословитъ его Богъ".

7) См. о немъ у проф. *К. В. Харламповича* въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1907 г., № 9; 1909 г., №№ 2 и 5; 1910 г., №№ 2, 3 и 7—8; 1911 г., № 7—8.

Не положите, Возлюбленнѣйшій Братъ, гнѣва на мнѣ за такое неудовлетвореніе сего, Вашего желанія:—удовлетвореніе оному повлекло-бъ Епархіальное Начальство къ отвѣтственности, которой всякъ по возможности избѣгать обязанъ.

Если вздумаете о святкахъ погостить у насъ, въ Орлѣ, то я съ моей стороны прошу Васъ посѣтить и мою келію и въ ней хлѣба-соли откушать, а наипаче соутѣшиться взаимною вѣрою и любовію.

За симъ, препоручая Васъ благости и щедротамъ Вседѣющаго Промысла Божія, съ искреннѣйшимъ уваженіемъ и любовію пребыть имѣю, Вашего Высокопреподобія, Возлюбленнаго моего о Христѣ Брата и сослужителя, усерднѣйшимъ слугою:

Смарагдъ Архіепископъ.

30 ноября 1845 г.
Орловская Архіерейская
каѳедра.—

Разумѣемое въ данномъ письмѣ [8]) дѣло рисуется по документамъ въ такомъ свѣтѣ. Архим. Макарій отъ 20 ноября 1845 г. представилъ архіеп. Смарагду рапортъ слѣдующаго содержанія: „Избѣгая опаснаго вреда отъ сырости и угару въ старомъ зданіи зимняго храма въ здѣшнемъ монастырѣ, крайнею необходимостію побужденъ я къ назначенію въ домѣ настоятельскомъ двухъ комнатъ съ сѣнями для зимней церкви“, на которую отводилось пространства 18 аршинъ въ длину и 5 аршинъ въ ширину, при чемъ для настоятельскихъ келлій оставалось еще 7 комнатъ, а въ приложенной (вмѣстѣ съ планомъ) смѣтѣ на приспособленіе исчислялось 560 рублей, все же прочее потребное—въ видѣ сосудовъ, ризницы, богослужебныхъ книгъ—могло быть взято изъ другихъ церквей монастыря. Проектируемый храмъ архим. Макарій просилъ наименовать церковію „Тайной Вечери Христовой“ съ престольнымъ церковнымъ праздникомъ въ Страстной четвергъ [9]). 24 ноября 1845 г. архіеп. Смарагдъ положилъ резолюціею: „Консисторіи немедленно разсмотрѣть и доло-

---

[8]) Оно упоминается и одною фразой цитуется у проф. *К. В. Харламповича*, Письма архимандрита Макарія Глухарева, стр. 524, 1.

[9]) См. у проф. *К. В. Харламповича* на стр. 524 письмо архим. Макарія „Педагогу“ отъ 27 ноября 1845 года: „Тѣло покойнаго Мартина Андреевича погребено въ монастырѣ здѣшнемъ... Комната, въ которой онъ скончался, превратится теперь, если Господу благоугодно, въ святой алтарь храма Тайной Вечери Христовой, который уже устрояется, и мы желаемъ и стараемся, чтобъ онъ къ празднику Р. Х. былъ освященъ для соборнаго богослуженія“.

жить". Это было исполнено 28 ноября 1845 г., когда опредѣленіе Консисторіи было таково. Свода законовъ тома 12 Устава строительнаго о зданіяхъ церковныхъ, въ статьѣ 183 изображено: „На устроеніе церквей въ домахъ испрашивается разрѣшеніе Св. Синода для лицъ, пріобрѣтшихъ право на особое уваженіе, которыя не могутъ посѣщать церкви по болѣзненному состоянію и преклоннымъ лѣтамъ. На устроеніе домовыхъ церквей въ столицахъ испрашивается Высочайшее соизволеніе". Между тѣмъ, изъ рапорта Архимандрита Макарія видно, что домовую церковь предполагается устроить во избѣжаніе вреда отъ сырости и угара въ зданіи зимняго храма въ ономъ монастырѣ. Поелику же въ Болховскомъ монастырѣ зимняя церковь имѣется, на каковую своевременно не обращено должнаго вниманія, относительно устраненія неудобствъ для служенія въ оной въ зимнее время и со стороны монастырскаго начальства не принято къ сему должныхъ мѣръ, а на основаніи вышеозначеннаго положенія и Устава Духовныхъ Консисторій 48 статьи, устроеніе церквей въ домахъ, равно и другихъ вновь, по надобности, производится съ разрѣшенія Св. Синода и, при этомъ, по особымъ на то уваженіямъ; то Консисторія, не имѣя въ виду достойныхъ уваженія причинъ *ни съ коей стороны* и даже самое устроеніе въ настоятельскихъ келіяхъ *находя неблаговиднымъ*, полагаетъ—Архимандриту Макарію въ прошеніи о дозволеніи его устроить просимую церковь *отказать* и дать знать указомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поставить вниманію его, чтобы онъ неукоснительно озаботился принять мѣры къ отвращенію описанныхъ имъ неудобствъ для служенія въ зимней монастырской церкви. Резолюція Смарагда гласитъ: „Немедленно исполнить". Той порой архим. Макарій, еще не получивъ указа по опредѣленію Консисторіи 28 ноября, прислалъ новый рапортъ отъ 4 декабря 1845 г., гдѣ пишетъ: „Въ первый разъ на сихъ дняхъ получивъ случай читать книгу—Уставъ Духовныхъ Консисторій и въ ней §§ 48 и 49, долгомъ почитаю слѣдующимъ дополнить представленныя, Вашему Преосвященству, мысли мои о крайней надобности открыть зимнюю церковь въ монастырѣ" и именно тѣмъ, что въ монастырѣ есть 17 старцевъ, которые, по ветхости лѣтъ (одному 61 г., другому 67 л., третьему 68 л., четвертому 82 г., пятому 92 г. и двумъ по 69 л.), недужны и не могутъ оставаться въ сырой церкви; проситель „по прежнему молитъ объ утвержденіи архипастырскимъ соизволеніемъ" его желанія насчетъ устроенія церкви въ настоятельскихъ покояхъ. 7 декабря Смарагдъ приказалъ „Консисторіи, разсмотрѣвъ доложить", а та 18 декабря опредѣлила: Подобно первому рапорту о. Архимандрита Макарія, и изъ настоящаго рапорта не усматривается достоточныхъ причинъ къ дозволенію ему устроить въ настоятельскихъ келіяхъ больничный храмъ. Почему ему отказать, — потому болѣе, что въ Болховскомъ монастырѣ

нѣтъ и больницы для престарѣлыхъ и больныхъ монашествующихъ братій и что самое разрѣшеніе на устроеніе больничной церкви въ келіяхъ непосредственно зависитъ отъ Св. Синода. Впрочемъ, по слабому здоровью его, Архимандрита, и немощамъ извѣстнымъ епархіальному начальству, дозволить ему, Архимандриту, для душевнаго утѣшенія, молиться въ своихъ кельяхъ съ нѣкоторыми изъ братій при молитвенномъ отправленіи Всенощнаго Бдѣнія, часовъ и молебновъ, даже съ водоосвященіемъ, однакожъ не гласно и публично при стеченіи сторонняго народа, дабы въ виду гражданъ не представлялось это за обыкновеніе, о чемъ къ нему. Архимандриту, и послать указъ, чтобы онъ, согласно посланному уже по сему предмету указу, постарался предотвратить неудобства по церкви, препятствующія въ оной во всякое время исправлять богослуженіе. Смарагдъ 19 декабря 1849 г. приказалъ „исполнить", и на этомъ все дѣло по данному вопросу формально закончилось.

Отсюда видно, что въ письмѣ Смарагда разумѣется указъ Консисторіи по первому ея опредѣленію (28 ноября 1845 г.), а второе — во всемъ его содержаніи — было предвосхищено этимъ письмомъ и состоялось, конечно, по прямому внушенію Орловскаго владыки. Не менѣе безспорно и то, что здѣсь обнаружилось самое благорасположенное вниманіе Смарагда къ о. Макарію, ибо ходатайство послѣдняго не было вполнѣ обосновано ни фактически, ни формально и легко обращалось даже противъ просителя. Значитъ. Орловскій архіепископъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ ради и въ интересахъ о. Макарія все возможное.

2.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ, Архимандритъ Макарій,
Возлюбленный о Господѣ Братъ!

Только что получилъ я съ почты письмо Ваше отъ 26 ноября, какъ въ тоже время лично является Казначей [10]) за указомъ, который изъ Консисторіи и данъ. Отъ всей души моей желаю благоуспѣшнаго начала, продолженія и довершенія блаженнаго путешествія Вашего. Если такъ рано намѣрены отправиться съ мѣста: то кажется, придется долго Вамъ ожидать навигаціи въ Одессѣ.

Впрочемъ, полагаю, что Вы лучше распросили у знающихъ, какъ это дѣло бываетъ.

Книжки, напечатанной Вами, въ пользу Алтайской миссіи, я съ почты не получилъ. Но безъ сомнѣнія получу,

---

[10]) Это іеромонахъ Іеремія: см. прим. 12 на стр. 125.

и посылаю за нею въ Почтамтъ [11]). Принося Вамъ искреннѣйшую мою благодарность за подарокъ сей (безъ сомнѣнія драгоцѣнный!) есьмъ и навсегда пребуду, Вашего Высокопреподобія, усердно преданнымъ слугою:

Смарагдъ Архіепископъ.

Ноября 28. 1846.
Г. Орелъ.

Письмо это вполнѣ ясно по своему содержанію. Архим. Макарій еще съ Алтая въ ноябрѣ 1842 г. испрашивалъ отпуска въ Палестину для поклоненія Гробу Господню, но къ этому желанію власти относились неблагосклонно и долго ничѣмъ на него не отвѣчали. Не вполнѣ сочувствовалъ даже митр. Московскій Филаретъ, покровительствовавшій о. Макарію, внушая ему „воспользоваться (этимъ) случаемъ къ упражненію (себя) въ отреченіи отъ своей воли“, и еще 29 марта 1847 г. писалъ Смарагду о немъ (въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1871 г., кн. XIII, стр. 37): „Я совѣтовалъ ему поклониться гробу Господню изъ Бійска или изъ Болхова. Но онъ иначе думаетъ: да благоправитъ Господь путь его, со многимъ утѣшеніемъ духа, безъ многаго труда плоти“. Однако Макарій не переставалъ хлопотать (см. въ Орловской Духовной Консисторіи дѣло, начавшееся 8 іюля 1846 г., „объ увольненіи Настоятеля Болховскаго Оптина монастыря, Архимандрита Макарія въ Іерусалимъ для поклоненія св. мѣстамъ“, а также въ Архивѣ Св. Синода дѣла за 1846 г. №№ 631 и 1315) и отъ 30 марта 1846 г. подалъ въ Св. Синодъ прошеніе слѣдующаго содержанія:

«Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ Николай Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій,

Проситъ Орловской Епархіи Болховскаго Троицкаго Оптина Монастыря Архимандритъ Макарій, а въ чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1-е.

«Находясь въ службѣ при Алтайской церковной Миссіи въ Томской Епархіи, въ концѣ 1842 года всеподданнѣйше про-

[11]) Разумѣется, конечно, „Лепта въ пользу Алтайской духовной миссіи“, которая у проф. *К. В. Харламповича* справедливо относится (на стр. 47 біографіи) выходомъ въ свѣтъ именно къ ноябрю 1846 года, между тѣмъ † *П. В. Птоховъ* ошибочно утверждаетъ (стр. 174), что входящія въ эту книжку „стихотворенія о. Макарія напечатаны были въ первый разъ въ 1847 г.“.

силъ я, при посредствѣ Епископа Томскаго и Кавалера Преосвященнаго Афанасія, дабы повелѣно было снабдить меня паспортомъ, съ коимъ я могъ бы совершить путешествія къ Св. мѣстамъ Палестины, а въ 1843 году указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода опредѣленъ Настоятелемъ Орловской Епархіи въ Болховскомъ Троицкомъ Монастырѣ.

2-е.

«Но какъ въ ономъ указѣ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, котораго содержаніе составляло указъ ко мнѣ изъ Духовной Томской Консисторіи, нѣтъ такого изрѣченія, изъ котораго бы явствовало, что мнѣ въ прошеніи позволенія и паспорта для путешествія къ Св. мѣстамъ Палестины отказано, и которымъ бы мнѣ было воспрещено возобновленіе и повтореніе всеподданнѣйшаго прошенія о позволеніи мнѣ отправиться ко Св. мѣстамъ Палестины: посему я 2 числа Марта сего 1846 года, при посредствѣ Архіепископа Орловскаго и Кавалера, всеподданнѣйше просилъ о позволеніи мнѣ отправиться ко Св. мѣстамъ Палестины и о дарованіи мнѣ паспорта для сего.

3-е.

«Но какъ резолюція Высокопреосвященнѣйшаго Смарагда, Архіепископа Орловскаго и Сѣвскаго и Кавалера, полученная мною въ указѣ изъ Духовной Орловской Консисторіи, отъ 19-го дня сего же Марта послѣдовала таковая: „такъ какъ Архимандритъ Макарій безъ воли Св. Синода не можетъ быть уволенъ для совершенія путешествія ко Св. мѣстамъ; то предоставить ему, Архимандриту Макарію, непосредственно обратиться съ просьбою о семъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и ожидать начальственнаго разрѣшенія". — а потому непосредственно къ Святѣйшему Правительствующему Синоду обращаюсь

«Всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было снабдить меня паспортомъ, съ которымъ я могъ бы отправиться къ Св. мѣстамъ Палестины, по обѣщанію; настоятельскую же должность въ Болховскомъ Троицкомъ Монастырѣ, во время путешествія моего, можетъ исправлять Казначей сего монастыря, Іеромонахъ Іеремія [12]), имѣющій по всѣмъ частямъ весьма

[12]) Этотъ о. Іеремія управлялъ Болховскимъ монастыремъ до прибытія туда архим. Макарія, а послѣ него былъ тамъ настоятелемъ съ 14 сен-

благонадежныя способности для того; и чтобы настоятельская часть изъ доходовъ, какіе будутъ собираемы въ продолженіе путешествія моего, была обращена на Священныя потребности въ здѣшнемъ монастырѣ, всеусердно желаю. Марта 30 дня 1846 года.

«Къ сему прошенію Архимандритъ Макарій руку приложилъ. Къ поданію подлежитъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ. Сіе прошеніе писалъ и сочинялъ самъ проситель».

Дальнѣйшее теченіе дѣла излагается въ нижеслѣдующемъ рапортѣ архіеп. Смарагда Св. Синоду отъ 27 іюня 1846 г. за № 4.474.

«При указѣ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 22 числа минувшаго Маія за № 5.317-мъ, прислано ко мнѣ прошеніе Болховскаго Троицкаго Оптина Монастыря, Архимандрита Макарія, который проситъ объ увольненіи его въ Іерусалимъ для поклоненія Св. мѣстамъ, съ тѣмъ, чтобы по содержанію онаго прошенія доставилъ я свои соображенія съ заключеніемъ и возвращеніемъ самаго прошенія. По справкѣ въ Орловской Консисторіи оказалось: 1) Означенный Архимандритъ Макарій, какъ изъ послужнаго списка его видно, великороссіянинъ, Смоленской Епархіи Г. Вязьмы Богоявленской церкви Священническій сынъ. По окончаніи въ Смоленской Семинаріи курса наукъ, проходилъ должность учителя въ первоначальномъ классѣ той же Семинаріи по латинскому языку въ продолженіи года. 1817 года Іюля 18 дня, по окончаніи въ С.-Петербургской Духовной Академіи Академическаго курса, опредѣленъ, въ званіи Магистра, Инспекторомъ и Профессоромъ Церковной Исторіи и Нѣмецкаго языка въ Семинаріи Екатеринославской и вмѣстѣ съ сими должностями проходилъ должность Ректора низшихъ училищъ до Марта 1821 г. и тутъ же 1818 года Іюля 24 постриженъ въ монашество и причисленъ Соборнымъ Іеромонахомъ Кіевопечерскія Лавры и того жъ Іюля 28 Преосвященнымъ Іовомъ, Архіепископомъ Екатеринославскимъ, произведенъ въ Іеромонаха; въ 1821 году опредѣленъ Ректоромъ и Профессоромъ Богословскихъ наукъ Костромской Семинаріи, съ возведеніемъ его въ санъ Архи-

---

тября 1847 г., скончался (на покоѣ съ 5 августа 1869 г.) въ 1871 году. См. о немъ „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ т. 243, кн. IV за 1912 г., стр. 14,з (смѣсь).

мандрита второкласнаго Богоявленскаго Монастыря, каковыя должности проходилъ до исхода 1824 года, а въ семъ году по прошенію его былъ уволенъ отъ службы при Семинаріи Костромской и при тамошнемъ монастырѣ, по слабости силъ пользовался упокоеніемъ прежде въ Кіевопечерской Лаврѣ, потомъ въ Глинской Пустыни, что въ Курской Епархіи. Отсюда по указу Святѣйшаго Синода, отъ 27 Маія 1829 года, перемѣщенъ въ Тобольскую Епархію, для проповѣданія Евангелія язычникамъ и, по открытіи въ 1830 году Алтайской церковной Миссіи, служилъ въ ней настоятелемъ и миссіонеромъ до половины 1844 г., а въ семъ году по случаю опредѣленія его по указу Святѣйшаго Синода, отъ 16 Іюня 1844 года, настоятелемъ Болховскаго Троицкаго Оптина Монастыря, отправился въ оный монастырь. По службѣ его въ Алтайской церковной Миссіи удостоенъ благословенія Св. Синода, а потомъ пожалованъ крестомъ, украшеннымъ дорогими камнями. Въ концѣ 1841 и въ началѣ 1842 годовъ проходилъ, по опредѣленію Синодальному, при домѣ Епископа Томскаго сорокадневную очистительную епитимію, по случаю представленія Правительству мыслей и желаній своихъ въ разсужденіи полной Библіи на Россійскомъ языкѣ въ переводѣ съ оригиналовъ. Отъ роду ему 55 лѣтъ. 2) Сей Архимандритъ Макарій 16 числа Марта текущаго года прошеніемъ просилъ меня снабдить паспортомъ для совершенія путешествія къ Св. мѣстамъ Палестины. Такъ какъ онъ, Архимандритъ Макарій, безъ воли Святѣйшаго Синода не можетъ быть уволенъ для совершенія путешествія къ Св. мѣстамъ: то и предоставлено было отъ меня ему, Архимандриту, самому непосредственно обратиться съ просьбою о семъ въ Святѣйшій Синодъ и ожидать Начальственнаго разрѣшенія. Орловская Консисторія по сему прошенію Архимандрита Макарія представляла мнѣ свое мнѣніе слѣдующее: по соображенію приложеннаго при семъ указѣ прошенія Настоятеля Болховскаго Оптина Монастыря Архимандрита Макарія съ учиненною справкою, Консисторія не находитъ съ своей стороны препятствія къ увольненію его Архимандрита въ Іерусалимъ для поклоненія Св. мѣстамъ, тѣмъ паче, что управленіе онымъ Монастыремъ съ удобностію на время можетъ быть поручено Казначею онаго, Іеромонаху Іереміи, по благонадежности его со стороны поведенія и дознанной способности его въ управленіи тѣмъ Монастыремъ въ прежнее время, до назначенія Архимандрита Макарія Настоя-

теломъ сего Монастыря и до времени прибытія его въ оный изъ Сибири [13]); но за всѣмъ тѣмъ увольненіе его, Архимандрита, должно послѣдовать тогда, когда онъ дастъ подписку, что онъ для предпринятія путешествія имѣетъ достаточныя средства къ содержанію себя въ пути и что онъ во время путешествія своего не будетъ прибѣгать къ постороннимъ средствамъ снисканія себѣ содержанія чрезъ испрашиваніе подаяній въ пути и въ городахъ заграничныхъ. О чемъ и представить Святѣйшему Синоду отъ имени моего рапортомъ. Находя нужнымъ имѣть свѣдѣніе: на какой именно срокъ желаетъ Архимандритъ Макарій отлучиться къ Св. Палестинскимъ мѣстамъ, Консисторія по резолюціи моей [14]), состоявшейся на вышеозначенномъ мнѣніи ея, истребовала отъ него таковое свѣдѣніе, въ которомъ онъ отозвался, что означеніе срока въ паспортѣ для путешествія его къ Святымъ Палестинскимъ мѣстамъ предаетъ волѣ начальства и будетъ ли назначенъ одинъ годъ, или болѣе или менѣе—желаетъ принять это съ миромъ и упованіемъ на всеблагое Провидѣніе Божіе, уже даровавшее ему и способы для совершенія путешествія. Основываясь на семъ отзывѣ Архимандрита Макарія, я и съ своей стороны полагаю, что онъ можетъ быть уволенъ въ Іерусалимъ, срокомъ на одинъ годъ, согласно представленному мнѣ отъ Консисторіи выпрописанному мнѣнію. О чемъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, съ возращеніемъ подлиннаго прошенія Архимандрита Макарія, благопочтительнѣйше доношу на благоразсмотрѣніе».

Теперь ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, и Св. Синодъ указомъ отъ 20 августа 1846 года за № 10.274 сообщилъ о семъ архіеп. Смарагду: «Согласно съ заключеніемъ Орловскаго Епархіальнаго Начальства и на основаніи 419 ст. XIV том. Св. зак. устава о паспортахъ и бѣглыхъ, Настоятеля Болховскаго Троицкаго Монастыря, Архимандрита Макарія, уволить за границу для поклоненія Св. мѣстамъ, срокомъ на одинъ годъ,

---

[13]) См. прим. 12 на стр. 125.

[14]) Эта резолюція Преосвящ. Смарагда отъ 19 іюня 1846 г. была такова: „Немедленно истребовать отъ о. Архимандрита Макарія свѣдѣніе: на какой именно срокъ желаетъ онъ отлучиться къ Святымъ Палестинскимъ мѣстамъ?—каковое свѣдѣніе мнѣ необходимо нужно имѣть въ виду при представленіи Св. Синоду моего мнѣнія, относительно безпрепятственности къ увольненію его, о. Макарія, въ тѣ мѣста и тѣмъ еще болѣе, что безсрочнаго пашепорта ему выдавать нельзя, особенно съ оставленіемъ права должности Настоятеля Болховского монастыря".

предоставивъ Вашему Преосвященству: а) сдѣлать распоряженіе о выдачѣ Макарію вида на слѣдованіе въ одинъ изъ портовыхъ городовъ, означенныхъ въ вышеприведенной статьѣ устава о паспортахъ и бѣглыхъ, и снабженіи его заграничнымъ паспортомъ сообщить подлежащему Гражданскому Начальству и б) вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться, чтобы упомянутый монастырь со всѣмъ имуществомъ его и наличными суммами переданъ былъ на законномъ основаніи въ управленіе благонадежнѣйшему и опытнѣйшему изъ монашествующаго Духовенства, по назначенію Епархіальнаго Начальства, съ донесеніемъ о томъ и о времени выѣзда Макарія».

Такъ о. Макарій получилъ давно желанное разрѣшеніе, но не могъ воспользоваться имъ, потому что скончался среди сборовъ въ путь 18 мая 1847 г. [15]). Мы видимъ теперь, что архіеп. Смарагдъ принималъ въ этомъ дѣлѣ косвенное участіе, способствуя о. Макарію въ достиженіи цѣли и прямою помощію и вообще утвержденіемъ его репутаціи. Но замѣчательны въ Орловскомъ владыкѣ трогательная заботливость и деликатная предупредительность, какія сказываются и въ первомъ письмѣ. Впрочемъ, Смарагдъ всегда былъ внимателенъ къ своей духовной братіи, сохраняя къ достойнымъ—въ ихъ немощахъ и забвеніи—полное уваженіе съ чувствіями любве братской, нелицемѣрной и со вседушевнымъ братскимъ почтеніемъ [16]).

Н. Глубоковскій.

Спб. 1912, XII,
3—понедѣльникъ.

---

[15]) См. и у † *П. В. Знаменского*...

[16]) Такъ было, напр., въ отношеніи къ архіеп. Олонецкому († 31 іюля 1855 г.) Дамаскину (Россову), проживавшему на покоѣ въ Жабынской Введенской пустыни Тульской епархіи, о чемъ см. письма Смарагда къ С. I. Трубицыной въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ т. 243, кн. IV за 1912 г., въ смѣси стр. 12, 15.

Новыя книги.

Свящ. В. М. Яблонскій: «Руководство къ изученію Закона Божія». Изд. 2-е. Спб. 1912 г. Ч. 1—2. Ц. 75+65 к.

Составитель „руководства“—законоучитель одной изъ столичныхъ мужскихъ гимназій. Его трудъ предназначенъ для 7 и 8 классовъ всѣхъ вообще свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ немъ раскрываются: православно-христіанское вѣроученіе (въ первой части „руководства“) и (во второй) православное нравоученіе въ его существенныхъ чертахъ.

Составитель долженъ былъ имѣть въ виду у себя программу по Закону Божію и ею руководствоваться. Такою программою для него была изложенная въ опредѣленіи Св. Синода отъ 15 іюля—18 августа 1910 г. А зная, что въ распоряженіи законоучителя—всего лишь четыре недѣльныхъ часа (по два въ каждомъ изъ указанныхъ двухъ классовъ), онъ долженъ былъ вводить частности и подробности въ свою книгу съ большою осторожностью, чтобы не сдѣлать своего учебника непосильнымъ для учащихся.

Все это было большимъ для него стѣсненіемъ, но, тѣмъ не менѣе, считаться съ этимъ условіемъ приходилось,—было неизбѣжно. Отсюда естественная и понятная краткость, по мѣстамъ даже конспективность авторскихъ разсужденій, сообщеній, каковую ставить ему въ какую-либо вину было-бы, разумѣется, нельзя.

А такъ какъ составителю приходилось излагать и раскрывать столь обширную область, какова—все въ сущности христіанское вѣроученіе и все нравоученіе въ существен-

ныхъ чертахъ, то естественно, что онъ не имѣлъ никакой возможности быть самостоятельнымъ изслѣдователемъ, ни отъ кого и ни отъ чего независимымъ. Отъ авторовъ подобнаго рода книгъ обычно требуется лишь то, чтобъ они раскрывали учебный матеріалъ въ соотвѣтствіи съ послѣдними выводами той или иной науки, о которой въ учебникѣ идетъ рѣчь, и не сообщали свѣдѣній характера „археологическаго“.

Разсматривая трудъ автора—почтеннаго магистра нашей Академіи—съ этой именно стороны, находимъ, что онъ вообще достаточно является „руководствомъ“ современнымъ. Автору несомнѣнно достаточно вообще извѣстна нынѣшняя литература, относящаяся къ раскрываемымъ имъ предметамъ. Въ частности, онъ является достаточно начитаннымъ въ области богословій—основного, догматическаго, нравственнаго.

Первая часть его руководства, сообщая ученикамъ свѣдѣнія изъ области первыхъ двухъ богословскихъ наукъ, могла бы быть короче, еслибъ составителю не приходилось говорить, напр., о католикахъ, протестантахъ... и, при томъ, не разъ. У насъ дома сколько-угодно „своихъ“ еретиковъ, сектантовъ, безбожниковъ... Лучше-бы основательнѣе ознакомить учащихся съ положительнымъ православнымъ ученіемъ..., а мы, игнорируя домашнія неотложнѣйшія, насущныя потребности, „обходимъ море и сушу“ (ср. Мѳ. 23, 15), хлопочемъ о какихъ-то англиканахъ, старокатоликахъ... Эти хоть во что-нибудь вѣруютъ, а въ нашей средѣ—масса „интеллигенціи“ (безъ „интеллекта“), которая и Бога-то отрицаетъ... Вотъ-бы куда обратить все свое вниманіе. А намъ подайте католиковъ, протестантовъ... Все это—роскошь, умѣстная тогда лишь, когда есть необходимая пища—хлѣбъ насущный... Впрочемъ, составитель книги, связанный по рукамъ и ногамъ программой (иногда несуразной и безтолковой), въ данномъ случаѣ, конечно, невиноватъ и не по своей винѣ платитъ дань почтенной археологіи.

Здѣсь авторъ обнаруживаетъ знакомство съ эволюціонизмомъ вообще въ новой его стадіи, съ натуралистическими современными теоріями о происхожденіи міра, съ учеными—Вирховымъ, М. Мюллеромъ, Фаминцынымъ и т. д., знаетъ и критикуетъ Геккеля и пр. Свои знанія излагаетъ кратко и болѣе или менѣе отчетливо, болѣе или менѣе хо-

рошимъ языкомъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ читатель, конечно, не остается безъ тѣхъ или иныхъ недоумѣній, напр., слѣдя за авторскими разсужденіями о пониманіи „дней" творенія...,—но такихъ мѣстъ вообще немного, и всякій законоучитель, при преподаваніи, легко можетъ устранить затрудненія. Портятъ кое-гдѣ впечатлѣніе опечатки. Но едва ли къ ихъ числу нужно отнести мѣста въ родѣ того, гдѣ, повидимому, мыслится еще живымъ умершій Спенсеръ, и друг. Пособія, какими пользовался составитель, слѣдовало тщательно указать, напр., въ концѣ книги или въ началѣ. Это нужно, разумѣется, не для учащихся, а для того главнымъ образомъ, чтобъ использованнымъ авторомъ книгамъ было воздано „должное". Да и учащіеся могли-бы, еслибъ пожелали теперь или послѣ, отыскать эти „первоисточники" и дополнить чтеніемъ ихъ свои познанія...

Все это, умѣстное въ приложеніи къ первой части труда о. Яблонскаго, въ полной мѣрѣ приложимо и ко второй, тѣмъ болѣе, что авторъ по мѣстамъ говоритъ буквальными выписками изъ пособій, напр., изъ извѣстныхъ лекцій о. І. Л. Янышева... Никому не воспрещается пользоваться пособіями, особенно при составленіи такихъ книгъ, каковы учебники..., но всегда необходимо ихъ указывать, хотя-бы (во избѣжаніе пестроты и подобныхъ неудобствъ), напр., въ приложеніи къ книгѣ... Впрочемъ, авторъ допустилъ данный промахъ безъ какой-либо злостной цѣли, а единственно по недоразумѣнію. И рецензентъ не думаетъ обвинять его, а лишь предостерегаетъ въ виду возможности и желательности появленія дальнѣйшаго изданія его „руководства".

Жаль, что автору пришлось быть краткимъ, даже по мѣстамъ сверхъ-краткимъ. Да, двухъ недѣльныхъ уроковъ для столь важнаго предмета слишкомъ мало..., слишкомъ... Автору приходилось всячески „изворачиваться", чтобъ сдѣлать книжку и не отстающею отъ „современности". У него есть строки даже о соціализмѣ (правда, ихъ слишкомъ мало, къ сожалѣнію), о мирномъ разрѣшеніи соціальной проблемы (тоже скупо освѣщено дѣло) и пр. Онъ говоритъ и объ автономистахъ, столь нынѣ дерзко поднявшихъ голову, какъ никогда раньше, но безконечно кратко и потому, разумѣется, недостаточно... Онъ пытается полнѣе перечислить различныя этическія теоріи..., но безъ достаточной по мѣстамъ отчетливости... Рядомъ съ Гелгелемъ стоитъ Кирхнеръ! Въ крат-

комъ учебникѣ фигурируетъ „Волластонъ“. Зачѣмъ знать о такихъ „ископаемыхъ“ нашимъ школярамъ? Можно бы обойтись даже безъ „Шев (?) стбюри“ и проч. Новѣйшія, наоборотъ, этическія теоріи слѣдовало бы наградить не только вниманіемъ, но и особымъ, преимущественнымъ, чтобъ ученики, выходя въ жизнь, хоть кое - что могли отвѣтить спрашивающимъ ихъ объ „упованіи“. Толстой? Ницше? Монисты? Соловьевъ?.. Впрочемъ, программа своими цѣпями, не всегда и здѣсь сколько-нибудь разумными, видимо—не давала простора почтенному автору и лишала его всякой возможности развернуться... Рецензенту остается сказать только одно: „жаль!“ А сколько въ программѣ еще остатковъ схоластики, въ свое время перешедшей къ намъ—въ Россію—изъ католическихъ учебниковъ?! И когда только ее вышвырнутъ безъ остатка, но, разумѣется, и безъ сожалѣнія?..

Въ учебникѣ все должно быть точно, какъ въ аптекѣ (по крайней мѣрѣ, не въ еврейской), а потому читать въ немъ объ Августинѣ, какъ „*отцѣ* Церкви“, о взглядѣ бл. Августина на языческія добродѣтели, какъ на „блестящіе пороки“, при чемъ въ скобкахъ поставлены и лат. слова „splendida vitia“, какъ яко бы дѣйствительно имѣющіяся у этого учителя Церкви, и т. д. и т. д.,—не хотѣлось бы...

Рецензентъ надѣется, что въ новомъ—*третьемъ*—изданіи „руководства“ уже не окажется ни отмѣченныхъ, ни подобныхъ имъ нежелательныхъ сторонъ, ни множества тѣхъ, какія авторъ усмотритъ,—нужно вѣрить,—и самъ, исправляя свою книгу—учебникъ. Чтобъ навести составителя на „слѣдъ“, мы и позволили себѣ въ настоящей замѣткѣ отмѣтить хоть что-либо изъ замѣченнаго нами при штудированіи обѣихъ частей авторскаго труда.

Ставши въ положеніе составителя, въ его условія, рецензентъ находитъ возможнымъ сказать, что авторъ выполнилъ свое дѣло добросовѣстно. Его „руководство“ несомнѣнно пригодно для своей цѣли и въ рукахъ хорошаго законоучителя блестяще выполнитъ свою задачу. Авторъ несомнѣнно заслуживаетъ поощренія со стороны рецензента, желающаго успѣха ему въ его отвѣтственной и преполезной законоучительской дѣятельности.

Профессоръ **А. Бронзовъ**

Суздаль и его достопамятности. Труды Владимірской Ученой Архивной Коммисіи. Книга 14. Москва. 1912 г.

Въ ВИДУ приближающагося трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ, Владимірская Ученая Архивная Коммисія четырнадцатую книгу своихъ „Трудовъ“ посвятила городу Суздалю и его достопамятностямъ: въ Суздальскомъ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ погребенъ знаменитый вождь Нижегородскаго освободительнаго ополченія 1612 года—князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій.

Интересующая насъ книга „Трудовъ“ Владимірской Коммисіи состоитъ изъ двухъ главныхъ частей. Первая часть посвящена Суздалю вообще, въ его прошломъ и настоящемъ. Она содержитъ въ себѣ краткую политическую исторію г. Суздаля со времени перваго лѣтописнаго о немъ упоминанія подъ 1024 годомъ,—исторію, затѣмъ, Суздальско-Нижегородскаго княжества и Суздальско-Нижегородскаго княжескаго рода, выдававшагося, и послѣ присоединенія княжества къ Москвѣ, изъ другихъ княжеско-боярскихъ родовъ своимъ политическимъ значеніемъ. Одинъ изъ потомковъ этого княжескаго рода, Василій Ивановичъ Шуйскій, занималъ четыре года царскій престолъ. Кромѣ того, первая часть интересующей насъ книги содержитъ въ себѣ исторію бывшихъ въ Суздалѣ монастырей и церквей, вмѣстѣ съ краткой исторической справкой о существовавшей долгое время особой Суздальской епархіи (1299—1798). Въ текстѣ помѣщено 15 рисунковъ Суздальскихъ церквей и монастырей и другихъ памятниковъ мѣстной старины. Въ числѣ этихъ рисунковъ находится видъ Борисо-Глѣбской церкви въ с. Кидекшѣ, возлѣ Суздаля, построенной въ 1152 году Юріемъ Долгорукимъ (сохранившейся, конечно, съ значительными измѣненіями). Обращаютъ на себя вниманіе нижнія тябла (пластинки, украшенныя живописными сценами) западныхъ дверей Рождество-Богородичнаго собора, сдѣланныя въ первой половинѣ XIII вѣка.

Предметомъ первыхъ двухъ главъ второй части служитъ исторія Суздальскаго Спасо-Евфимьевскаго монастыря. Въ этой исторіи главное вниманіе обращено на монастырскіе

храмы; но въ ней отведено мѣсто и другимъ сторонамъ и явленіямъ жизни монастыря, между прочимъ—судьбѣ монастырскихъ крѣпостныхъ стѣнъ, видавшихъ подъ собою разныхъ враговъ, а въ смутное время бывшихъ вмѣстѣ со всѣмъ монастыремъ въ рукахъ извѣстнаго польскаго воеводы—забіяки Лисовскаго. Изъ болѣе поздней исторіи Спасо-Евфимьевскаго монастыря сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія объ обращеніи его (въ 1767 году) въ получившую печальную извѣстность духовную „крѣпость для безумствующихъ колодниковъ". За все время существованія этой своеобразной „крѣпости" въ ней перебывало (до закрытія ея въ 1905 году) до 380 заключенныхъ, изъ коихъ около трети были лица бѣлаго и чернаго духовенства. Исторія Спасо-Евфимьевскаго монастыря обильно иллюстрирована рисунками (23 рисунка), не исключая и послѣдняго духовно-тюремнаго періода его жизни (передній дворъ въ крѣпости, корридоръ въ ней, камера заключеннаго). Въ Спасо-Евфимьевскомъ монастырѣ кое-что уцѣлѣло изъ вещественной старины: древній образъ преп. Евфимія, евангеліе, крестъ, митра и вериги его, самый Спасо-Преображенскій соборъ, построенный въ концѣ XVI вѣка, окладъ и кіотъ Корсунской Божіей Матери XVI вѣка, орудія и оружіе XVII вѣка, лампада князя П. И. Шуйскаго (1622 г.), нѣсколько предметовъ церковной утвари XVI и XVII в. Изображеніе этихъ предметовъ представляетъ большой археологическій интересъ.

Третья и послѣдняя глава второй части посвящена отношеніямъ князей Пожарскихъ къ Спасо-Евфиміеву монастырю. Родъ князей Пожарскихъ велъ свое происхожденіе отъ удѣльныхъ князей Стародубскихъ (Стародубъ-Ряполовскій, нынѣ село Клязөмскій городъ на правомъ берегу р. Клязьмы, въ 12 верстахъ отъ г. Коврова Владимір. губ.), родоначальникомъ которыхъ былъ Иванъ Всеволодовичъ, сынъ великаго князя Всеволода III.

Князья Пожарскіе составляли вѣтвь этихъ Стародубскихъ князей. Родоначальникъ ихъ князь Василій Андреевичъ, жившій въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, получилъ названіе Пожарскаго отъ имени своей вотчины Пожаръ, находившейся не далеко отъ г. Коврова. Другимъ вотчиннымъ владѣніемъ князей Пожарскихъ было Мургѣево, лежавшее на среднемъ теченіи р. Луха, притока Клязьмы. Съ теченіемъ времени родъ князей Пожарскихъ размножился, что повело къ силь-

ному дробленію родовой вотчины ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ обѣдненію ихъ. Князья Пожарскіе, вслѣдствіе этого, далеко не принадлежали къ составу московской аристократіи. Никто изъ нихъ не былъ членомъ боярской думы. Дѣдъ Димитрія Михайловича Пожарскаго Ѳеодоръ Ивановичъ Нѣмой былъ только губнымъ сторостой. Въ общей родовой Мургѣевской вотчинѣ ему принадлежало одно сельцо—Волосинино съ нѣсколькими деревнями. Отъ него по наслѣдству это сельцо перешло къ его сыну и къ его знаменитому внуку и стало ко времени этого послѣдняго называться тоже Мургѣевымъ (нынѣ Мургѣево Никольское). Тутъ у кн. Д. М. Пожарскаго былъ дворъ, въ которомъ онъ и жилъ, лечась отъ ранъ, въ то время, когда къ нему пришли послы изъ Нижняго-Новгорода. По смерти его Мургѣевская его вотчина перешла къ его старшему сыну Петру, а послѣ его смерти къ его дочери Евдокіи, вышедшей замужъ за кн. Ю. А. Долгорукаго. Родъ князей Пожарскихъ прекратился со смертью внука героя князя Юрія Ивановича (въ 1685 г.).

Въ интересующей насъ книгѣ помѣщены виды села Мургѣева, мѣста усадьбы въ немъ кн. Д. М. Пожарскаго, а также сельца Троицкаго въ Пожарѣ и сохранившихся въ немъ предметовъ старины (не имѣющихъ, впрочемъ, отношенія къ кн. Д. М. Пожарскому).

Суздальскій Спасо-Евфимьевскій монастырь, находившійся сравнительно недалеко отъ Мургѣева и Пожара, былъ особенно почитаемъ въ родѣ князей Пожарскихъ. Какъ извѣстно, кн. Д. М. Пожарскій, когда Нижегородское освободительное ополченіе выступило изъ Ярославля къ Москвѣ, отправился съ пути въ Суздаль, чтобы помолиться у мощей преп. Евфимія и у родительскихъ могилъ. Князья Пожарскіе были постоянными жертвователями — благотворителями Спасо-Евфимьева монастыря. Благотворителемъ его былъ и кн. Д. М. Пожарскій. Отъ него поступили въ монастырь нѣкоторыя земельныя пожертвованія. Отъ него же, а также на поминъ души его послѣ его смерти (+1642), поступило въ монастырь не мало цѣнныхъ предметовъ церковной утвари и церковно-богослужебныхъ и иныхъ книгъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ монастырѣ. Въ книгѣ помѣщены изображенія пожертвованныхъ кн. Д. М. Пожарскимъ въ Спасо-Евфимьевъ монастырь паникадила и евангелія, ризы изъ вкладной бархатной шубы его, а также по-

жертвованныхъ его вдовою плащаницы и епитрахилей, и наконецъ шкафа съ вкладами вещей Пожарскихъ.

Кн. Д. М. Пожарскій погребенъ былъ въ общей усыпальницѣ князей Пожарскихъ въ Спасо-Евфимьевомъ монастырѣ; но могила его въ немъ не сохранилась. Въ XVIII в. одинъ изъ настоятелей монастыря распорядился разобрать и самую „палатку" князей Пожарскихъ, построенную надъ ихъ могилами съ надгробными камнями. Послѣ прекращенія рода этихъ князей, очевидно, некому стало ее поддерживать, а монастырь такой обязанности за собой не сознавалъ. Самые надгробные камни пошли на разныя монастырскія постройки. Вслѣдствіе всего этого, самая память о мѣстѣ погребенія великаго русскаго человѣка исчезла въ монастырѣ. Даже о самомъ погребеніи его въ Спасо-Евфимьевомъ монастырѣ жило лишь смутное преданіе... Произведенныя по Высочайшему повелѣнію въ 1850 г. гр. Уваровымъ раскопки обнаружили цѣлый рядъ гробовъ князей Пожарскихъ и въ числѣ ихъ гробъ сына кн. Д. М. Пожарскаго; но отыскать гробъ его самого не удалось. Только предположительно, хотя и съ очень большою вѣроятностью, признанъ этимъ гробомъ гробъ, находящійся рядомъ съ гробомъ кн. Ѳ. Д. Пожарскаго. Надъ нимъ тогда же сооруженъ памятникъ въ видѣ надгробной палатки XVII вѣка (изображеніе его помѣщено въ книгѣ).

Отрадно, что мѣстные владимірско-суздальскіе дѣятели къ трехсотлѣтію царствованія Дома Романовыхъ собрали и путемъ печати огласили все, что сохранилось на мѣстѣ объ ихъ великомъ землякѣ. Тѣмъ болѣе отрадно, что настоящее изданіе—„Суздаль и его достопамятности"—сдѣлано и съ научною, и съ художественною тщательностью.

П. Жуковичъ.

Боголюбскій, Н. И., проф.-прот., Богословіе въ апологетическихъ чтеніяхъ. Вып. 1-й. М. 1913. VIII + 271 стрн. Ц. 1 р. 50 к.

Васенко, П. Г., проф. С. Ѳ. Платоновъ, Е. Ф. Тураева-Церетели, Начало династіи Романовыхъ. Историческіе очерки. Съ 12 портретами и рисунками. Спб. 1912. 248 стрн. Цѣна 1 р. 75 коп.

Владимірскій, Ѳ. С., Антропологія и космологія Немезія, еп. Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи и патристической литературѣ. Житоміръ 1912 г. X+451 стрн. Цѣна 2 р. 50 коп.

Глаголевъ, С. С., проф., Пособіе къ изученію Основного Богословія. Москва 1912. III+285 стрн. Ц. 1 р. 50 к.

Каптеревъ, Н. Ѳ., проф., Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Время патріаршества Іосифа. Приложеніе: Отвѣтъ профессору Субботину. Изд. 2-е. Сергіевъ Посадъ 1913. VIII+271 стрн. Ц. 2 руб.

Лодыженскій, М. В., Свѣтъ незримый. Изъ области высшей мистики. Спб. 1912 г.

Новоселовъ, М. А., Забытый путь опытнаго Богопознанія. Изд. 3-е, переработанное. Приложеніе: Мистическое доказательство бытія Божія. (Религіозно-философская библіотека. Вып. 1). Москва 1912 г. 98 стрн.

Новоселовъ, М. А., О непосредственномъ откровеніи по ученію слова Божія. (Тоже. Вып. XXIX). М. 1912 г. 42 стрн.

Новоселовъ, М. А., Догматъ, этика и мистика въ составѣ христіанскаго вѣроученія. Въ приложеніи: Психологія мистическаго воспріятія. (Тоже. Вып. XXX). М. 1912 г. 61 стрн.

Обнорскій, С. П., О языкѣ Ефремовской Кормчей XII вѣка. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Спб. 1912 г. 85 стрн. Цѣна 1 р. 80 к. (Изслѣдованія по русскому языку. Томъ III, выпускъ 1-й).

Посновъ, М. Э., Гностицизмъ и борьба Церкви съ нимъ во II вѣкѣ. Кіевъ 1912 г. 59 стрн.

Прилуцкій В., свящ., Частное богослуженіе въ русской церкви въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. Кіевъ 1912 г. XIV+376+60+XIII стрн.

Сковорода, Г. С., Собраніе сочиненій. Томъ I. Съ біографіей Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго, съ замѣтками и примѣчаніями Влад. Бончъ-Бруевича. Спб. 1912. XV+514 стр. Цѣна 4 руб. (Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Выпускъ пятый).

Соболевъ, А. Н. свящ., Загробный міръ по древне-русскимъ представленіямъ. (Литературно-историческій опытъ

изслѣдованія древне-русскаго народнаго міросозерцанія). Сергіевъ Посадъ 1913 г. 208 стрн. Ц. 75 коп.

Терлецкій, В. Н., Хиліастическія теченія въ сектантствѣ. Полтава 1912 г. 308 стрн. Цѣна 1 р. 50 к.

•Титовъ, Ѳ. И., проф.-прот., Къ исторіи Кіевской Духовной Академіи въ XVII—XVIII вв. III. Воспитанники Академіи на службѣ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ связи съ біографіей Софронія Теркавіота. Кіевъ 1913 г. 181 стр. Цѣна 1 р. 20 к.

Христіанскій Востокъ. Серія, посвященная изученію христіанской культуры народовъ Азіи и Африки. Томъ I. Вып. II. Спб. 1912 г. Изд. Импер. Академіи Наукъ. Ц. 1 р. 35 к.

Целлеръ Эдуардъ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Съ девятаго нѣмецкаго изданія, редактированнаго Ф. Ларцингомъ, перевелъ С. Л. Франкъ. М. 1912. X+256 стр. Цѣна 1 р. 80 коп.

Поименованныя книги въ конторѣ журнала не продаются, и контора не принимаетъ на себя комиссіи по пріобрѣтенію ихъ въ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы о вновь выходящихъ книгахъ помѣщено было въ „Христіанскомъ Чтеніи“ сообщеніе или отзывъ, благоволятъ присылать въ редакцію журнала (Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10) по одному экземпляру каждой книги.

Редакторъ, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи

Николай Сагарда.